
ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Песня о Воркуте

Слова Федора ЩЕРБАКОВА.

Музыка Александра АВЕРКИНА.

Дуют ветры на снежных
просторах,
Мчится вьюга быстрее саней.
А над тундрою высится город
В золотистом разливе огней.
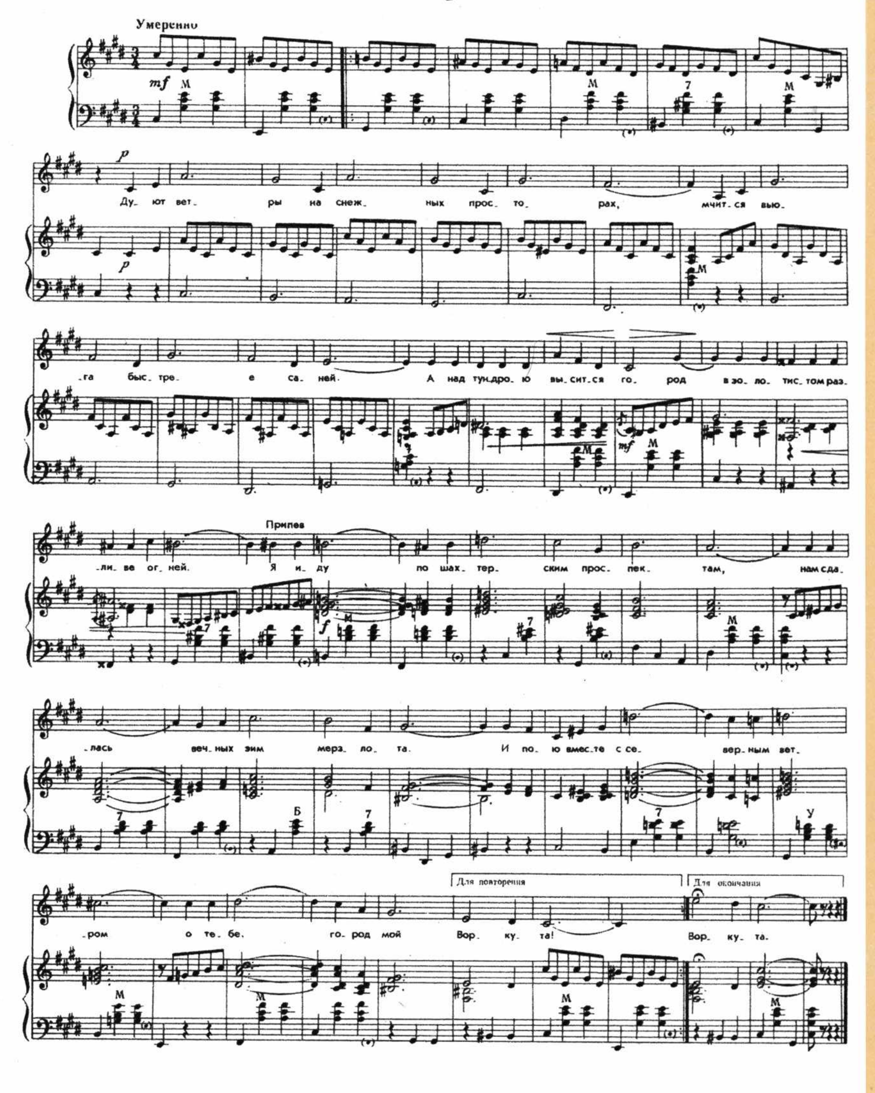
Припев:
Я иду по шахтерским проспектам,
Нам сдалась вечных зим мерзлота.
И пою вместе с северным ветром
О тебе, город мой Воркута!

А ты помнишь, что было когда-то
В этом снежном, суровом краю?
Лишь песец отпечатывал лапы
Да нужда пела песню свою.

Припев.

А теперь в тонких ивах зеленых
Молодые кварталы встают,
И один за другим эшелоны
С черным золотом мчатся на юг.

Припев:
Я иду по шахтерским проспектам,
Нам сдалась вечных зим мерзлота.
И пою вместе с северным ветром
О тебе, город мой Воркута!



ВДОХНОВЕНИЕ

С влюбленными беда. О чем бы ни зашел разговор, они все сбиваются на одно и то же. И так как интервью я брала у влюбленного, то вместо вопросов и ответов был рассказ. Рассказ о прекрасном крае, огромном и разном, возвышенном и кипучем, стремительном и поэтическом, о крае, имя которому — Республика Коми. Мой собеседник рассказывал о тундре и о Печоре, о певучих местах — Ижме и Ухте, о шахтерах Воркуты и оленеводах. Он вынул записные книжки, называл цифры, километры, фамилии людей, названия стойбищ, селений, рассказывал о фольклоре, о быте, одежде...

Кто же он? Этнограф, историк, журналист, что так досконально изучил полюбившийся ему край? Нет, композитор! Композитор, который молод, который любит жизнь, людей, страну. Композитор Александр Аверкин.

Шесть раз ездил он в край, пленивший его при первой же встрече. И из каждой поездки привозил песни. Песни о народе коми пели певцы в столичных концертных залах, их передавали по Всесоюзному радио, а композитор со своим неразлучным баяном на вертолете, на катере, а то и на оленьих упряжках мерил сотни километров, чтобы вечером в красном чуме состоялся концерт.

Мы печатаем одну из песен Аверкина, написанных им в этих поездках.

И. ВЕРШИНИНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 2 (1959)

10 ЯНВАРЯ 1965

В ЭТОМ НОМЕРЕ:



...У меня уже созрело решение не возвращаться в Америку.

Чарли Чаплин «Моя биография».



Об академике В. А. Каргине, человеке, творящем вторую природу, вы прочтете в очерке Г. Куликовской.



«...Быть может, величайший русский художник наших дней»— так писал поэт В. Брюсов о Валентине Серове.

Мы публикуем репродукции картин В. Серова и новые материалы о нем.



...В этот же день Серега Лунатик писал анонимный донос в Воронцовскую полевую жандармерию...

«Казнь в Кохановке», отрывок из нового романа И. Стаднюка.



...Наутро все село умирало со смеху...

Почему? Об этом вы узнаете, прочитав рассказ Ярослава Гашека «Крестины», публикуемый на русском языке впервые.



Идет плавка.

ЛЮДИ ПЯТОГО МАРТЕНА

Люди, о которых идет речь,— мировые рекордсмены. Их рекорд родился не в спортивном зале, не на зеленом ковре стадиона, не на ледяном поле катка. И благодарные зрители не награждали их бурными аплодисментами, не осыпали цветами. Все происходило буднично, просто и трудно.

Место действия — жаркий мартеновский цех «Запорожстали». Время действия — три последних года. Герои — сталевары печи номер 5. В 1962 году на своей 220-тонной печи они выплавили 312 тысяч тонн стали. Это был мировой рекорд. Затем коллектив пятого мартена дал стране 322 тысячи тонн стали. А в прошлом году сталевары Михаил Кинебас, Александр Лобода, Владимир Стан, Олег Невжинский, возглавляемые мастером Героем Социалистического Труда Григорием Пометуном, выплавили 325 750 тонн добротного металла. Такого результата мировая металлургия еще не знала!

Фото А. Бочинина.

Сталевар Александр Лобода.



ТАМ, ГДЕ УЛЫБАЮТСЯ ЕЛКИ



Н. ХРАБРОВА

Мы шли молча, след в след. Карл Ритиньш рассказал, что в излучине речки Режупе появилось небольшое кочевье водяных, и если мы сумеем тайно и невесомо пройти по лесу, может быть, нам удастся подсмотреть, как водяные работают на своей новостройке.

Наступая на каблуки и стараясь не дышать, мы дошли до самой Режупе. Застывающая река как ни в чем не бывало струилась в своей излучине, а на берегу макушками в воду лежали свежеповаленные ивы и желтели пни, аккуратненько обработанные под сахарные головы.

— Вот так и строят свои города и плотины здешние водяные, а проще говоря, бобры,— смеясь, сказал Ритиньш и, поглядев на наши лица, утешил:

— Ну-ну, ничего, не удалось увидеть новоселов — покажу вам старожила.

Мы снова пошли сквозь запахи хвои и свежего снега. В просветах носились дымные тучи, где-то бушевал циклон. Но его атаки далеко отсюда разбивались о первые эшелоны леса и гасли, здесь была тишина. Вдруг беспокойное небо расширилось над низкой лесной поляной, и мы увидели богатыря.

— Только вы не думайте, что в нем течет какая-нибудь породистая кровь,— сказал Ритиньш,— он наш деревенский парень: дуб обыкновенный. Сюда приезжали большие знатоки и профессора леса, вместе мы и определили, что этому дубу семьсот лет.

За ельником дорога гибко скользила среди стволов, она казалась очень нарядной в душистом зеленом воротнике из хвои. Карл Ритиньш просиял отчего-то, крепко топнул о дорогу и спросил:

— Какова? А знаете, сколько тут слез было пролито!

— Так уж и слез?

— Да, — серьезно сказал он, — когда я после войны приехал сюда лесничим, здесь оказалось сорок женщин — лесных рабочих. На заготовках они вели себя героически, а на вывозке на тогдашних дорогах плакали: сил не хватало, и лошадей жалели.

...И еще здесь оказалось тринадцать тысяч гектаров больного леса: заболоченной земли, неубранных повалов, заросших просек, омертвелых рыжих пожарищ. Лес был полон остатков Курляндского котла: в брошенных бункерах и под кочками Ритиньша подстерегали связки фашистских мин и гранат. Но одна мысль все светила ему, как солнце в конце дальней просеки: ведь именно теперь, когда у леса один хозяин — народ, можно по науке поставить лесное дело. До Советской власти тут большими участками владел некий Фолхеймс, он прославился тем, что поджег росший недалеко от его дома дуб — один из самых старых в округе; может быть, древний латышский воин посадил этот дуб в знак победы и свободы, а вот Фолхеймс облил его бензином и поджег — только для того, чтобы напугать пожарных. Он же однажды на десять тысяч лат продал лесу и сразу прокутил все... Как с такими растить леса?

Теперь же можно будет разумно спланировать рубку и добиться прироста древесины, посадить и вырастить новый лес на месте погибшего, улучшить хмурые и худосочные породы деревьев, облесить от века бросовые пустыри и болота — пусть лес не только дает древесину, а и регулирует влажность почвы и воздуха, уровень рек и озер, скорость и направление ветра.

Только для этого надо совершенно переделать все эти тысячи гектаров.

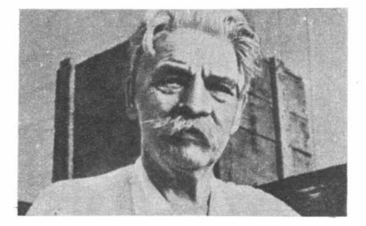
Он снял комнату у лесника в еловой глуши и от зари до зари мотался по чащам. Он устраивал здешних женщин на легкую работу; мужчины тогда были или инвалиды, или совсем мальчишки, но он все-таки ухитрился подобрать таких, которые понимали лес. Он быстро сжился с рабочими и перед каждым нарядом все старался рассказать, каким должен быть лес, и они рьяно принялись копать осушительные канавы. Тогда он позволил себе заняться перестройкой мрачного дома, в котором сушили шишки на семена, под контору и крохотную квартирку: на старом месте у него осталась жена с больными детьми, и он все время тревожился о них.

Жена с детьми приехала к нему через год. Часть болот к тому времени была осушена, со стволов старых елей понемногу начала отваливаться засохшая короста мхов, ели энергично зацвели весной, и было похоже, как будто они все время улыбаются на солнце.

Потом рабочие сами, решив не затруднять государство, провели в лесу двадцать километров телефонной связи, а вслед за этим принялись за дороги. Ритиньш с явным удовольствием делал все, как было рекомендовано в учебниках, когда он еще учился в Циркаве, в лесной школе.

А потом взялись за переделку сосен. На десяти гектарах у молодых двадцатилетних деревьев отрубили нижние сучья, оставили только крону. Ух ты, с какой силой устремились они к солнцу, похоже, повзрослеют и станут настоящей корабельной рощей! И еще на двух с половиной гектарах у моло-

---



ЛИШЬ ТОТ ДОСТОИН ЖИЗНИ...

Альберту Швейцеру — 90 лет.

О нем написаны десятки книг и созданы документальные фильмы. Слава щедра к нему, отнюдь не искавшему славы...

Да, он совсем не думал о ней, когда шесть десятилетий назад тихим утром в октябре 1905 года опустил в почтовый ящик на Авеню де ла Гран Арме в Париже несколько писем, извещавших его близких, что отныне он, Альберт Швейцер, избирает себе новую специальность — врача, чтобы отправиться затем в джунгли Африки. В то время ему было тридцать лет. Он был профессором богословия и философии Страсбургского университета, того самого, куда поступал на медицинский факультет, и известным в Европе органистом, о котором уже успел написать его друг Ромен Роллан.

Сын пастора в Эльзасе, человек крепкого крестьянского здоровья, разносторонне талантливый, он еще в детстве принял это решение — отблагодарить природу за то, что она дала ему. В двадцать один год он поставил перед собой цель: до тридцати лет учиться, после тридцати отдать свою жизнь человечеству. С тех пор он ни разу не отступил с избранного пути.

Он учился на врача семь лет. Это время Альберт Швейцер назвал потом «годами борьбы с усталостью». Он сдавал экзамены по анатомии и химии, профессорствовал в этом же университете, концертировал по Европе с друзьями из «Общества Баха» и писал о Бахе монографию сначала по-французски, потом по-немецки. Ему пришлось сократить время сна до трех часов в сутки.

В 1912 году, став врачом, он на собственные средства, вырученные от концертов, купил медицинское оборудование и отправился в Африку, где основал госпиталь в джунглях, в маленьком местечке Ламберене, ныне всемирно известном.

Пятьдесят два года трудится там Швейцер — не миссионер, не филантроп, а врач, друг африканцев. Ему не раз приходилось читать книги о «природной отсталости негров». В Африке он понял ложь этих теорий. Там, в одном из самых глухих уголков континента, жили племена с богатой и сложной культурой, изумительные резчики по дереву, прирожденные музыканты и танцоры. И он полюбил их — не как благодетель, а как собрат по нелегкой жизни в джунглях. В своей книге «В краю девственных лесов» (1924) он с отвращением писал о рыцарях капиталистической наживы, о тех, кто шел к беднякам с опиумом и ромом, кто грабил, эксплуатировал, убивал.

А ему было очень нелегко, особенно поначалу. Его первая палата помещалась в переоборудованном курятнике. Не хватало медикаментов. Не хватало помощников, опасностью номер один была сырость. За ней следовали скорпионы, змеи, белые муравьи, появлявшиеся иногда целыми полчищами, все уничтожавшими на пути.

Его звали «огангой», что значило «человек-маг». В глазах своих пациентов Швейцер обладал чудодейственной силой. Когда он давал им наркоз перед операцией, они

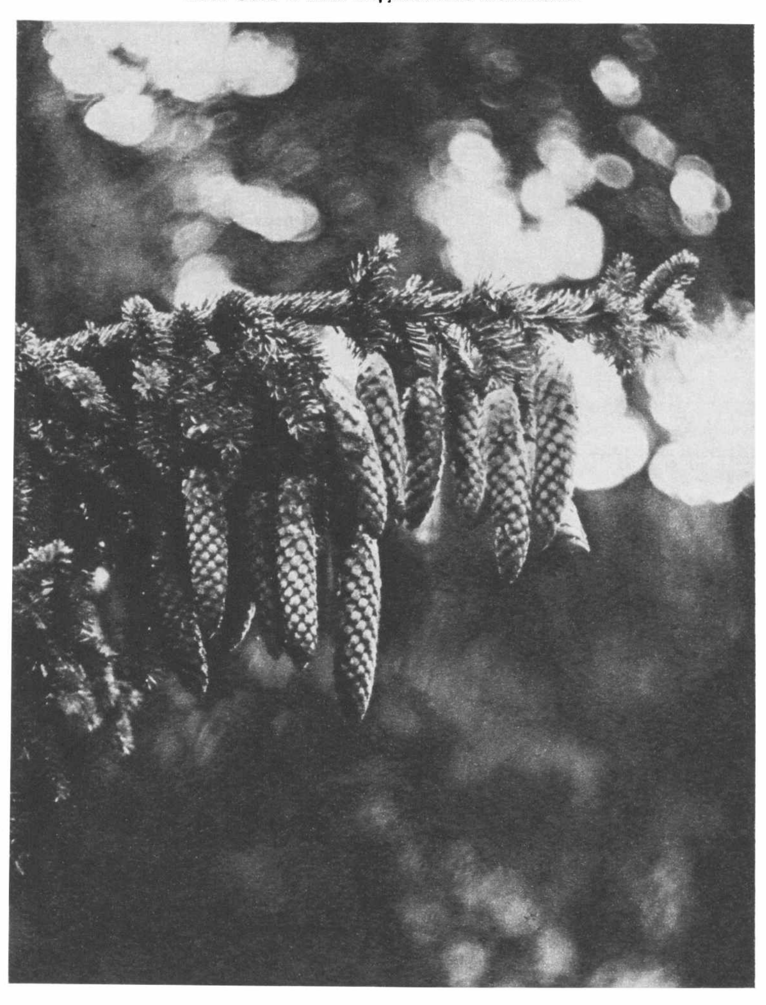
деньких сосенок прямо со ствола сняли почки — будущие сучки, эти сосенки теперь тянутся вверх, как хорошо натянутые струны, и, чудится, тихонько поют, если к ним пробьется ветерок. Ну, а потом в Кулдигском лесничестве стали делать деревьям прививки, будто это не лес, а высококультурный сад.

И подрастают на тысяче гектаров разные поколения разных пород, есть в этом лесу даже один гектар яблонь лучших сортов. Между прочим, для подготовки лесной почвы на этой тысяче гектаров Ритиньш сам придумал механизмы, они очень ускорили работу, хоть и были совсем простыми; он даже удивился, когда ему дали за них премию и рекомендовали их другим лесоводам.

...Будто не девятнадцать лет, а одно мгновение прошло со дня его приезда сюда, и за это мгновение старшая дочь, Аусма, успела окончить лесотехническое отделение сельскохозяйственной академии и поступить инженером по культурам в соседнее лесничество. Перестроенный дом успел обрасти сиренью и пионами, и маленькая сербская елка, посаженная им у входа, вымахала за крышу. Выросли и стали отчаянными охотниками и лесовиками два бровастых и лохматых щенка, заявившихся бог весть откуда в лесничество. До синевы выбелились от дождей, снегов и солнца найденные им в лесу черепа дикой козы и молодого оленя. Звери были тогда редкостью в лесу, черепа показались Ритиньшу красивыми, как тонкие скульптуры, он сделал для них ниши в бревенчатой стене сарая — лесничество стало даже чуть-чуть похоже на открытый музей под соснами. А звери нынче жалуют и жалуют откуда-то в этот лес — наверное, им нравится чистота и уют. По последней лесной «переписи», у Ритиньша в сосняках и ельниках живет тридцать диких коз, двадцать девять оленей, десяток бобров и полсотни диких кабанов.

...Небо медленно вылило на землю тихую темноту. Уснул молодой снег, разлеглись на горизонтах намаявшиеся за день тучи, ветры пригрелись на опушках под теплыми лапами елей. И ели спят, чуть поблескивая под звездами бронзовыми серьгами шишек.

Только Карл Ритиньш не спит. Он надевает свою видавшую виды шинель и шапку с кокардой из дубовых листьев, зовет отважную собаку Нелли и выходит в ночной лес на заснеженные тропы послушать, не стучит ли где нечестный топор, и привычно безмолвно спросить: «Ну что, лес? Как поживаешь, друг?»



Карл Ритиньш обходит владения свои. Вдвоем, как известно, веселее: есть с кем поделиться мыслями.

После выступлений «Огонька».

«КАПЛЯ В МОРЕ»

Так назывался отчет о заседании Общественного Телевизионного Совета, опубликованный в № 37 «Огонька» за 1964 год. На нем обсуждалось состояние дел по реставрации старых кинескопов. Участники заседания указывали, что реставрационных мастерских недостаточно и многие из них работают плохо. В связи с этим начальник Управления электронной промышленности СНХ СССР А. Бобров сообщил следующее:

«Совет народного хозяйства СССР оказал необходимую помощь союзным республикам в проектировании и изготовлении оборудования для мастерских по восстановлению кинескопов. Были созданы два типовых проекта мастерских на 8 и 16 тысяч трубок в год, а также изготовлено необходимое количество технологического оборудования.

Для создания нормальных условий работы этих мастерских СНХ СССР установил порядок обеспечения их запасными деталями и прикрепил к заводам, которые поставляют эти детали».

Тов. Бобров справедливо указывает, что сбор кинескопов, требующих реставрации, организован плохо, поэтому некоторые мастерские полностью не загружены.

Заместитель начальника Главного управления бытового обслуживания населения при Совете Министров РСФСР Б. Самойлова в своем письме сообщает: «Для мастерских по восстановлению кинескопов в гг. Брянске, Кольчугине и Ульяновске заканчивается строительство помещений, подготавливаются кадры...

Кроме этого, Советы Министров Татарской, Чечено-Ингушской и Башкирской автономных республик, Ставропольский и Краснодарский крайисполкомы, Ивановский и Читинский облисполкомы приняли решение об организации мастерских по восстановлению кинескопов сверх установленного правительством задания».

Острой критике подверглись на совещании в редакции руководители Мосгорсовнархоза за то, что в столице, располагающей огромным парком телевизоров, до сих пор нет реставрационной мастерской. Редакция терпеливо ждала сообщения о принятых мерах. Однако Мосгорсовнархоз, на который была в последнее время возложена ответственность за создание такой мастерской, до сих пор молчит.

говорили: «Доктор сначала меня убил, потом оживил...»

В годы первой мировой войны его как немецкого подданного интернирует правительство Клемансо, и он несколько лет проводит в концлагере в Каркассонне. Но Швейцер не сдается. Расчертив простой стол, он по нескольку часов барабанит по нему, имитируя игру на органе, чтобы не утратить музыкальной техники. Вернувшись в Африку, он находит свой госпиталь в состоянии полного запустения. И тогда он приступает к строительству нового, превратившись в инженера, прораба, бухгалтера. Стоя в своем знакомом по множеству снимков защитном шлеме, он часто повторяет любимые строки из «Фауста» Гете:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.

Труд врача он совмещает со множеством административных обязанностей, с научной работой. Он пишет монографию об органе и органостроении. Выпускает исследование по истории индийской философии, а затем труд, посвященный проблемам этики. Но смысл его многогранной деятельности укладывается в одну сжатую формулу, которую он избирает своим девизом: «Уважение к жизни».

Ценой героических усилий Швейцер спасает госпиталь в отчаянно трудные годы второй мировой войны. В 1948 году он совершает триумфальную поездку по Европе и Америке. С ним беседуют короли и премьер-министры, ему присуждают высшие ордена и почетные звания крупнейших университетов мира. А он никогда не изменяет своему правилу — путешествовать только в каютах и вагонах третьего класса и никогда не пользоваться услугами носильщиков. На дверях его дома в Шварцвальде висит табличка: «Посетителей просят задерживаться не более пяти минут». Он хочет, чтобы каждый желающий имел возможность с ним побеседовать. Присужденную ему в 1952 году Нобелевскую премию мира Швейцер жертвует на строительство лепрозория в Африке.

Долгое время вместе со своими друзьями и единомышленниками Роменом Ролланом, Альбертом Эйнштейном и Бертраном Расселом он отстаивал всечеловеческий, надклассовый гуманизм, хотел встать «над схваткой». «Политика — не мое дело,— говорил Швейцер.— Мое дело — этика». Но великое движение борцов за мир не могло не захватить такого человека.

23 апреля 1957 года Альберт Швейцер произнес в Осло свою знаменитую речь с призывом положить конец ядерным испытаниям. Спустя год он повторяет этот призыв. К его голосу прислушивается теперь весь мир.

Он приветствует советское предложение о всеобщем разоружении и осуждает французский ядерный взрыв в Сахаре, он одобряет план Рапацкого о создании безатомной зоны в Европе и поддерживает принятый в ГДР «Немецкий план мира».

Швейцер, которого называют «добрым человеком из Ламбарене», сказал: «Как трудно делать добро». А на вопрос о том, хотел бы он снова стать врачом в джунглях, ответил: «Нет, врачом в рабочем квартале».

Да, в триумфе Швейцера просвечивает трагедия одиночки. Ведь самыми страшными врагами, с которыми он сталкивался, были не жара, не ливни и не дикие звери, а голод, невежество, нищета, нужда — страшные спутники буржуазной цивилизации, от которой он бежал из Европы, но которую встретил в Африке в обличье колониализма.

Жизнь Альберта Швейцера относится к тем высоким и чистым образцам, которые просветляют, воспитывают, заставляют быть лучше. Это жизнь Человека с большой буквы. Человека для людей.

Б. ГИЛЕНСОН

Джеймс ОЛДРИДЖ

Кома

Я знаю, что по традиции советские журналы печатают статьи писателей, в которых говорится о надеждах на наступивший год. Я люблю писать такие статьи: в них я даю волю своей фантазии и строю, может быть, немного утопически, мир, каким он должен быть. Мы должны мечтать, пусть хоть однажды в году.

Но на этот раз мне хочется вспомнить канун того года, который пришел ко мне в австралийском буше, когда я был лет десяти-одиннадцати от роду, вспомнить, что он значил для меня, какие надежды он во мне породил, чему я тогда научился и что он во мне оставил.

Одним из моих самых закадычных друзей в маленьком городке на реке Муррей, где я жил тогда, был мальчишка по фамилии Мэрдоуч и по прозвищу «Комаренок». Наверное, он был самым бедным мальчишкой в городе. Отец Комаренка понемножку умирал с голоду в изобильной, но охваченной кризисом Австралии. Так бывало, верьте мне. Однажды он ушел в большой город в поисках работы и как в воду канул, пока много позже кто-то не рассказал Комаренку и его брату историю об отце, о том, как он напрасно пытался найти работу, как он пил с отчаяния и, наконец, умер от туберкулеза и алкоголя — но настоящей причиной его смерти была нищета.

Комаренок и его младший брат, Алекс, жили с матерью, и все женщины в нашем городке, у которых были добрые сердца, жалели их, потому что миссис Мэрдоуч, которой так долго и так отчаянно приходилось бороться за существование, немножко повредилась рассудком. Женщины из церковного округа часто приходили к их хижине у реки, принося туда немного супа, или какое-нибудь платье, или еще кое-что из благотворительных пожертвований. Миссис Мэрдоуч встречала их очень вежливо, но обычно на ней не было никакой одежды до пояса. Ее вид так смущал этих благополучных городских матрон, что они спешили быстро принести свои извинения и исчезнуть.

Я бы мог нарисовать идеальный образ маленького Комаренка, но я не собираюсь этого делать. Комаренку было всего десять лет, и его прозвали так потому, что он обладал маленьким ростом, скверным характером, острым языком, хитрыми глазенками и чувством независимости, которое порой делало его настоящим анархистом, а иногда превращало в подобострастного раба — конечно, в тех случаях, когда он хотел чего-нибудь добиться особенно. У Комаренка была твердая решимость выжить, и он использовал все возможности достичь цели. Поэтому он не всегда был идеальным товарищем. Но мы с ним отлично ладили, и я помню лишь один случай, когда мы поссорились — из-за шестипенсовой монеты.

Я тоже не принадлежал к богатой семье, хотя мой отец и был редактором местной газеты. Я помню, что месяцами у нас не бывало масла, не хватало молока и джема, хотя мы и не умирали с голоду и я не ходил с пустым желудком. А у Комаренка частенько бурчало в животе. Но хотя в это рождество в моем семействе дела обстояли лучше, чем в его, я, как и Комаренок, года два подряд не получал рождественских подарков, потому что у моих родителей не было денег, чтобы купить их.

Но к тому рождеству мы решили подкопить деньжат, чтобы предаться расточительству. Сейчас я не помню, какая роскошная вещица завладела моим сердцем, помню только, что стоила она три шиллинга и шесть пенсов. Так или иначе, но самым быстрым и, может быть, единственным способом заработать деньги в то время была ловля кроликов, которых в Австралии было изобилие. Чтобы разыскать кроличьи норы, не надо было ходить далеко. Кроликов можно было ловить с помощью хорька, силками, стрелять их и даже травить. Потом их нужно было ободрать, высушить мех на проволочных растяжках и связать шкурки по десять штук в пачку. Затем шкурки нужно было отнести местному скупщику зерна, который взвешивал их и платил деньги. За дюжину приходился шиллинг. Шкурки потом отправлялись в большой город, где из них делали мех и фетр, а из фетра — шляпы. Впрочем, большая часть фетра шла на экспорт.

У меня не было хорька, но Комаренок ухитрился достать где-то одного. Я никогда не спрашивал где. Конечно, он не мог купить хорька и, наверное, просто «позаимствовал» его. С хорьком на кроликов охотятся таким образом: запускают его в кроличью нору, в запутанную сеть подземных ходов, которые роют кролики, у других выходов из норы ставят сетки и ждут. Хорек выгоняет кроликов наружу, и те попадают в сетки. После этого их надо схватить и убить. Иногда попадается сразу несколько. Это очень быстрый и жестокий способ ловли, особенно когда хорек хороший, а кроликов много.

И вот однажды рано утром, накануне рождества, мы отправились добывать себе состояние — нашей целью было заработать три шиллинга и шесть пенсов. У Комаренка через плечо висел ящик, в котором был хорек, я нес самодельные сетки. Недалеко от города было два хороших места для ловли кроликов. Одно — на реке, на Пентал айлэнд, где кроликов было великое множество, но столько же там было и овец. И если хозяин пастбищ на этом острове поймал бы нас там, нам это не сулило ничего хорошего: он уверял, что мы пугаем его овец. Другое место было рядом с большим пшеничным полем, недалеко от города, и мы выбрали его.

Вспомните, что рождество приходится в Австралии на лето, а не на зиму; мы жили в районе жарком и пыльном. И поэтому нам предстояла нелегкая работа. Мы разыскали кроличью нору, поставили у выходов сетки, сколько их у нас было, забили оставшиеся выходы землей, запустили в нору хорька и стали ждать. Если внизу много кроликов, то из-под земли доносится шум толчков: это кролики разбегаются в разные стороны по туннелям.

Толчков было много и на этот раз, и скоро один, два, три, четыре кролика выскочили на поверхность и попали в наши сетки. Мы схватили их, свернули им головы и положили в сторонку, чтобы потом снять шкурки. Теперь проблема состояла в том, чтобы заполучить хоря наверх. Иногда хорь находит в норке крольчонка и начинает поедать у него печень, а затем засыпает прямо в норке. И тогда можно ждать часами, пока хорек соизволит выйти наружу. Иногда он застревает в подземном переходе или теряет путь наверх, и тогда можно слышать, как он в отчаянии попискивает, ища выход. Но в большинстве случаев он появляется наверху, поводя носом и стремясь улизнуть от хозяина. Я боялся зубов хорька, потому что его движения подобны молнии и он всегда готов вонзиться в руку в тот самый момент, когда ты протягиваешь ее, чтобы схватить хоря за загривок. Но Комаренок был сам похож на хорька. Он вытащил зверька за хвост и бросил его в ящик; потом мы сняли шкурки с кроликов, прихватили с собой одну тушку — на обед в дом Комаренка — и отправились к следующей норе, которая была за милю от старого места.

Тут произошло то же самое, только пойманных кроликов было пять. Но на этот раз хорек остался там, под землей. Мы ждали, ждали, ждали его и уже стали понимать, что потеряли его, потому что из-под земли не доносилось никаких звуков. В кроличьих норах таится неожиданная опасность: во-первых, гоанна, какая-то доисторическая ящерица, которая залезает в норы и поедает кроликов, и, во-вторых, ядовитые змеи, которые заползают туда главным образом в поисках тепла и убежища, но которые тоже не прочь полакомиться глазами и печенью крольчонка. В нашей части буша было множество ядовитых змей, и все лето мы держали ушки на макушке, даже в городе, потому что укус одной из них мог означать смерть.

Поэтому я ни за какие коврижки не опустил бы руку в кроличью нору. Но Комаренок был отчаянным мальчишкой, порой даже совсем бездумным, и он стал засовывать в кроличьи входы руку до самого плеча, надеясь нащупать хорька. Два раза он ничего не мог обнаружить, но на третий я заметил, что лицо его просветлело, он кивнул мне головой и стал вытягивать руку обратно. Но еще прежде чем он вытащил ее всю, я увидел выражение ужаса на его лице и уже знал: что-то произошло. Все случилось в какую-то долю секунды. Я увидел, как Комаренок вытащил руку из норы. В ней был зажат клочок кроличьего пуха и вместе с ним двухметровая тигровая змея. В тот момент, когда она вся была снаружи, ее голова метнулась назад и змея впилась Комаренку в руку.

Я думаю теперь, что он мог бы отпустить змею еще в норе или сделать множество других вещей, но в то время и при тех обстоятельствах я не мог представить себе, что Комаренок мог действовать иначе, чем он действовал.

Он отшвырнул змею, и она ударилась мне в грудь. Я заорал и отскочил в сторону. Змея, напуганная не меньше нас, мгновенно скрылась в густой спелой пшенице. Комаренок поднялся, держа вытянутой правую руку, на которой чуть повыше кисти были две красноречивых точечки — следы змеиного укуса.

Тигровая змея смертельно ядовита; после ее укуса можно выжить, лишь если немедленно принять определенные меры. Каждый мальчишка, живущий в этом районе буша, знает, что надо делать; даже в школе нас учили, как поступать в случае укуса змеи. Каждый должен был носить с собой маленький специальный набор — крошечный, размером с иголку, скальпель и трубочку с веществом для стерилизации раны.

— Быстрее доставай эту штуковину! — закричал мне Комаренок, протягивая руку.

Дело решали минуты, но у меня не было набора. И у Комаренка тоже не было.

— Нет ее у меня! — с отчаянием в голосе закричал я в ответ.

— Боже мой! — сказал Комаренок, по-прежнему держа руку вытянутой.— Теперь я помру. Достань нож...

Наш старый нож был слишком туп, чтобы им можно было разрезать сырое человеческое мясо.

— Выкуси это место,— сказал я Комаренку.— Тебе нужно вырвать его зубами.

В этом было самое главное — удалить место укуса и окружающие его ткани. Потом надо было наложить повыше на руку жгут, чтобы не дать яду дойти до сердца, и затем как можно быстрее добраться до больницы. Даже и тогда шансов выжить было меньше половины, и чем дальше была больница, тем меньше становилось шансов.

А от нас до больницы было несколько миль.

У Комаренка, как у всех бедняков-австралийцев, были плохие зубы. На этот счет тоже существовало предостережение — яд мог попасть в кровь через них, а гнилых зубов у Комаренка было хоть отбавляй.

— Сделай это сам,— сказал он.

И я это сделал. Я знал, что нужно выгрызть кусок побольше, чтобы быть уверенным в хорошем исходе. Я на всю жизнь запомнил, как я выгрызал этот кусок живого мяса из руки Комаренка. Две попытки были неудачными. «Боже!— завыл он, когда я рванул зубами этот кровавый сопротивляющийся кусок.— О боже мой!»

После этого я снял ремень и наложил на руку Комаренка жгут повыше бицепса, приказав ему зажать пальцем вену, пока закручу жгут покрепче. Его рука начала пухнуть, вены выступили наружу, и я понял, что жгут наложен хорошо.

— Тебе больно? — спросил я.

Он покачал головой. Он был бледен, его тошнило, он не мог говорить, то ли от шока, то ли от



боли, которую причинила ему моя «операция»,— не знаю. Но нам предстояло еще пробежать по меньшей мере три мили до больницы. И мы побежали. Мы оставили все, что у нас было, там, все мечты на рождественскую роскошь ценой в три шиллинга и шесть пенсов и рванулись.

Поблизости шла скверная дорога, а самый короткий путь лежал через поля. Но я сказал:

— Дуем по дороге, может быть, кто-нибудь поедет там на машине.

В те дни, когда машин было мало, этот шанс был невелик, но мы решили испытать его. До дороги мы добежали минут за десять. Потом пришлось остановиться, потому что надо было ослабить немного жгут, чтобы дать приток крови в руку, которая стала совсем красной. Теперь Комаренок испытывал страшную боль. В тот момент, когда я снова перевязал руку, мы увидели «крайслер», который гнал по пыльной дороге на полной скорости. Я знал эту машину, она принадлежала владельцу земли, где мы находились. Я вскочил, начал махать руками, кричал, пытаясь остановить его, но «крайслеры» не останавливаются ради мальчишек из буша. Средневековый рыцарь на своем боевом коне относился к крестьянину не с большим презрением, чем мистер Карри к нам. Он промчался мимо, хотя, надо сказать, ему было неизвестно, что произошло что-то ужасное.

— Теперь я помру,— сказал тогда Комаренок.— Я помру, как Джэки Пулмэн.

Джэки умер год назад от укуса змеи. Ему было восемь лет.

Было вполне возможно, что Комаренка ждало то же, и мы оба знали это. Каждый год по крайней мере один из мальчишек погибал от змеиного укуса, и теперь, очевидно, наступала очередь Комаренка. Но Комаренок обладал дикой и яростной силой сопротивления обстоятельствам. Неожиданно он тоже вскочил и стал выкрикивать ругательства вслед удалявшемуся «крайслеру» мистера Карри. Это были не те злые слова, которые произносят десятилетние мальчишки. Это были ругательства бедняка по адресу богатого хозяина. И я знаю, что злое стремление как-то отомстить мистеру Карри заставило Комаренка идти дальше.

— Вы, вы, вонючие недоноски...

Он плакал, по его лицу ручьями текли слезы.

Он плакал от боли, от злости, от страха, от жалости к себе. Злость заставляла его бежать дальше, но он начинал уставать. Мы в отчаянии преодолевали оставшееся расстояние, и Комаренка начали одолевать те страхи, которые несла с собой смерть.

— Что тогда будет делать моя старуха? — говорил он.

Он начинал беспокоиться о том, что случится с его полусумасшедшей матерью, если он умрет; а если не умрет, кто заплатит за больницу; а если все-таки умрет, откуда возьмутся деньги на похороны. Ему было всего десять лет, и если вы думаете, что я отношусь к нему излишне сентиментально, то разрешите мне сказать, что я слышал, как Комаренок ругал свою мать почти так же зло, как мистера Карри в его «крайслере». Он шел, тяжело дыша, в полузабытьи, и все несчастье жизни его, все несчастье этой горькой обязанности — существовать постоянно на грани голодной смерти — вставало передо мной. Он знал, мы все знали, что его мать больна, что его брат Алекс был слишком мал, чтобы быть ей помощником, и он представлял себе, что если они могут выжить, то только благодаря ему.

Я мог сказать ему лишь, чтобы он не беспокоился относительно платы докторам, потому что в общественных больницах не берут денег за лечение.

— Нет, берут! — кричал он мне в ответ.— Они берут деньги за лекарство, за перевязки, а если уж уложат на койку, то заставят платить по пять шиллингов в неделю...

Пять шиллингов и в те времена были небольшими деньгами, но для сумасшедшей миссис Мэрдоуч это было целое состояние. Но, может быть, это было и хорошо, что мы ковыляли по пыльной дороге, ожесточенно ведя этот глупый спор и сталкиваясь разгоряченными телами.

— Они берут только с богатых,— говорил я, задыхаясь.

— Богатые не ходят в общественные больницы,— отвечал он, тоже задыхаясь.

— Но с тебя они не возьмут! — стонал я.

— Еще как возьмут!—парировал он, хватая ртом воздух.— Эти недоноски сдерут с меня вдвое, я их знаю.

Что бы вы стали делать, если бы видели этого десятилетнего парнишку, который вел свою классовую борьбу, преодолевая австралийский буш, объятый отчаянием за свою жизнь, истекающий потом, охваченный страхом, ища единственный просвет надежды в своей собственной нищете? Это было сверх моих сил.

В конце пути мы, наверное, могли бы сесть на попутную машину, но—странная вещь — мы были так ослеплены усталостью и напряжением, что почти не замечали машин, проносящихся мимо нас; мы знали, что все зависело только от нас самих.

Мы влетели в какой-то старый коттедж — одно из помещений больницы, и я помню, как мы выпалили про все, что случилось, первой попавшейся сестре, показывая руку Комаренка, которая была всех цветов радуги. Сестра убежала в какую-то комнату, оставив нас в коридоре, и я уже был готов отправиться на поиски еще кого-нибудь, как появился доктор Спригг, схватил Комаренка за воротник и поволок его по коридору в операционную.

Я остался стоять, или, точнее, сидеть на корточках в коридоре, тяжело дышал и никак не мог отдышаться. И тут я вспомнил, что мне следовало раза два снять у Комаренка жгут, но я забыл об этом во время нашего спора, и поэтому я, может быть, сам убил Комаренка.

Никто не обращал на меня внимания, и когда я отдышался, то поднялся, оставив после себя мокрое пятно на линолеуме, потому что пот лил с меня градом, и убежал, прежде чем кто-нибудь меня заметил. Я шел домой, уверенный, что теперь Комаренок умрет, потому что мы так долго не могли попасть в больницу и что бежать нам было нельзя, так как в этом случае кровь циркулирует сильнее, даже через жгут. Я уже знал об этом.

И тогда меня охватило негодование за Комаренка против всего мира. Сказать точно, что я думал тогда, теперь трудно. Но где-то в тот несчастный день я получил на всю жизнь урок верности, потому что в смятенном уме своем я размышлял: что это за мир, который так настроен против того, чтобы мальчишки, подобные Комаренку, выживали в нем? Несчастные, бедняки, те, кого обстоятельства довели до сумасшествия, осмеянные миром, беззащитные, ребенок, мать, сама система, которая делает возможными такие глубокие различия между людьми,— я думал обо всем этом, конечно, примитивно и по-детски, но я никогда не получал более запоминающегося урока в жизни, чем этот, пережитый мною в трехмильной отчаянной дороге вместе с Комаренком Мэрдоучем.

Я никому не сказал, что случилось, и трусливо, в страхе, ждал, что в тот вечер мне кто-нибудь скажет о смерти Комаренка.

Но Комаренок не умер.

Его заставила жить, может быть, та встреча с мистером Карри и страх за то, что случится с его матерью. А может быть, было что-то еще, что может понять лишь тот, кто побывал в положении Комаренка.

В тот вечер моему отцу позвонили из больницы, рассказали, что произошло, и посоветовали, чтобы я прополоскал рот дезинфицирующим средством.

— Комаренок умрет? — спросил я.

— Нет, он не умрет,— ответил отец.

Было к лучшему, сказал он мне, что я забыл развязывать жгут и что это, может быть, и спасло его, хотя рука, очевидно, пропала. Комаренок и в самом деле потерял руку. В конце концов он поправился и вышел из больницы без руки, но в тех обстоятельствах это было не дорогой ценой. Для таких, как Комаренок, это несчастье тоже было вызовом судьбы, которое они могли преодолеть.

Я знаю, что мир полон Комаренков, и, вспоминая, чему я научился в тот жаркий пыльный день в далеком городке, затерянном в австралийском буше, я чувствую, что стою на стороне Комаренка и всегда буду на его стороне, потому что он неистребим и даже смертельно ядовитая змея не может убить его.

Перевод с английского **А. СЕРБИНА**.

Лондон.



АЙБЕК

Поклонившись, дедушка положил перед учителем узел с лепешками, сунул ему в руку несколько монет.

— Мясо этого мальчика — ваше, кости — наши. Делайте с ним, что хотите, учите, бейте, только сделайте грамотным. Пусть хоть один грамотный будет в семье.

И каждый день стал удивительным...

Радость открытий оказалась ярче, сильнее всего, что наполняло жизнь: домашних невзгод, озабоченности взрослых, палки учителя.

Это было полвека назад. А сегодня выдающемуся узбекскому писателю Айбеку исполнилось 60 лет.

В старой мусульманской школе религиозные учебники не смогли заглушить звонких строк Машраба, Физули и особенно Алишера Навои, с творчеством которых будущий писатель познакомился еще в детские годы.

Когда пришла революция, юный Муса начал учиться в новой, советской школе.

В 1922 году студент Муса Ташмухаммедов под псевдонимом Айбек, что значит «Лунный», выступает с первыми стихами. Большое место в творчестве Айбека занимает тема революционного пробуждения народа. Гнет царского самодержавия, эксплуатация местными феодалами, невыносимые условия жизни пробудили сознание масс.

Айбек посвятил этому периоду истории свои первые поэмы — «Месть», «Кузнец Джура» и роман «Священная кровь», завершенный в начале сороковых годов. Главный герой романа — обыкновенный деревенский парень Юлчи — постепенно становится активным борцом за дело народа.

Внимание писателя приковал к себе и пятнадцатый век, когда жил и творил крупнейший поэт Узбекистана Алишер Навои.

Главной авторской задачей было воссоздание в романе «Навои» образа великого поэта и мыслителя. Но наряду с жизнеописанием Алишера в книге показана эпоха со всеми ее противоречиями. Роман «Навои» широко известен в нашей стране и во многих зарубежных странах.

Айбек — писатель не только исторического жанра. Его волнует и вдохновляет современная тема.

...Годы Великой Отечественной войны. Узбекский народ плечом к плечу с великим русским и другими народами боролся за победу над фашизмом. И Айбек пишет об этом. Рождается роман «Солнце не померкнет» — книга о солдатах.

О трудовом подвиге народа Айбек рассказал в романе «Ветер золотой долины». Этот роман о современном человеке, о его делах — важный этап в творчестве писателя.

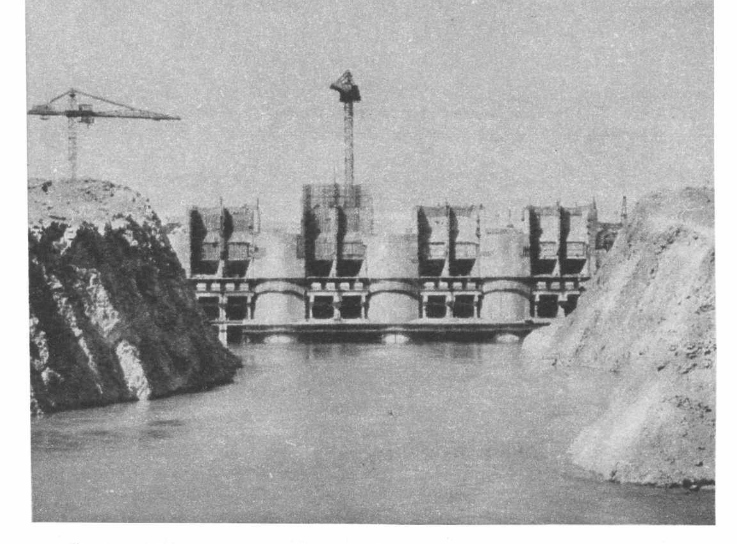
Стремлением к миру, духом борьбы за свободу, равенство и братство проникнута повесть Айбека «В поисках света». Эта книга посвящена борьбе пакистанского народа за свое освобождение, за сохранение мира во всем мире.

Айбек — вдумчивый, крупный художник, относящийся к своему творчеству с большой требовательностью.

Борис **ПАРМУЗИН**

Ташкент.

ФОТО ГЛОБУС ОГОНЁК



Растет Асуанская плотина на Ниле. Так выглядела эта величественная стройка в самый канун Нового года. Президент Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насер в конце декабря 1964 года сказал: «Асуанская плотина была национальной надеждой, требованием народа. Она останется символом дружбы между ОАР и Советским Союзом, дружбы бескорыстной, основанной на высоких идеалах и принципах».



Двадцать один тур голосования состоялся в итальянском парламенте, прежде чем страна получила нового президента. Им стал лидер социал-демократической партии Джузеппе Сарагат (на снимке — справа). Председатель Совета министров Италии Альдо Моро поздравил Дж. Сарагата с избранием на этот пост.



За последние 28 лет в Гастингском шахматном турнире в Англии впервые принимает участие женщина. Чемпион мира среди женщин Нона Гаприндашвили завоевала это право своим искусством. Первый ход в ее партии на открытии турнира сделал посол Югославии в Англии С. Прица.

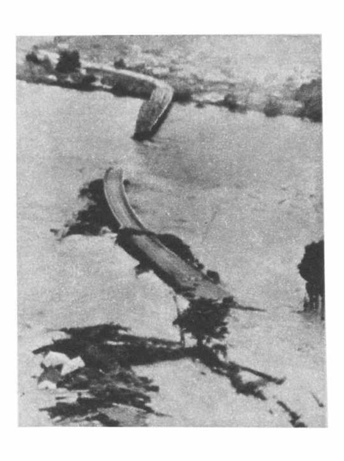






Этих людей срочно вызвали в казармы и устроили им перекличку. Не каждый из них даже успел переодеться в военную форму. Потом их погрузили на самолет и увезли за много тысяч миль от их родины, Англии, в Сингапур. Солдаты второго парашютного батальона английских вооруженных сил отправились защищать Федерацию Малайзия, созданную во имя сохранения английского влияния в этом районе мира. Как показывает второй снимок, они отправились туда не с пустыми руками. Это оружие предназначено для использования против патриотов.





На западе Соединенных Штатов произошло крупное наводнение. Вода разрушила дороги, оставила без крова шесть тысяч человек в штатах Калифорния, Орегон, Невада. Есть жертвы.



А этот снимок изображает действия английских колонизаторов в Малайзии. Знакомая картина, свидетельствующая, впрочем, не о силе, а о слабости колониализма, который вынужден защищать свои позиции военными средствами. Но эти позиции всюду в мире становятся все более шаткими.



Реплика

Рассудку вопреки...

А. Синявский в № 12 «Нового мира» в рецензии по поводу пресловутого сочинения Ивана Шевцова «Тля» ставит вопрос: памфлет это или пасквиль? И отвечает: пасквиль.

Резонно. К своему выводу критик пришел, тщательно покопавшись во внутренностях сочинения Шевцова, что, на наш взгляд, не так уж было необходимо, ибо этот, с позволения сказать, роман отнюдь не представляет собой явления в литературе.

Но, разделавшись с «Тлей», А. Синявский рассудку вопреки обрушился на «Огонек», опубликовавший фельетон «Салопница пишет роман», в котором автор высмеивался как собиратель злопыхательских сплетен и вздорных слухов, что, как известно, свойственно салопницам и кумушкам. А. Синявскому не нравится фельетонный жанр, он предпочитает академическое исследование. Но это, как говорится, дело вкуса. Нам кажется, что оба приема имеют право на существование. Однако, действуя вопреки логике и здравому смыслу, А. Синявский незаметно для себя сползает на позиции защиты Ивана Шевцова и его «Тли». Критик многозначительно замечает: «...Дело состоит не в том, чтобы публично оттолкнуть Шевцова или обругать его покрепче. Важнее задуматься: только ли Шевцов проповедует невежество под видом реализма и смешивает с грязью художественную интеллигенцию?»

И, задумавшись, глубокомысленно замечает: «Ведь тот же человек, который «Огоньком» ТЕПЕРЬ (подчеркнуто нами) причислен к «приживалкам», «салопницам», «бутербродникам», еще недавно пользовался признанием в определенной среде, получал напутствия».

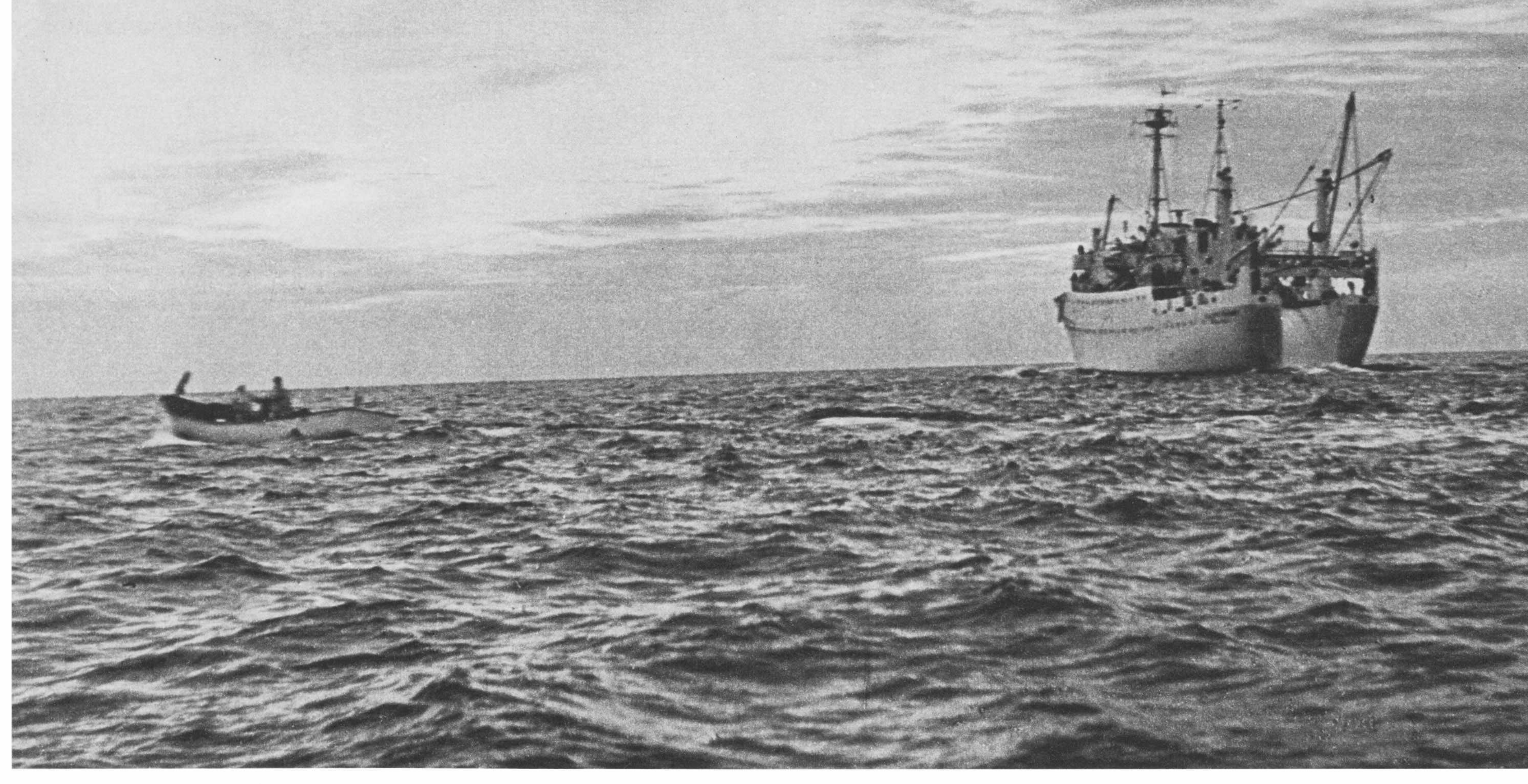
Бедный автор «Тли»: оказывается, его среда погубила. Какая же это среда? Критик уточняет: А. Лактионов, член Академии художеств СССР, является автором предисловия к роману, и, следовательно, он и есть активнейший представитель среды, породившей Ивана Шевцова как автора пасквиля. В этом и все зло, а Иван Шевцов, по Синявскому, существо пострадавшее, его можно и по головке погладить: несмышленыш.

Но всем, в том числе и редакции «Нового мира», известно письмо А. Лактионова, опубликованное в «Литературной газете» 17 декабря 1964 года, в котором черным по белому написано: «Я не читал роман, когда подписывал предисловие к нему, заранее заготовленное автором романа, проявив тем самым, мягко говоря, неосторожность».

Случай поистине беспрецедентный: Иван Шевцов сам сочинил напутствие к своему роману, сам выдал себе всяческие комплименты и характеристики. Этого еще не случалось со времен Нестора Летописца! Академик проявил неосторожность (можно добавить — легкомыслие, доверчивость), Иван Шевцов прибегнул к весьма неблаговидным махинациям. Кто же больше виноват?

Автор «Тли» с готовностью облобызает Синявского, так неожиданно пришедшего ему на выручку со своими алогичными рассуждениями о среде, загубившей злосчастного автора.

Рецензия «Нового мира» снабжена редакционной сноской: «Номер журнала был уже подготовлен к печати, и мы не могли учесть сенсационное заявление действительного члена Академии художеств». Учесть не могли, а дать рецензию с соответствующим «учетом» в следующем номере могли. Подписчики «Нового мира» как-нибудь перебились бы...



Станция.

ПРОБНЫЙ РЕЙС

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

— Вира чуть! Майна помалу! И сплетенная из толстых канатов грузовая сеть, наполненная мешками и ящиками, мягко опускается на палубу.

Двадцать семь лет плавает по морю Василий Павлович Селехов. Всякое было. Но, глядя на гору сваленных на палубу ящиков, моторов, труб, сетей и каких-то непонятных металлических конструкций, даже он, все перевидавший на своем веку моряк, только разводит руками.

— Ну куда все это складывать? Куда? Трюмы забиты. На палубе живого места нет, а все везут и везут. Двадцать лет хожу в боцманах, а такого не видал. Черт знает что, а не судно! А тут еще женщины на борту, слова не скажи.— И, безнадежно махнув рукой, боцман мчится к лебедкам грузить какие-то новые ящики с предостерегающими надписями «Не кантовать».

Недавно сошедшее со стапелей николаевского судостроительного завода имени Носенко научно-промысловое судно «Академик Книпович» построено по заказу ВНИРО (Всесоюзный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии). Это — первое из серии судов, предназначенных для изучения отдаленных районов мирового океана и поисков новых промысловых акваторий.

Построенное на базе большого морозильного рыболовного траулера, оно, помимо мощных, самых современных орудий лова и цеха по переработке рыбы, имеет на борту 15 лабораторий, в которых будут работать 35 научных сотрудников (гидрологи, гидрогеологи, ихтиологи, гидробиологи и технологи). У всех у них куча всевозможных приборов и инструментов. Все нужно разобрать, установить на место и проверить. А пока что этот груз лежит на палубе, приводя в ужас боцмана.

Нередко встречается мнение, что для того, чтобы найти новый район промыслового рыболовства, достаточно послать несколько судов, и, если они наткнутся на большие косяки рыбы, можно гнать туда рыболовную флотилию.

На деле все это гораздо сложнее. Прежде чем приступить к поискам скоплений, нужно детально изучить объективные условия этого района, научно обосновать, какие благоприятные условия существуют здесь для концентрации рыбы, и выяснить, каково ее поведение, запасы ее и время года, когда она здесь находится. Научно-промысловое судно по пути следования при помощи гидроакустики и пробных отловов все время следит за появлением рыбы и, если обнаруживает большое скопление ее, детально и всесторонне изучает этот район. Только тогда дается рекомендация, как организовать здесь массовый лов. Иначе вызванная сюда флотилия может прийти на пустое место.

...Начальник экспедиции доктор биологических наук, профессор Юлий Юлиевич Марти немало поплавал на своем веку. Морское дело ему хорошо знакомо, но и он буквально сбивается с ног. Когда он спит, сказать трудно. Только что он назначил одному из научных сотрудников разговор на шесть утра, а нас попросил зайти к нему после двенадцати ночи.

Штабу экспедиции приходится решать самые различные вопросы: куда уложить новый гигантский кошельковый невод, кого послать в Керчь получить банки, где расположить библиотеку и, наконец, как расселить людей по каютам. Вопрос немаловажный. Ведь рейс рассчитан на восемь месяцев. Восемь месяцев в море — это не шутка. Всякое может случиться. Поэтому приходится считаться с возрастом, состоянием здоровья, характером и даже личными симпатиями и антипатиями каждого.

Перед выходом в дальнее плавание проводится генеральная репетиция — пробный рейс на несколько дней по Черному морю. Во время рейса корабль должен жить точно так же, как это будет в походе. Работают все лаборатории, промысловики ловят рыбу, а технологи обрабатывают ее, морозят, приготовляют консервы.

Последний аврал. Участвуют все — и ученые и команда. По живому конвейеру, из рук в руки перелетают белые, величиной с арбуз, пластмассовые поплавки, звенья цепей, расставляются по местам катушки с металлическим тросом.

Как это ни удивительно, но гора грузов, завалившая палубу, постепенно рассасывается, и судно принимает, даже с точки зрения сурового боцмана, вполне пристойный вид.

Наконец, на рассвете, гремит якорная цепь, и корабль выходит в открытое море.

Через несколько часов по радио слышится голос вахтенного начальника:

— Внимание научных сотрудников! Через десять минут прибываем на первую станцию.

Машины стопорятся, судно ложится в дрейф. Станция — это остановка в заранее намеченном месте для проведения научных работ.

Судно ожило. Заработали глубинные лебедки гидрологов, около огромной трубы для взятия грунта хлопочут хозяева дна морского—гидрогеологи И. К. Авилов и Д. Е. Гершанович. Вытащили на палубу свои сетки гидробиологи и дожидаются своей очереди. Их задача — наловить планктон, которым питается рыба. В лаборатории поступили первые пробы воды, и гидрохимики начали делать анализы.

За борт спускается водолаз с огромным фотоаппаратом, а затем аквалангисты с камерой подводного телевидения, при помощи которой ученые могут прямо из лаборатории видеть, что происходит под водой.

На ходу исправляются неполадки: у гидрологов заел трос лебедки, а у телевизионщиков что-то не ладится с подводным освещением. Рейс продолжается.

Наконец гидроакустики сообщают:

— Под нами косяк рыбы.

В работу включаются промысловики. Любо-дорого смотреть, как работает траловая бригада. Командует молодой, но уже очень опыт-



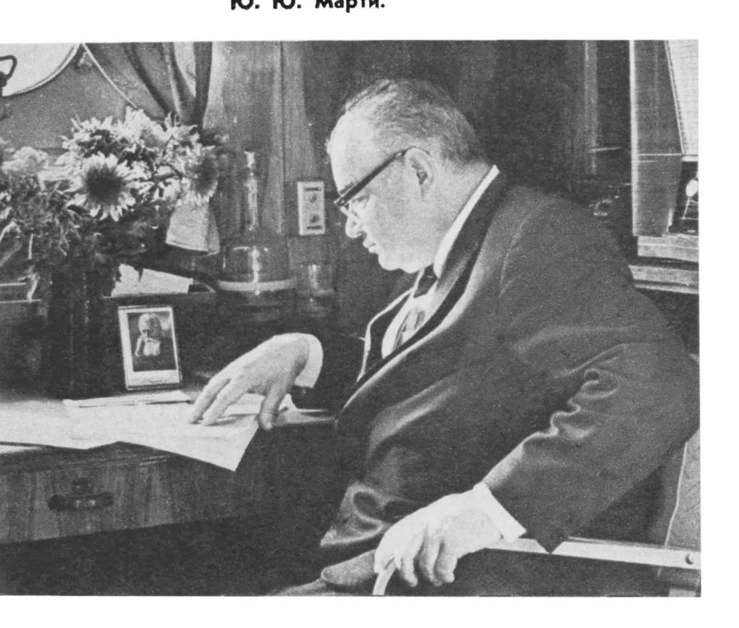


Телеоператоры удобно расположились с камерой на якорной цепи.

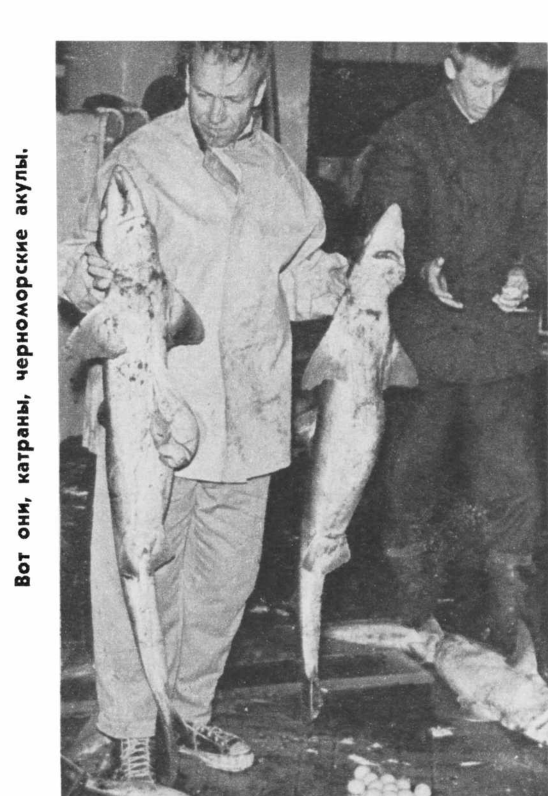


Ни одного лишнего движения...

ный тралмейстер инженер М. А. Аникин. Ни одного лишнего слова, ни одного лишнего движения. Трал за бортом. Проходит около часа, и на палубу сыплется серебряная хамса, камбала-калкан, скаты и несколько катранов — полутораметровых черноморских акул. Улов небольшой, да это сейчас и не главное. Важно проверить трал. Тем не менее ихтиологи тут же набрасываются на рыбу, взвешивают, измеряют длину, копаются во внутренностях. Катраны—рыбы живородящие. И вот вытащенная на палубу крупная самка вдруг на наших глазах разродилась десятком бойких детенышей. На-



Начальник экспедиции Ю. Ю. Марти.



Вот они, катраны, черноморские акулы.



Около глубинной лебедки хлопочут гидрогеологи И. К. Авилов и Д. Е. Гершанович.





Тралмейстер, инженер М. А. Аникин.

столько бойких, что когда их пустили в аквариум, человек, не присутствовавший при их рождении, никогда бы не поверил, что им две-три минуты от роду.

Как только корабельный кок Сергей Сергеевич Ромашев прослышал, что затралили несколько крупных камбал, он тотчас явился на палубу, после бурных пререканий с ихтиологами выпросил рыб и с гордостью проследовал с ними на камбуз. А вечером, когда в репродукторах прозвучали долгожданные слова вахтенного «команде ужинать» и мы пришли в кают-компанию, нас ожидала вкуснейшая жареная камбала.

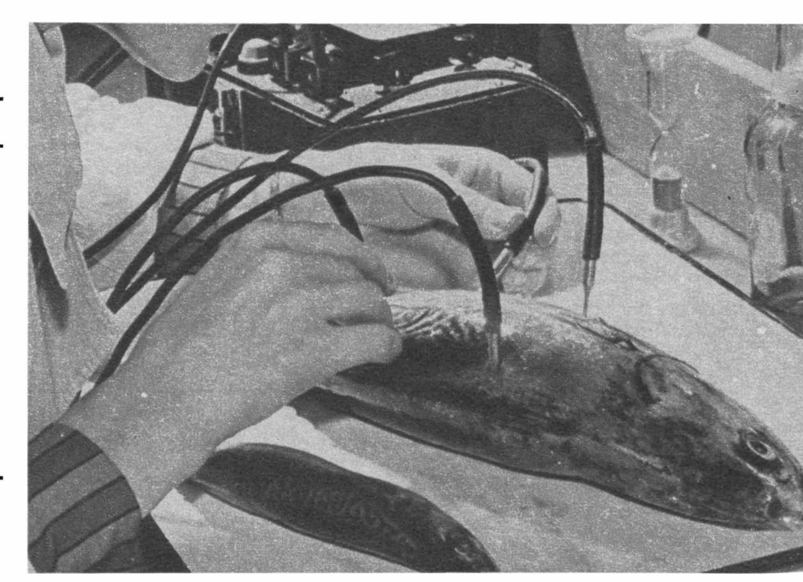
Станция следует за станцией — днем и ночью работают ученые. Ну, кажется, все в порядке. Судно возвращается в родной порт.

Нужно пополнить запасы продовольствия — и в дальний путь.





Спуск водолаза — всегда событие.



Анализ рыбы в технологической лаборатории.

БЫТ — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ

Ф. ЛОЩЕНКОВ,

первый секретарь Ярославского обкома КПСС

В августе прошлого года ярославские работники службы быта решили начать социалистическое соревнование за лучшее обслуживание населения. Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров Российской Федерации одобрили их инициативу. Инициативу эту поддержали и в других областях республики. Ярославцы, начав интересное дело, немало преуспели в нем: вот уже в четвертый раз им вручили переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС.

Редакция попросила первого секретаря Ярославского обкома КПСС **Ф. Лощенкова** рассказать о том, как организовано бытовое обслуживание трудящихся области, какие проблемы службы быта требуют еще своего решения.

Разговор о нашей службе быта мне бы хотелось начать с поучительного, на мой взгляд, диалога.

— Здесь будет смотреться красновато-терракотовый...

— Пожалуй, сиреневый...

— А может быть, дать тепло-серый? В сочетании с розовым хорошо.

Так или примерно так рассуждали недавно на Комсомольской улице Ярославля солидные люди: главный художник города Ю. Вербицкий, художники Ю. Семенюк, А. Князев, Н. Сулоев, А. Шкоропат, Р. Путролайнен и другие,— стараясь найти лучшее, более красивое сочетание красок в оформлении домов. А вскоре улица словно умылась: в хорошо подобранной цветовой гамме праздничнее, наряднее выглядят теперь старые дома.

За Комсомольской улицей стали прихорашиваться проспект Ленина, улица Трефолева, Советская улица. Художники Ярославского отделения Художественного фонда РСФСР на общественных началах разработали красивые цветовые ансамбли для четырнадцати магистралей центра.

Художники заботятся и о том, чтобы малые формы архитектуры: торговые киоски, павильоны, ларьки, отдельно стоящие рекламные щиты, уличные стенды — вписывались в силуэт города, радовали глаз. Они следят за вывесками, за световой рекламой. По их предложению перестраиваются в современном стиле многие магазины, кафе, столовые.

...Ярославлю больше 950 лет, а он все молодеет и расцветает. Сегодняшние хозяева города—химики, машиностроители, текстильщики — не жалеют сил для его благоустройства. Областной центр задает тон другим городам области.

Внешний облик города, его улиц, площадей, жилых и общественных зданий — все это, конечно, воспитывает вкус, создает хорошее настроение. Но и в красивом, чистом городе человеку покажется холодно и неуютно, если там не будет необходимых жизненных удобств. Повседневную жизнь человека должна скрашивать забота о нем службы быта.

До недавнего времени эта служба была у нас не на высоте. Немало упреков приходилось по этому поводу слышать от трудящихся. Партийные организации области вроде бы и занимались службой быта, но как-то походя, считая, что главная их деятельность определяется задачами производства. А ведь быт и производство неотделимы. Хорошее обслуживание — это хорошее настроение, это непременное условие повышения производительности труда. На партийных собраниях, в райкомах и горкомах КПСС все чаще стали обсуждать, хорошо ли у нас обслуживают трудящихся. Обком партии взял под контроль службу быта, а потом вынес эти вопросы на собрание областного партийного актива. Они стали теперь важной частью партийной работы. Подключились и профсоюзы и советские и хозяйственные организации. И дело сдвинулось.

За два года в городах области построено 134 новых магазина, 87 новых столовых, кафе, ресторанов, способных обслужить в один присест более 6 тысяч человек. Неплохие цифры! Выделяется столовая шинного завода. Популярно кафе «Юность» со всякими новинками.

Магазины и предприятия общественного питания построены в удобном, современном стиле, оснащены новейшей техникой. И, что еще важнее, изменилась культура обслуживания: открытая выкладка товаров, свободный доступ к ним покупателей.

В областном центре уже хорошо себя зарекомендовали новые большие магазины: «Ярославль», «Север», «Турист», «Звездочка», «Буратино», «Заря», «Спутник», Дом обуви; в Рыбинске — «Орленок», «Ярославна». На площади Труда в Ярославле возводится шестиэтажное здание Центрального универмага, на Суздальском шоссе строится магазин автомашин, на улице Свободы — салон для новобрачных.

Пример удачной специализации показывает торговая фирма «Дом одежды». Она устанавливает прямые связи с фабриками-поставщиками, изучает спрос населения. По-новому стали работать швейные ателье, обувные мастерские, мастерские по ремонту бытовых приборов. Многие из них для удобства посетителей изменили часы работы, перенесли выходные с воскресенья. И, главное, наконец повернулись лицом к человеку. Бывало, раскроешь книгу жалоб и предложений и в ней сразу увидишь раздраженные записи: «Шьют долго и плохо!», «Покрой моей бабушки мне не подходит». Теперь сшить платье и пальто, починить обувь и одежду стало легко и просто. И записи в книгах уже другие. Прежде всего — мало жалоб, больше благодарностей.

Мастера стали думать о марке своих предприятий, следят за модой, применяют новые высокопрочные синтетические материалы. И я не могу не представить читателям «Огонька» лучших среди них: закройщица фабрики № 1 А. И. Енина, часовой мастер комбината «Точная механика» И. В. Великанов, заведующая сапожной мастерской фабрики «Новая Заря» И. А. Салтыкова, мастера этой фабрики Н. А. Антонов и М. Е. Волков и многие другие. Замечу, кстати, что на городских досках почета рядом с портретами токарей и химиков должны появляться и портреты портных, парикмахеров...

Начавшееся в Ярославской области соревнование работников службы быта дало первые положительные результаты. Было у нас 412 бытовых предприятий, к ним прибавилось еще 70. Тридцать восемь выездных пунктов бытового обслуживания открыто на селе. Сократились сроки выполнения заказов, появилось много новых видов услуг.

Но качество и культура обслуживания населения все еще не отвечает возросшим запросам. Большие претензии у наших женщин. Еще непросто сделать прическу, особенно к празднику: мало женских парикмахерских. Нет мастеров по шитью предметов дамского туалета, не все налажено с перешивкой, с перелицовкой одежды, с химической чисткой. В Ярославле всего 3 механические прачечные, причем две из них обслуживают главным образом нужды предприятий. Городская прачечная, созданная в приспособленном помещении, принимает от населения только 460 тонн белья. Это одна пятая потребности. На окраинах города (поселок Дядьково, Норское, Заволжский район) не хватает бань. Жители окраин вынуждены ездить в баню за 6—7 километров. В некоторых

местах новой застройки совсем нет бытовых мастерских. В поселке Строитель, например, негде починить бытовые приборы, отремонтировать мебель.

В городе—три ТЭЦ, работающие на твердом и жидком топливе. Подсчитано, что в сутки они выбрасывают в воздух около 50 тонн золы и сажи. Перевод ТЭЦ на природный газ — единственный путь к ликвидации этого зла. Однако Верхневолжский совнархоз и другие ведомства мало выделяют средств и материалов на газификацию предприятий.

Городской транспорт перевозит ежедневно около 400 тысяч пассажиров, причем значительную часть — автобусами. Их в городе 250. Однако автобусный парк не имеет ремонтных мастерских, гаражей. Машины ночуют на улицах. Отсюда многие беды: машины часто выходят из строя.

В Ярославле только 3 гостиницы на 440 коек, а норма — 2 500. Последняя гостиница была построена в тридцатых годах. А ведь с тех пор население города увеличилось в два с лишним раза, промышленность выросла в 6—8 раз. Имеется проект строительства гостиниц. Есть решение нескольких центральных органов, но средства не выделяются. Город посещают тысячи туристов, а их негде размещать. В городе нет даже речного вокзала, хотя летом ежедневно через наш порт проходит до 15—20 туристических судов.

Вопросы службы быта с большой заботой и вниманием обсуждались на декабрьской сессии Верховного Совета СССР. Решения сессии определят заметные улучшения в бытовом обслуживании населения и Ярославской области. Исполком облсовета, городские и районные Советы нашли возможным увеличить объем бытовых услуг на 21 процент, а на селе — в полтора раза. Увеличится число магазинов, которые, по примеру нашего Дома одежды, будут прямо связаны с предприятиями. В городах расширится сеть овощных и молочных магазинов. Наладится равномерный завоз промышленных товаров на село.

Качество бытовых услуг — вот что будет в центре внимания партийных и советских органов. Мастерским, ремонтирующим бытовую технику, швейным ателье, фабрикам химчистки — промышленную основу, высокую культуру производства! Вот о чем мы будем заботиться в наступившем 1965 году. Фабрика «Новая заря», занимающаяся ремонтом обуви, создала специализированные потоки. Это сразу изменило ее лицо. Два механизированных цеха обслуживают сейчас 18 приемных пунктов. Качество ремонта обуви заметно улучшилось. В скором времени фабрика объединит 35 сапожных мастерских города в 6 специализированных цехов. Появятся поточные линии по мелкому ремонту обуви, расширится срочный ремонт. Мастера сапожного дела пройдут курсы повышения квалификации.

Угодить каждому, всем сделать приятное,— вот что мы требуем сейчас от людей, занятых в сфере обслуживания. И в первую очередь мы адресуем это требование к коммунистам.

Есть ряд проблем службы быта, которые волнуют, вероятно, не только нас, ярославцев, не устранив которые, нельзя двинуть дело вперед. Взять хотя бы строительство бытовых предприятий. Где типовые проекты для фабрики химчистки мощностью на 350—500 или 750 килограммов белья в смену? Не разработан до сих пор типовой проект Дома быта, появление которого украсило бы каждый город.

Материально-техническое снабжение идет по старинке. Наши мастерские мало получают кожи для шитья обуви по индивидуальным заказам. В ателье подчас не найдут для зимнего пальто хорошего воротника. А фурнитура? Ее постоянно не хватает для одежды, обуви и других изделий.

Незаметно, чтобы Главсбыт при Совете Министров РСФСР внес что-то новое в организацию снабжения предприятий службы быта. Есть постановление, которым предусмотрено отчисление на бытовые предприятия 0,4 процента от сумм, ассигнованных на капитальное строительство жилья. Такие крайне недостаточные отчисления приводят к появлению мелких и убыточных мастерских. Надо увеличить эти отчисления. Следует ускорить разработку проектов и строительство передвижных мастерских. Без этого нельзя улучшить обслуживание населения рабочих поселков, сел.

Теперь о кадрах. Предприятия бытового обслуживания постепенно превращаются в крупные и специализированные производства с бригадным и поточным методом работы, механизированным технологическим процессом. Например, в Ярославской области эти предприятия за два года получили 720 различных высокопроизводительных механизмов. Но за это же время туда послано лишь два специалиста с высшим образованием. Кому же настраивать эти механизмы, кому внедрять в цехах новую культуру труда? В течение многих лет Ярославль нуждается в специалистах по банно-прачечному делу, по уборке и санитарному содержанию города. Один Московский технологический институт, конечно, не сможет дать стране достаточное количество специалистов. Главному управлению бытового обслуживания при Совете Министров РСФСР и Госплану республики необходимо расширить подготовку инженерно-технических работников для службы быта.

Комитет профтехобразования плохо заботится о подготовке рабочих массовых профессий для этих предприятий. Есть постановление, обязывающее комитет готовить рабочих по заявкам предприятий службы быта. Заявки эти есть, а кадров нет. Между тем ощущается большая нужда в механиках и слесарях по ремонту холодильников, стиральных машин, пылесосов, радиоаппаратуры, в парикмахерах, рабочих по ремонту обуви и многих других.

И, наконец, у всех мастерских бытового обслуживания должен быть один хозяин — Управление бытового обслуживания населения. А в Ярославской области такие мастерские имеются в управлениях и связи, и коммунального хозяйства, и у военторга, совнархоза, и других ведомств. Надо ликвидировать эту разобщенность. Единый хозяин сможет лучше решать вопросы размещения, специализации, облегчить руководство и контроль, ликвидирует параллелизм в работе и упростит планирование, материально-техническое снабжение.

Быт — дело серьезное, и им надо заниматься серьезно.

Александр РОГАЧЕВ



Край легенд

НА ПЕСЕННОЙ ЗЕМЛЕ

О край легенд!
Я прежде издали́
Видал тебя,
Летя на крыльях мимо.
Но звал меня ты
Голосом Али [1]
И песнопевца мудрого
Кязима [2].

Ценю их стих
За собственную стать,
За теплоту и нежное доверье.
Он не рядился
В радужные перья,
Чтоб красотою ложною блистать.

Он знал:
Игры поэзии не надо,
И тот себя обманет,
Кто хоть раз
Ее представит
Осиянным садом,
Где выставиться можно
Напоказ.

В твоих лесах
Торжественный пожар:
Пылает осень
И грозится птицам.
Дубовый лист
Взлетает и кружится,
Подставив солнцу
Бронзовый загар.

Но мне вокруг почудились цветы.
И я готов обнять
Твой каждый камень.
Здесь даже реки
Говорят стихами,
Спадающие с гордой высоты.

В них не сверкнут
Клинки былой вражды,
Не затуманит струи
Выстрел мести.
Земля Балкарии и Кабарды,
Моей душе
Твои созвучны песни.

РУССКИЕ БЕРЕЗЫ

Какой поэт
Березам нашим белым
Не отдал дань,
Взволнованно не пел им,
Не восхвалял душевным словом
русским
Их стана стройного,
Их шелковистых кос!

И я, примчав к подножию
Эльбруса,
Задумался перед толпой берез.
Откуда здесь взялись они —
Я знаю.
Сказал старик:
— Чрез горные валы
Их привели
На братство с этим краем
Далекие московские послы.

Ты мудр, старик!
Тебе бы быть ашугом
И песнь слагать во славу россиян.
Я вижу, вижу,
Как волной упругой
К березам припадает твой Баксан.

Наш век тяжел,
Не приручен и грозен,
Еще витает страх над головой.
И я хочу, чтоб русские березы
Пересекли
Весь шар земной.

Я провожу их в путь:
Идите, милые,
На Миссисипи,
На волшебный Ганг,
По берегам загадочного Нила,
По разным просоленным берегам.

Я им скажу:
Идите, нежные,
Целуйте ветры знойные
и снежные,
Качайте птиц нерусской красоты
И говорите о стране безбрежной
С чертами беспредельной
доброты.



КАРУСЕЛЬ

О карусель...
Тележки,
Кони,
Смешная видимость погони,
Зверье из сказок,
Рев органа,
Стеклярусная мишура...
Давно подернуто туманом
Мое вихрастое вчера.
И все ж стою у карусели,
Как в те далекие года.
Ай, кони, кони,
Вы летели
Тогда вот так же в никуда!
На вас не лопались подпруги,
Не выступал на крупах пот.
Вы вечно носитесь по кругу,
Хотя и смотрите вперед.
Вы не виновны в этом, кони,
Ведь вы игрушечные кони,
Ругать вас — боже упаси!
Нужна вам видимость погони
Вокруг вращающей оси.
Но я бы высек тех, кто глупо
Кричит, что он — броском вперед!
А сам вкруг собственного пупа
В искусстве ползает
И врет.

Ростов-на-Дону.





[1] Али Шогенцуков — основоположник кабардинской литературы.
[2] Кязим Мечиев — основоположник балкарской литературы.



Казнь в Кохановке

Иван СТАДНЮК

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

С о страшной неотвратимостью приближалась к Кохановке война. Иван Никитич Кулида уже привык к мыслям о ней, разумом понимал, что началась смертельная схватка двух миров, и свято верил: победит мир правды. Но почему же Красная Армия, которая «всех сильней», как пел он с учениками на уроках пения, отступает? Где наша несметная мощь, о которой изо дня в день возвещали газеты? Эти и многие другие вопросы раскаленными гвоздями впивались в сердце. Будто чувствовал на себе укоряющие взгляды хлопчиков и девчаток: ведь сколько раз объяснял им, что ни вершка своей земли не отдадим. А враг каждый день откусывает целые районы с городами и селами...

Но сейчас, когда Иван Никитич на своем стареньком велосипеде спешил в райцентр, в его голове гнездились совсем другие мысли. Ему казалось, что он вырвался из таинственного мира фантастической книги или во сне привиделось ему немыслимое... Но в карманах брюк вполне реально ощущал холодную тяжесть двухфунтовых слитков червонного золота.

Этой ночью учитель Кулида собирался было покинуть Кохановку. Его жена и дочь эвакуировались неделю назад из села и уже, наверное, ждали его в далекой Полтаве, у родственников. А Иван Никитич, не призванный в армию из-за возраста, ждал указаний райкома партии. Наконец указание поступило: уезжать на восток.

Небольшая хатенка под лесом, где жил учитель, в этот день ослепла: Иван Никитич наглухо забил ее окна досками. Затем при помощи соседей опустил в погреб старую деревянную скрыню, чтобы спрятать там главное свое богатство — библиотеку. Ровными стопками укладывал в скрыню сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Шевченко, Пушкина... Мысленно спрашивал себя, надолго ли прощается с книгами. Подумалось, что не так уж надежно это хранилище — погреб, хотя скрыня стояла в фармуге[1], освободившейся к лету от картошки.

«А что, если обвалить края фармуги?»

Стал обтесывать лопатой глиняные углы. Потом решил взять немного грунта в тупике погреба. Копнул там несколько раз и вдруг почувствовал, что глина под ногами медленно оседает. Испуганно отскочил назад. Не в силах был осмыслить, что происходит: ведь погреб был вырыт в нетронутой глубинной целине, в прочной глине, дремавшей тысячелетия под слоем чернозема.

А между тем пол в тупике все больше превращался в морщинистую воронку, откуда-то из глубины слышались глухие удары, будто падали в сухой колодец комья земли. Наконец вся прогнувшаяся глина рухнула вниз, наполнив погреб гулом. С неосознанным страхом смотрел Иван Никитич на черное провалье. Оттуда дохнуло спертым воздухом, сухим тленом и таинственностью.

Вспомнился давний мимолетный рассказ Степана Григоренко о старинных подземных ходах, затерявшихся где-то под Кохановкой. И страх сменился острым любопытством.

Проверив лопатой прочность закраин дыры, обвалив нависшую глину вниз, Иван Никитич лег на дно погреба и электрическим фонарем осветил подземелье. Увидел в четырехметровой глубине просторную пещеру, чем-то захламленную вдоль стен.

Втащил в погреб чердачную лестницу, спустил ее в провал и осторожно протиснулся в дыру. Первое, что увидел на дне,— груды спаянных ржавчиной кривых сабель без ножен и таких же ржавых наконечников для пик. Они лежали на сгнившей соломенной подстилке вдоль стен, покрытых высохшей плесенью. А в углу стояла на каменном подмостке деревянная бочка с ржавыми следами осыпавшихся железных обручей. Дубовые клепки снизу подгнили, и, казалось, одна ржавчина от обручей держала их вместе. Как только Иван Никитич притронулся к бочке, клепки вдруг осели на пол и беспорядочно распались. На подмостке остался стоять округлый, в высоту бочки, штабель темных квадратных брусков. Сбросил лежавшую сверху крышку, которую мало тронул тлен, и не сразу понял, что перед ним несметное богатство в золотых слитках. С одного бруска соскреб ножом темную накипь времени и увидел живой горячий блеск, разглядел на торце чеканку: старинный герб Российской империи, клеймо царского банка и цифру, обозначавшую вес слитка в фунтах.

Он еще раз осмотрел пещеру. Увидел замурованный камнем выход из нее. Что же там, за каменной стенкой?.. Но время не ждало.

И вот он спешил в Воронцовку, в райком партии.

Иван Никитич слишком хорошо знал жизнь, чтобы не понимать: на его месте, особенно в такое трагическое время, когда надо отрешиться от всего привычного, дорогого и со смятенным сердцем налегке бежать куда-то в неведомое, где, кроме лишений и тяжкого труда, ничего другого не будет, многие бы сейчас в алчной горячке прятали золото и суматошно ломали голову над тем, как сохранить в тайне такое сказочное богатство... Да, многие могли поступить именно так... Но не он, который всю свою трудовую жизнь сеял в детских сердцах только светлое и доброе.

Он видел своих давних и вчерашних учеников... Нет большего счастья, чем чувствовать себя сеятелем добра и мудрости. Нет большей награды для учителя, чем вера, что Петя или Оля, Вася или Таня унесли с собой из школы частицу твоего сердца и она долго будет согревать их на трудном пути жизни. Вспомнился Павлик Ярчук, ушедший на фронт. Разве Павел поступил бы сейчас по-иному, чем его учитель?.. А Серега Грицай? Он тоже на фронте.

Каждый воспитанник Ивана Никитича поступил бы вот так же, как и он,— мчался бы сейчас в Воронцовку с вестью о найденном золоте...

В приемной первого секретаря райкома партии, несмотря на поздний час, сидело больше десятка посетителей. На усталых лицах волнение, тревога, удрученность. С болезненной нетерпеливостью поглядывали на кабинетную дверь, за которой шло какое-то тайное совещание.

Иван Никитич подошел к секретарше, немолодой женщине — она связывала в высокие стопы какие-то папки,— взял на ее столе лист бумаги и написал:

«В Кохановке найдена бочка золота. Два слитка со мной. Кулида».

— Передайте первому. Немедленно,— тихо попросил секретаршу.

Женщина досадливо взяла записку, устало пробежала ее глазами и тут же бросила на Ивана Никитича недоверчивый взгляд.

— Вы шутите?! — прошептали ее пересохшие губы.

— Возможно,— бледно усмехнулся Иван Никитич и кивком головы требовательно указал на дверь кабинета.

— А-а, — «догадалась» секретарша. — Шифр? — И, подойдя к кабинету, постучалась, дав взглядом понять Ивану Никитичу, что там, в кабинете, сейчас не доверяют даже ей.

Щелкнул английский замок, и в приоткрывшуюся дверь выглянул начальник райотдела НКВД — моложавый капитан с седыми висками. Он недовольно взял у секретарши записку, прочитал ее, затем прочитал еще и, бросив горячий, быстрый взгляд на Ивана Никитича, сказал:

— Заходите, товарищ Кулида.

В кабинете, кроме капитана, Иван Никитич увидел первого секретаря райкома Антона Федоровича Карабута и незнакомого подполковника.

Антон Карабут — рослый, налитой, широколицый; темные глаза его смотрели глубоко и спокойно; на высоком лбу с большими залысинами ни единой морщинки, хотя Карабуту за сорок. Одет он в темно-синий, военного покроя костюм и хромовые сапоги.

Антон Федорович, слушая Ивана Никитича, не спускал с него внимательных глаз и, кажется, размышлял о чем-то другом. С мальчишечьим любопытством рассматривал слитки золота, подкидывал их на ладони, как бы взвешивая.

— Никогда не щупал своими руками такого богатства! — со сдержанным восхищением сказал он, затем, бросив многозначительный

Из второй книги романа «Люди не ангелы».

[1] Фармуга — так на Подолии называют боковой отсек в погребе.

взгляд на Ивана Никитича, спросил у молчаливого подполковника:

— Каков, а?..

Подполковник сумрачно усмехнулся и согласно кивнул головой. «О чем они?» — удивился Иван Никитич.

— Сколько же там таких гостинцев? — спросил капитан, рассматривая чеканку на торце слитка.

— Вот такая гора.— Иван Никитич показал рукой.— Не считал. Взял два верхних — и к вам.

Карабут поднялся из-за стола, подошел к учителю и дружески положил свои крупные руки на его вислые плечи.

— Что я вам могу сказать, дорогой товарищ Кулида? — сердечно заговорил он, любовно глядя в лицо Ивану Никитичу.— Золото, мы немедленно заберем, оформим его документами, как вашу находку, и отправим в Киев... В Винницу уже поздно... Сейчас золото, как никогда... повторяю, как никогда, нужно Родине. А такие люди, как вы, еще больше нужны. Молодчина вы, Иван Никитич.

От счастливого смущения Иван Никитич не знал, куда деть глаза: он не привык выслушивать такие похвалы.

А Карабут между тем продолжал:

— Вот такого бы нам верного товарища на опасное дело.

— Не понимаю вас.— Иван Никитич перевел взгляд на подполковника, почему-то полагая, что именно он должен пояснить загадочные слова секретаря райкома.

Но Карабут пояснил сам:

— Все мы, да и не только мы, остаемся в тылу для подпольной и партизанской борьбы... Что, если предложим и вам?.. Только не торопитесь с ответом. Это добровольно.

Однако Иван Никитич раздумывать не стал: согласился. И уже через минуту понял, что обрек себя на испытания куда более тяжкие, чем предполагал. Понял после того, как секретарь райкома позвонил редактору районной газеты.

— Товарищ Маюков? — строго спросил Карабут в трубку.— Ты еще успеешь выпустить один номер?.. Хорошо. Дай заметку в газете, что учитель Кохановской школы Кулида Иван Никитич решением бюро райкома исключен из партии... Да, да! Все может быть!.. Исключен из партии и привлекается к суду за уклонение от воинской повинности.

Будто морозный ветер ворвался в сердце Ивана Никитича. Он сидел на стуле, вытирал платком вспотевшее бледное лицо и горячечным, непонимающим взглядом смотрел на секретаря райкома.

— Так надо, дорогой друг,— грустно улыбнулся ему Антон Карабут, положив телефонную трубку.

* * *

Уже больше двух месяцев, как страшный вал войны краем прокатился через Кохановку, а людям еще чудился исступленный грохот, сотрясающий все живое и мертвое, исторгающий в бессильной лютости громы и молнии.

Село медленно приходило в себя из беспамятства, как тяжело контуженный человек.

В один из таких дней — мутно-удушливых от безвременья и напряженного ожидания: «Что же будет дальше?» — Кузьма Лунатик, по закоренелой своей слабости, решился ехать воровать лес, рассудив, что на носу зима, а хату надо чем-то отапливать, независимо от того, какая будет в районе власть. Он поймал в поле одичавшую колхозную лошаденку, запряг ее ночью в телегу и, перекрестившись на образа, направился за село.

Лес в мертвенно-бледном сиянии месяца казался устрашающим и таинственным. Но Кузьма нашел в себе силы одолеть страх, вспомнив, что ему не угрожает полесовщик и, следовательно, ни перед каким законом он не в ответе.

Удивляясь людям, которые в такое время сидят, как кроты, по хатам, сложа руки, он облюбовал на опушке не очень толстую, чтоб справиться топором, березку и начал рубить ее. Но вдруг увидел, что рядом наплыла на прогалину и замерла человеческая тень. Сердце Кузьмы будто окунулось в ледяную купель. Выронив топор, он резко обернулся, подавив вырвавшийся из горла вой... Перед Кузьмой стояли три бородатых призрака в красноармейской форме.

— Кто такой? — спросил один призрак, выразительно шевельнув автоматом, висящим на шее.

— Свой я, свой... кохановский,— залепетал Кузьма.

— Фамилия?

— Грицай, Кузьма Иванович... По-уличному — Лунатик. Тут меня всякая собака знает.— Кузьма постепенно приходил в себя: он разглядел на пилотках бородачей звездочки.

— Колхозник?

— Так точно, колхозник, товарищи командиры.

— Какая у вас семья?

— Я, старуха да сын в Красной Армии.

Бородачи опустили автоматы, переглянулись. И опять вопрос:

— Сможете взять в дом двух раненых женщин?.. И отвечать за их безопасность?

— Что ж, если надо... У нас некоторые даже красноармейцев ховают.

Один бородач шагнул в глубину леса и приглушенным голосом позвал:

— Товарищ Генералов!..

«Генерал?» — удивился Кузьма и с этой минуты почувствовал себя причастным к какому-то серьезному, возвышающему его над всеми сельчанами делу.

Подошел еще один военный с таким же заросшим лицом и накинутой на плечи плащ-палаткой.

— Я слышал разговор,— сказал он густым, вполне генеральским, по мнению Кузьмы, басом и подал ему руку. Затем продолжил: — Выручайте, товарищ Грицай. Мы пробиваемся на восток, а жена и дочь мои ранены. Им нужен покой и медикаменты.

— Все сделаю, не сумлевайтесь...

Так пополнилась семья Кузьмы Лунатика...

Харитина, жинка Кузьмы, обычно сварливая, скуповатая, поняв, что в ее руках судьба двух беспомощных, беззащитных сирот, а время теперь такое, когда все стоят на смертном пороге, со щедростью сердца, на которую способны только познавшие материнство женщины, хлопотала возле «подстреленных горлинок». Кузьма даже крякал от удивления, наблюдая, как его старуха, не зная покоя ни днем, ни ночью, отпаивала узварами и бульонами раненную в грудь Ларису Петровну и нянчилась с Наталкой — ее семнадцатилетней дочерью, которой осколок повредил на правой ноге колено.

Через неделю-другую Наталка уже прыгала, опираясь на палку, по хате, бросая пугливые взгляды на окна. Харитина, как умела, переделывала оказавшиеся при Наталке два платья, превращая их в широкие селянские юбки и просторные блузки, чтобы городская девушка стала похожей на крестьянскую дивчину. Но что было поделать с лицом Наталки — нежно-округлым, дышавшим родниковой чистотой и нерешительностью? Простая одежда никак не скрадывала ее незамутненной красоты и далекости от жизни, в которой она оказалась.

Наталка часами сидела возле матери и смотрела в ее восковое лицо с надеждой и страхом. Ларисе Петровне становилось то лучше, то хуже, а приходящий тайком из Березны фельдшер прятал от Наталки глаза...

Однажды зимой на рассвете кто-то робко постучался в хату Кузьмы. Это был сын Серега — полуживой от голода, холода и изнеможения. Он убежал из уманского лагеря для военнопленных, где оказался еще осенью, когда под Киевом с раздробленной осколком мины ногой попал в плен.

Серега не очень обрадовался тому, что застал в своем доме посторонних людей. А когда Кузьма шепнул ему, что это генеральская семья, и вовсе струхнул.

В первые дни молча отлеживался он на печи. Посылал отца в село за новостями. А новости были не из веселых. По хатам шныряли полицаи, собирая теплую одежду для немецкого войска, выискивая советских активистов, подозрительных лиц и агитируя молодежь записываться в формирующиеся партии для отправки на работу в Германию. Серега трепетал: ведь он до войны был секретарем сельского Совета.

И вот нагрянула беда и к ним. В хату неожиданно вломилась в дымчатых клубах холода жандармерия — три немца, сопровождаемых местным полицаем: кто-то донес о подозрительных жильцах Кузьмы Лунатика. Серега замер на печке; казалось, его могло спасти только чудо.

И чудо случилось...

Когда жандармы появились в горнице, там, застигнутые врасплох, были все: Кузьма, Харитина; возле топчана, где лежала Лариса Петровна, сидела с шитьем в руках Наталка.

Мордастый полицай — неизвестно откуда появившийся в Кохановке сын сосланного на Соловки кулака Пилипа Якименко — злыми глазами указал жандармам на Ларису Петровну и Наталку.

— Кто такие? — по-русски спросил старший жандарм, холеный мужичище, будто силком втиснутый в зеленую форму из сукна.

— Сродственники наши из Киева. Чахоточные,— скороговоркой начал объяснять испуганный Кузьма.

— Документы!

Наталка, заметно хромая, подошла к миснику и взяла лежавший там паспорт матери.

Жандарм посмотрел в паспорт и снова спросил:

— Почему прописаны во Львове?

— Муж там работал.— Лариса Петровна отвечала тихим и спокойным голосом, будто перед ней не стояла сама смерть в жандармском обличье.

— Кто муж?

— Инженер. Погиб во время бомбежки.

— Родители в Киеве есть?

— Нет. Отец мой — полковник Кононов, это моя девичья фамилия, там написано в паспорте, арестован в тридцать седьмом, а мать умерла.

— Чем можете доказать, что отец арестован?

— В газете об этом писалось.

...Серега не верил своим ушам.

Жандарм еще полистал паспорт, затем спрятал его в карман и спросил у Наталки:

— Что с ногой, барышня?

— Ранена при бомбежке,— ответила за нее Лариса Петровна.

— Пройдись к окну.

Наталка, стараясь хромать посильнее, послушно приблизилась к окну. Жандарм подошел к ней, взял толстыми пальцами за подбородок и оценивающим взглядом стал рассматривать ее лицо. Налившиеся слезами глаза Наталки казались аспидно-темными, в них даже не видны были зрачки. Черные, как воронье крыло, волосы, спадавшие на покатые плечи, подчеркивали белую, тронутую мимолетным румянцем чистоту лица.

Жандарм опустил руку, передернув при этом плечами и мотнув головой, словно хотел избавиться от сказочного видения. Потом засмеялся, и в этом смехе прозвучали удивление и радость.

Осклабились также другие жандармы. Услужливо хихикнул полицай.

Немцы, с недоверчивым восхищением поглядывая на Наталку, закурили сигареты, обменялись несколькими немецкими фразами и, галантно поклонившись Ларисе Петровне, вышли за порог. Уже из сеней старший жандарм начальственно крикнул:

— Паспорт после проверки получите в местной полиции!

Серега спустился с печи на лежанку, принюхался к сигаретному дыму и дрожащей рукой потянулся к стакану с махоркой, стоявшему в печурке. Затем нащупал босыми ногами на полу истоптанные валенки, надел их и прошелся по хате, поочередно посмотрев на отца, остолбенело стоящего у окна, на бледную, с помертвевшими глазами мать. Кинул взгляд на безмолвную, как тень, Наталку...

Серега не мог больше таиться в хате: село не любит тайн и не умеет хранить их. И у него рождался план.

Подошел к Ларисе Петровне. Она почему-то тихо плакала, вытирая уголком старого одеяла неподвластные слезы.

— Наталочка, иди подыши воздухом,— стараясь казаться спокойной, сказала Лариса Петровна.— Теперь не надо прятаться.

— Тату,— обратился Серега к отцу,— и вы покараульте на дворе. А вы, мамо, в комору сходите. Нам тут посоветоваться треба.

Когда Серега остался наедине с Ларисой Петровной, она заговорила первой:

— Сережа, ты знаешь, что они говорили между собой о Наталке?

Серега отрицательно мотнул рыжей головой, стриженной под машинку.

— Они... они... сказали, что как Наталка поправится, заберут ее в Винницу, в офицерское казино... За доставку хорошеньких девушек дают награды...

— Не возьмут! — уверенно ответил Серега, зашуршав валенками по соломе, разбросанной на глинобитном полу.— У меня такая думка: оформить с Наталкой брак... Фиктивный, конечно,— поспешно добавил он, увидев, как испуганно взметнулись брови Ларисы Петровны.— И меня тогда меньше будут трогать и Наталку не угонят ни в Винницу, ни в Германию...

Вскоре в старой хате Кузьмы Лунатика, на удивление людям, играли свадьбу. Серега, одетый в новый костюм, побритый, наодеколоненный, сидел рядом с бледной Наталкой, замечал устремленные на нее восторженные взгляды гостей, ловил и на себе взгляды — завистливые, недоуменные, а то и насмешливые,— прислушивался к жаркому перешептыванию женщин и чувствовал себя так, словно ребенок, которого издали дразнят сказочной игрушкой.

Гости кричали: «Горько!» — и Серега целовал «невесту» в холодные, безответные губы, краснел и потел от смущения, злился на себя, на Наталку и на всех, кто был в хате. С жуткой радостью ощущал, что в его сердце разгорается огонь, который одна смерть сумеет погасить. Он пил самогонку, заставил и Наталку выпить рюмку, говорил какие-то слова Ларисе Петровне, обещая беречь ее дочь пуще глаза и любить больше жизни. От Серегиных речей Лариса Петровна заливалась горючими слезами.

После выпитой самогонки Серега совсем позабыл, что свадьба у них фиктивная. Он сгорал от самодовольства, косил глаза на чуть захмелевшую Наталку, умиляясь нежному овалу ее лица. Встретился с быстрым, лукавым взглядом девушки (Наталка искренне поражалась тому, с каким мастерством разыгрывал Серега роль жениха) и обвил рукой ее тонкую гибкую талию. Наталка нахмурилась и почти на виду у всех гостей отстранила его руку. Серега еле стерпел обиду, сделал вид, что ничего не случилось, а сам с лютостью подумал о том, что он скорее умрет, чем отдаст теперь кому-нибудь это бледно-молчаливое, загадочное чудо...

А через два дня после свадьбы схоронили Ларису Петровну...

В эту весну земля пробуждалась не для радости. Первая весна, когда на улицах Кохановки не плескались вечерами песенные реки. Первая весна, когда не было места для любви, а только для сердечной скорби, для неизбывной печали. Первая военная весна...

А Серега любил, любил неистово, но безответно. Каждый вздох его был криком измученного сердца, каждый взгляд на Наталку расплескивал бездонную муку. А она, его законная супруга для людской молвы, не была ему ни женой, ни любовницей, ни сестрой... Ходила Наталка по хате, по двору, по огороду, делала какие-то дела по указке Харитины и кидала на Серегу испуганные, предостерегающие взгляды.

А он, как щенок, бродил по ее пятам, оберегая от трудной работы: учил, как держать лопату или тяпку, как отличить зерно мака от зерна горчицы. Не раз пытался уговаривать Наталку, а она с ужасом бросала на него отчужденный взгляд — на его русые волосы, на веснушчатое лицо с облупившимся носом и маленькими, белесыми глазками, на большие торчащие уши — и отворачивалась с затуманенными от слез глазами...

Харитина и Кузьма тоже молча страдали, видя, как казнится их сын. Но надеялись, что Наталка образумится, что сломит ее их ласка и безропотная покорность Сереги.

В один воскресный вечер конца апреля, когда солнце и ветры подсушили дорогу, ведущую из Кохановки на тракт Немиров — Винница, в село вкатилась легковая машина горделиво-изящной осанки и стыдливо-серого цвета. Нигде не останавливаясь, она подошла к подворью Кузьмы Лунатика. Из машины степенно вышли два жандарма и направились в хату. А через минуту они волокли к машине молча упиравшуюся, смертельно бледную Наталку.

Серега в это время был в конце огорода и секачом снимал со сливовых деревьев волчьи побеги. Пока добежал он, выворачивая раненую ногу, до подворья, машина, мигнув красными огнями, скрылась за поворотом улицы.

На второй день чуть свет Серега был уже в Воронцовке, возле дома районной управы. Он сидел в сквере на влажной скамейке и под веселое курлыканье пролетавших в небе журавлей с тоской размышлял о том, сможет ли и захочет ли помочь ему в тяжкой беде бывший его учитель, «Прошу», Иван Никитич Кулида. Серега слышал от людей, что Кулида пошел в услужение к немцам и сейчас занимает в управе какой-то видный пост... Пугала встреча с человеком, каждое слово которого было для него в школярские годы святым. А теперь Прошу будто отнимал у Сереги его детство, его первые мечты и еще что-то большее, без чего трудно жить на белом свете, но у Сереги нет умения понять и назвать точными словами, что именно еще отнимал у него Иван Никитич Кулида, став прислужником гитлеровцев. Да и не хотелось об этом думать; перед глазами стояла Наталка, а усталое воображение нанизывало невыносимо-страшные картины надругательства над ее и его, Сереги, честью, над его любовью. И возникала тяжкая злоба на Наталку, что пренебрегла она его любовью, что глаза ее никогда не улыбнулись ему, а кричали только об отвращении, какое питала она к Сереге.

Иван Никитич появился в доме управы после девяти часов, и вскоре полицай пропустил к нему Серегу.

Кулида сидел за письменным столом, над которым в золоченой рамке висел портрет Гитлера. Гитлер смотрел на Серегу сумрачными глазами. И таким же неприветливым взглядом посмотрел на Серегу Иван Никитич, когда тот рассказал, что жандармы увезли его жену—внучку известного врага Советской власти полковника Кононова; в подтверждение последнего Серега положил на стол вырезку из газеты, которую раздобыл после того, как услышал о Кононове от покойной Ларисы Петровны.

Иван Никитич, постаревший, потемневший лицом, молча прочитал газетную вырезку, затем, не поднимая глаз, спросил у Сереги:

— Как ты оказался в селе?

— Дезертировал из Красной Армии во время отступления, а потом нарвался на противопехотную мину.— Серега врал без запинки; он знал, что может последовать такой вопрос, и заранее приготовил ответ.

— А почему думаешь, что господа немцы плохо отнесутся к внучке репрессированного Советами полковника? — снова спросил Кулида.

— Они могут не знать о ее происхождении. Вот и прошу вас...

— Я одного не понимаю,— перебил Иван Никитич Серегу.— Сейчас ты хлопочешь за родственницу так называемого врага народа, а когда работал в сельсовете секретарем... Помнишь, какой документ послал в военное училище на Павла Ярчука?

Серега, ощутив возле сердца холодную тошноту, стал смотреть на свои жесткие, покрытые русыми волосами и веснушками руки. Ждал, что Кулида позовет сейчас полицаев, и тогда— прямая дорога на виселицу... Сам, по своей воле влез зверю в пасть... Шевельнулась злоба на Павла Ярчука. И тут пришла в голову мысль, что учитель Прошу до войны тоже пел другие песни и служил другому богу, но высказать ее не решился. Только проговорил противно осипшим, тихим голосом:

— Секретарь сельсовета — это писарь. Я писал, что мне велели. А за Наталку хлопочу потому, что она моя жинка.

— Знаю, как ты писал,— Иван Никитич горько усмехнулся.— Можешь идти... О жинке твоей поговорю с начальством. Но ничего не обещаю.

— Спасибо, пан учитель...

— Я тебе не учитель!..

У Сереги еле хватило сил выйти из кабинета.

* * *

Серега и не подозревал, что обыкновенный человек способен вытерпеть такие душевные муки, какие испытывал он. В груди было тесно от неутихающей боли; с тяжкими вздохами она, казалось, выплескивалась за пределы его, Серегиного, существа, но тут же, снова рождаясь неизвестно где, сдавливала сердце.

Уже третьи сутки, как увезли жандармы Наталку, третьи сутки, как он не находит себе места. Его поездка в Воронцовку ничего не дала: учитель Прошу, видать, не захотел помочь.

Лучше было бы не ходить к Прошу, и теперь бы не слышались Сереге его устрашающие слова: «Я тебе не учитель». Вся Кохановка тайно проклинала Ивана Никитича, как подлейшего из предателей, и боялась его пуще всех полицаев и жандармов. Ведь он наперечет знал, кто из односельчан служит в Красной Армии, в каких семьях были коммунисты и комсомольцы, кто до войны проявлял наибольшую приверженность к Советской власти. Черной тенью смерти маячил бывший учитель над судьбами многих сельчан. А теперь маячит и над его, Сереги, судьбой.

Боль за Наталку слилась в груди Сереги с чувством страха за собственную жизнь; впервые стали навещать его укоряющие мысли о том, что вокруг рокочет море страданий, что где-то на фронте льется реками кровь, а он печется только о своей поруганной любви да дрожит за свою жизнь. Эти мысли новой тяжестью накатывались на сердце и горячими ладонями хлестали по щекам.

Многим людям в Кохановке было известно, что где-то в забугских лесах таятся партизаны. Серега и сам не раз слышал ночами раскаты взрывов на железной дороге, видел зарева пожарищ. Нет, он не собирался подаваться в партизаны: у него покалечена нога,— и когда вернутся наши, а Серега, как и большинство селян, в этом не сомневался, вряд ли кто его попрекнет. Важно только выжить... Однако надо что-то делать. Стать бы хоть камнем, который ничего не режет, но меч точит.

С такими мыслями Серега тенью бродил в ту памятную ночь по подворью, по огороду, вслушиваясь в неясный шепот ветра и тая надежду, что вот-вот на тропинке, которая вихляет через левады со стороны Воронцовского тракта, послышатся шаги Наталки. Предрассветное небо, темно-серое, неприветливо-холодное, заставляло ежиться, и Серега, ощущая черно-звенящую сумятицу в голове, направился к хате. Вдруг он услышал приближающийся по улице перестук колес и неторопливо-размеренный топот конских копыт.

Серега теперь боялся всего. Позабыв о своей хромоте, он проворно забежал за угол сарая, что стоял над улицей, и упал под плетень. Сквозь щель в плетне стал смотреть на дорогу. Вот показался конь, широкогрудый, щеголеватый; он фасонисто перебирал ногами, надменно вскидывал в упряжке головой. За ним катилась телега. Вот она ближе, на ней люди... У Сереги похолодело в груди. На телеге сидели, спустив долу ноги и держа на коленях винтовки, учитель Прошу и два полицая, а между ними — скорбно согнувшаяся жена Степана Григоренко Христя и десятилетний сын Иваньо. Медленно, будто стараясь не вызвать собачьего бреха, подвода проскрипела мимо подворья Лунатиков.

Серега уже знал, что бывший председатель райисполкома Степан Григоренко, когда к району подкатилась линия фронта, отправил семью, живущую с ним в Воронцовке, на восток, а сам оставался в Воронцовке до последних дней. Потом Степан куда-то сгинул, говорят, подался в партизаны, а вскоре после того, как была оккупирована Винничина, Христя и Иваньо появились в своей кохановской хате. Не удалось им пробраться за Днепр.

Немцы не трогали Христю, может, потому, что она дочь кулачки и что ее первый муж, Олекса, надел на себя петлю во время коллективизации, а может, по другим причинам.

...Утром на подворье Христи заголосила Тодоска, молодая жена Павла Ярчука. С маленьким Андрюшей она пришла навестить мать и обнаружила хату осиротелой. Кто-то из сосе-

дей видел в окно, как ночью увозили Христю и Иваньо, но были то партизаны или полицаи, никто не знал.

— Наши, собаки, увезли,— хмуро сказал Серега отцу, когда тот, вернувшись из магазина, сообщил новость.— Учитель Прошу с полицаями постарался.

Серега сидел на лавке у окна и старым напильником точил лопату, собираясь вскапывать огород. Заметив недоверчивый взгляд отца, он рассказал о том, что видел сегодня перед рассветом.

— Ох ты, каналья! — покачал головой Кузьма, зверски округлив глаза.— Кто бы мог подумать? Перед приходом немцев учитель политические книжечки да портреты ховал. Я ему еще помогал скрыню в погреб втаскивать. И знамя там было пионерское.

В опушенных белесыми ресницами глазах Сереги сверкнули недобрые огоньки. Отложив напильник и лопату, он поднялся с лавки и почти шепотом переспросил у отца:

— Тату, а вы не путаете насчет книжечек и знамени?

— Ты что надумал?! — всполошился Кузьма.— Беду на нас хочешь накликать? Не трожь учителя!

— Нет, теперь пусть Прошу беды боится,— зловеще засмеялся Серега.— Он мне не учитель. Сам сказал...

В этот же день Серега Лунатик писал анонимный донос в Воронцовскую полевую жандармерию. Четким, каллиграфическим почерком, который хорошо был знаком кохановчанам по всевозможным справкам и квитанциям, полученным до войны в сельсовете, Серега выводил слово за словом, изобличая бывшего своего учителя в неверности Адольфу Гитлеру... Конечно же, не из-за небрежности не постарался молодой Лунатик изменить свой почерк. А подпись не поставил из-за хитрости, достойной раба...

Вот так же в тридцать седьмом писал он характеристику на Павла Ярчука для военного училища. Писал правду и писал неправду, зная, что ему за это не отвечать, ибо документ подпишет новый председатель сельсовета. Тогда Серега мстил Павлу за Настю и за то, что Павел, а не Серега стал курсантом авиационного училища.

Теперь Серега тоже решил быть тем безответным камнем, который сам не режет, но меч точит, но не задумался, чей меч точит этот камень...

Днем он отправил письмо в Воронцовку, а поздним вечером в хату тихо вошла Наталка. Вошла и окаменело стала на пороге, будто до этого только места и хватило у нее сил дойти. Ее страшные глаза, источая черноту, кажется, ничего не видели.

Серега неуклюже кинулся к Наталке и, уже падающую, подхватил на руки. Медленно нес к топчану и видел, что подбородок, шея и грудь Наталки в багровых синяках.

Сердобольно запричитала у печки мать Сереги — Харитина, взволнованно прокашлялся в кулак Кузьма, сидевший на лежанке.

Наталка приподнялась с топчана, опустила долу ноги и облокотилась на стол. Подняла голову и посмотрела на Серегу кричащим от душевной боли взглядом, будто молила о помощи или пощаде.

— Самогонки...— прошептали ее запекшиеся губы.

Харитина с испугом и изумлением поставила на стол литровую бутылку с самогоном-первачом, достала из печи картошку и тушеную капусту. Наталка залпом выпила полстакана мутной жидкости, закашлялась, затем обвела всех чуть просветленными глазами и как-то по-детски, с гримасой плача на лице сказала:

— Не спрашивайте... Ни о чем не спрашивайте, умоляю...— И снова потянулась за стаканом.

Серега пил в этот вечер смертно. В его ушах неумолчно звучали стонущие слова Наталки: «Ни о чем не спрашивайте, умоляю...»

В эту ночь Наталка стала женой Сереги.

А через несколько дней полицаи сгоняли кохановчан на площадь к клубу, где беспечно источала запах сосновой смолы виселица с четырьмя петлями. Под виселицей стоял с открытым задним бортом окруженный жандармами грузовик, в кузове которого, к изумлению стекшихся на площадь людей, сидели связанные учитель Прошу, два полицая из районной комендатуры и восемнадцатилетняя Оля — дочь Христи, родная сестра Тодоски Ярчук.



В застывшем воздухе переливалось курлыканье журавлей. Приговоренные к повешению, запрокинув головы, следили за пролетавшими в небе длинношеими птицами, а окаменевшая толпа крестьян напряженно и страждуще смотрела на обреченных.

Стоял в толпе и Серега Лунатик. Он понимал, что письмо его, посланное в полевую жандармерию, без промаха выстрелило по учителю Прошу. Но при чем здесь полицаи? Откуда взялась Оля?.. В душу закрадывалась тревога. Он начинал понимать, что случилось нечто непредвиденное, страшное. И ничего нельзя исправить, как нельзя возвратить выстреленную пулю...

Серега не отрывал напряженно-испуганных глаз от измученного, с синими подтеками лица Оли. И оттого, что эта девушка была приемной дочерью Степана Григоренко, который партизанит где-то в забугских лесах, тревога Сереги начала переходить в жаркий ужас, от которого ноги наливались непосильной тяжестью, а в груди стала шириться холодная, ноющая пустота.

Оля действительно пришла в Кохановку из партизанского отряда, чтобы на явочной квартире — в заброшенном, прильнувшем к лесу домике учителя Ивана Никитича Кулиды — встретиться с подпольщиками.

Здесь в глухую ночь ее дожидались два верных, хотя и одетых в полицейскую форму товарища. Они и сообщили ей, что совсем рядом — в подземелье, куда можно спустить лестницу через замаскированный вход в погребе,— хоронятся ее мать и братишка Иваньо. Оля должна проводить их в надежное место за Бугом, ибо немцы пронюхали, что Христя — жена партизанского командира Степана Григоренко, и уже готовились арестовать ее.

Сердце Оли покатилось от услышанного, и она, испуганная, взволнованная, попросила скорее проводить ее к матери и брату. И в эту минуту в домик учителя вломились жандармы...

Начался обыск. В погребе нашли кованную железом скрыню, о которой говорилось в полученном жандармерией анонимном письме, изъяли из нее школьное знамя, портреты вождей революции, переворошили запретные книги. А потом, оставив в домике засаду, повезли арестованных в Воронцовку.

...А в небе курлыкали вольные журавли. Иван Никитич со смертной тоской глядел им вслед и думал о том, кто поможет Христе и Иваньо выбраться из подземелья. Ведь ни одна живая душа, кроме них, сидящих на этом четырехколесном эшафоте, не знает о тайном убежище. Может, Христя и Иваньо догадаются кричать в трубу, которой Иван Никитич прошил толщу земли для доступа воздуха в бункер, а верхний конец прикрыл хворостом, приготовленным на дрова? Но кто их услышит?..

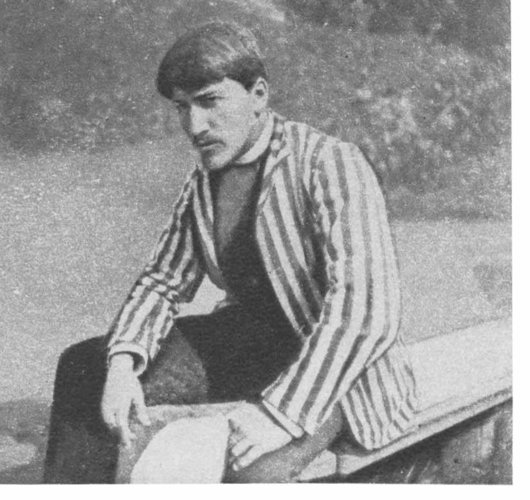
Об этом смятенно думала Оля. Среди множества бледно-каменных лиц с глазами, налитыми страхом и болью, она стала высматривать сестру Тосю. Шепнуть бы ей словечко, и тогда не так страшно Оле умирать. Но при жандармах и полицаях ничего не шепнешь. Да и Тосю она не может разглядеть. Не знала Оля, что добрые люди успели перехватить Тодоску в череде людей, робко бредшей на площадь, и незаметно увести ее в одну из хат, чтобы не видела она смерти родной сестры да не навлекла плачем на себя и на село новой беды.

Будто птица с подломанными крыльями, трепыхалась в безысходной тоске мысль Оли. Ну пусть, пусть умрет она со своей нерастраченной молодостью. Но как помочь маме и Иваньо?!

Мама... А что, если крикнуть людям, чтоб спасли?.. Нельзя. Немцы тут же приведут маму, и она увидит, как ее, Олю, будут вешать, а потом казнят и маму.

Умерла Оля, задохнулся в петле сеятель добра и мудрости на земле учитель Иван Никитич Кулида. Молча умерли и два подпольщика, имена которых никто не знал в Кохановке.

А среди скорбной толпы крестьян стоял человек, которому предстояло теперь умирать всю свою презренную жизнь...



В. А. Серов в Абрамцеве. 1885 год.

Музей-усадьба Абрамцево.

ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРОВ И СЕМЬЯ МАМОНТОВЫХ

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, доктор искусствоведения

Новые материалы

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Валентин Александрович Серов был художником всестороннего мастерства. Великий портретист жил в нем наряду с чудесным пейзажистом, проникновеннейший исторический живописец соседствовал с театральным декоратором высокого своеобразия. И одновременно он был не только первоклассным иллюстратором и графиком, но и автором метких карикатур, острых политических шаржей, бичевавших антинародные деяния царского правительства. Творения Серова полны неиссякаемой пленительности — чем глубже познаешь их, тем больше благоговеешь перед ними. Вот почему Серов стал одним из самых любимых народом художников. Ему посвящены книги и множество статей; некоторые из них внесли большой вклад в изучение творческой биографии мастера. Но всем им присущ один недостаток: находившийся в поле зрения искусствоведов документальный материал о Серове был очень ограничен. Так, например, единственное издание эпистолярного наследия Серова, подготовленное Н. И. Соколовой и появившееся в 1937 году, включало лишь третью часть писем, обнаруженных в настоящее время. Сейчас завершается подготовка двух томов переписки Серова, куда войдет 840 его писем и писем, ему адресованных.

Новые находки мои и Н. Г. Галкиной — в государственных архивохранилищах и в частных собраниях СССР, а также за рубежом—освещают историю создания многих произведений Серова. В некоторых письмах содержатся интереснейшие высказывания художника по различным вопросам изобразительного искусства, а также ярко характеризующие его незаурядные человеческие качества, высокую принципиальность.

Думается, читателям «Огонька» интересно ознакомиться с содержанием некоторых еще не изданных писем Серова. В них как бы слышится голос художника, звучит его жизнелюбие, присущие ему юмор и сарказм.

Публикуемые сегодня письма Серова относятся к 1887—1890 годам, когда художнику было всего 22—25 лет; одно из них адресовано Елизавете Григорьевне Мамонтовой, остальные три — ее сыну Андрею Саввичу.

На протяжении последнего тридцатилетия прошлого века в Абрамцеве, подмосковном имении Мамонтовых, подолгу жили и плодотворно работали многие выдающиеся русские художники. Это имело немалое значение для расцвета их мастерства. А для творческого становления Серова едва ли не самым значительным явилось многократное пребывание в Абрамцеве. Недаром мать художника писала: «Милое, дорогое Абрамцево! Оно было многозначительным, крупнейшим фактором в жизни моего сына, как в детском возрасте, так и в годы зрелой возмужалости». Да и сам Серов в письме к невесте, Ольге Федоровне Трубниковой, от 5 января 1887 года, говорил о своем пребывании у Мамонтовых: «...я прямо почувствовал, что и я принадлежу к их семье».

Человеком редких качеств был глава этой семьи Савва Иванович, о котором Горький писал: он «хорошо чувствовал талантливых людей, всю жизнь прожил среди них, многих таких... поставил на ноги, да и сам был исключительно, завидно даровит». Не меньше для русского искусства было сделано и женой Мамонтова. А ее предельная нравственная чистота влияла на тех, кто был дружен с этой семьей, самым облагораживающим образом. «В ней была чарующая прелесть. Ни одна из затей Саввы Ивановича не осуществилась бы без ее поддержки»,— утверждал И. С. Остроухов. М. В. Нестеров в своих воспоминаниях, называя жизнь Елизаветы Григорьевны «прекрасным подвигом», писал: «...Я, право, не знаю, не помню на пути своем ни одной женщины, которая бы отвечала так щедро, так полно на все запросы ума и сердца». А Серов в цитированном выше письме к невесте от 5 января 1887 года признавался: «Ты ведь знаешь, как люблю я Елизавету Григорьевну, т. е. я влюблен в нее, ну как можно быть влюбленным в мать. Право, у меня две матери».

В 1930-х годах директор Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевич приобрел часть архива С. И. и Е. Г. Мамонтовых. Там оказалось 13 писем Серова к Елизавете Григорьевне. Помню, какое огромное впечатление они произвели на И. Э. Грабаря, когда я передал ему копии этих писем. Некоторые из них в позднейшие годы цитировались в печати (мною в том числе). Но письма не были опубликованы. Вот одно из них (оно отправлено Серовым во время первого путешествия по Италии).

Флоренция. 22 мая [*1887 г.*]

Дорогая Елизавета Григорьевна!

Пишу Вам, как видите, из города, Вами особенно любимого! Ох! сколько богатств в этих строгих, часто, пожалуй, скучных стенах.

Мы приехали сюда из Венеции и привыкли к более пышной и вольготной наружной красоте. Неделю провели мы в ней как нельзя лучше, меньше было бы невозможно, больше — нужды не было или надо было остаться с тем, чтобы работать. Чудесное воспоминание! Счастливцы мы, счастливец я, написавший какой-то вздорный плафон, за который могу наслаждаться, и я наслаждаюсь самым бессовестным образом.

...Хороша Италия, спокойствие во всем какое-то, здесь в особенности. Музеи, в них живопись, за городом листва, кипарисы качаются по Бёклиновски, кругом мягкие горы, усыпанные светлыми домиками, кампаниллами, пахнет цветами — хорошо.

Какая здесь живопись! Да, есть что посмотреть,— нет, вернее, изучать; посмотреть этого мало. Я ждал многого от Флоренции, но такого богатства не думал найти. Действительно Флоренция — склад произведений живописи и скульптуры. Архитектура непривлекательная. Кампанилла Джотто — хороша, но не пленительно хороша, какой она представлялась. Il Duomo — это такая нелепая глыба снаружи и внутри — удивительно, купол, правда, чудесен. Да, хороши еще Орканьевская ложа (Piazza de la Signoria), дворцы: Strozzi и т. д. и т. д., не хочу пересчитывать, что нравится, что не нравится: это довольно скучно. Одно могу сказать, что хорошо, а насколько хорошо, Вам, пожалуй, лучше знать, чем мне.

Вспоминаю Вас часто, очень часто и во сне вижу Вас тоже очень часто. Крепко люблю я Вас. А люблю я Вас с тех самых пор, как Вас увидел в первый раз десятилетним мальчиком, когда, лежа больным в дамской комнате, думал, отчего у Вас такое хорошее лицо.

Прощайте, до скорого свидания.

Немного осталось нам гулять по загранице. Жаль покидать Италию и Вас повидать хочется.

Поклоны всем, В. Серов.

Для того, чтобы иметь возможность отправиться в это путешествие, Серову пришлось пять месяцев работать по заказу богатых тульских помещиков Селезневых, исполняя четырехаршинный плафон «Феб лучезарный». Ныне этот плафон хранится в Тульском краеведческом музее.

В своем письме Серов упоминает следующие архитектурные сооружения Флоренции: собор Санта Мария дель Фиоре и колокольню собора — Кампаниллу Джотто, названную так по имени великого итальянского художника, который начал ее постройку; Орканьевская ложа — трехпролетная лоджия, также построенная в XIV веке, место официальных собраний во времена республиканского правления Флоренции; площадь Синьории — центр политической жизни Флоренции в XIV—XVIII веках; дворец Строцци — одно из наиболее прославленных зданий XV века во Флоренции.

Три письма Серова к Андрею Мамонтову — близкие звали его Дрюша — я отыскал в одном из рукописных фондов, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Серов говорил о своем товарище: «...Он чувствует красоту, изящество в искусстве и увлекается этой красотой». Андрей Мамонтов окончил московское Училище живописи, ваяния и зодчества. По отзыву современников, это был талантливый, «многообещающий художник», но он скончался на заре жизни — двадцати двух лет. Серов дружил с Андреем Мамонтовым, он пригласил его, в частности, быть крестным отцом Ольги, своего первого ребенка.

Два письма Серова относятся к началу 1889 года, когда Мамонтовы были за границей.

Петербург. 11 января [*1889 г.*]

Очень рад, милый Дрюша, был получить твое письмо из Рима. Никак не ожидал от тебя такого сюрприза.

Совершенно не понимаю, как до сих пор мне в голову не приходило написать тебе. Итак, будем переписываться. Повидали вы ваших? Судя по письмам от Елизаветы Григорьевны, живется им недурно. Верушка, кажется, здорова совершенно. Да, позавидовал я тебе. Воображаю, как приятно было пошляться по галереям, храмам, античным и ренессансовым, упиваться скульптурой, остатками римской архитектуры, фресками и т. д. и т. д., а затем вернуться домой, сесть рядком подле Елизаветы Григорьевны, сестер, попить чайку, поболтать, а потом с приятной истомой усталости за дневное хождение завалиться спать, чувствуя дорогую близость своих.



В. Серов (1865—1911). ДЕВОЧКА С ПЕРСИКАМИ. 1887.

Государственная Третьяковская галерея.



В. Серов. ПАРУСНИКИ У ПРИЧАЛА. 1894. Этюд.
Из частного собрания.



КУПАНИЕ ЛОШАДИ. 1905.

Ленинград. Государственный Русский музей.



←
ДЕТИ. 1899.

«Огонек». 1965.





В. Серов. ЗАРОСШИЙ ПРУД. ДОМОТКАНОВО. 1888.

ДЕВУШКА, ОСВЕЩЕННАЯ СОЛНЦЕМ. 1888.

Москва. Государственная Третьяковская галерея.



В. Серов.
ПОРТРЕТ М. Н. ЕРМОЛОВОЙ. 1905.

Москва. Государственная Третьяковская галерея.

ПЕТР I. 1907.

Государственная Третьяковская галерея.

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ. 1910.



В. Серов. НАТУРЩИЦА. 1905.

Государственная Третьяковская галерея.

Рад за тебя, что ты повидал античные оригиналы твоих школьных гипсов. Это даром не должно пройти; невольно будешь их вспоминать, все их благородство, когда будешь рисовать в фигурном классе. Ты совершенно прав относительно Рафаэля и Микель Анджело: они часто врали, то есть не так часто врали, как утрировали, но перед их истинной мощью это все безделицы. Сам же ты говоришь, что тебя еще никогда пластика так не захватывала, как глядя на этих самых Рафаэлей и Микель Анджело. Про себя могу тебе сказать то же самое. В первый раз в жизни я был совершенно растроган, представь, плакал, со мной это бывает не часто, еще в театрах бывало, но перед живописью или перед скульптурою—никогда. Но тут перед Мадонной Микель Анджело во Флоренции я совершенно расстроился. Да, с этими господами не шути, хотя порой они и бывают манерными.

Ну, как твои дела в школе начались? Каково вернулись? Вокушка что? Скажи ему, что очередь писать за ним. Напиши мне о поездке поподробнее, прошу тебя, и о своих впечатлениях заграничных. Мне писать мало что есть — пишу, работаю все портрет отца. Прощай пока. Вокушку целую.

Твой Антон.

В письме упоминаются дочь Мамонтовых Вера и их младший сын Всеволод (Вокушка). Молодого Серова в кругу близких звали Антоном.

В следующем письме упоминаются: Михаил Анатольевич Мамонтов, двоюродный брат Андрея, вместе с ним путешествовавший; Сергей Саввич Мамонтов — старший брат Андрея. В письме говорится о работе Серова над портретом отца.

Петербург, 5 февраля [1889 г.]

Спасибо, Андрей, за письмо. Меня очень тронуло, между прочим, снисходительное с твоей стороны разрешение писать мне тебе и вдобавок не обижаться, если ответа не воспоследует — мило и оригинально, и притом весьма способствует той правильной переписке, о которой я почему-то подумал после твоего римского письма. Так ты занят сплошь целый день и вечер — похвально, одно могу сказать. Что ты доволен собой, тоже хорошо. Ну, а что твоя архитектура? Какой изволишь чертить ордер или орден? Коринфский уж ведь начерчен? Какие же теперь пойдут? Греческие, что ли?

А что поделывает Мишель? Никто о нем не хочет мне написать. Сам он нем, как всегда.

Ну-с, а я теперь человек солидный, женатый, да-с. Вот уже неделю, как обженился.

Сергей, конечно, шаферствовал. Он, вероятно, сам отписал, как сие произошло, для него весьма, впрочем, неожиданно, накануне узнал он, что на завтра предстоит ему быть у меня шафером. А может быть, он вам и ничего не писал.

Проклятые попы, вот народец — признаюсь не ожидал, то есть такие грубияны, нахалы и корыстные, продажные души — одно безобразие — и это пастыри духовные, перед которыми, так сказать, нужно исповедовать свои грехи, одним словом, выкладывать свою душу — покорно благодарю. Намыкался я с ними за последнее время, штук восемь перевидал и за исключением двух-трех, что помоложе, остальные пренепривлекательные туши. Ну да черт с ними, с ними больше дел пока иметь не придется.

Живу почти по-прежнему. Работа все та же. Трудная затея — этот портрет. Приходится порядком биться с ним. Обидно все-таки, что часто совсем непроизводительно.

Савва Иванович вернулся? Понавез чего-нибудь хорошего, испанского? Интересные фотографии? Хотелось бы его повидать здесь. Говорят, на днях должен быть здесь...

До свидания. Твой приятель В. Серов.

Вот текст третьего письма к А. С. Мамонтову:

Москва, 19 июня [1890 г.]

Спасибо, Дрюша, за письмо, никак не ожидал получить его от тебя. Видишь ли, сейчас я в Москве. Из Костромы выехал две с половиной недели тому назад. Покончили мы с Константином картинищу нашу и, кажется, неплохо. Приезжал П. М. Третьяков и весьма, весьма одобрил, к нашему удивлению. Сразу она, кажется, делает довольно сильное впечатление. Обещались нам ее снять (хоть частями)— увидишь. Написал я там в Костроме два портрета (совсем портретчиком становлюсь). Вернувшись с заработков домой в деревню, к жене и на отдых, расхворался. Сначала жаба горловая, а потом нарыв в ухе с такой болью, что мое почтенье. Сегодня вот приехал сюда на поправление, отправляюсь к Степанову. Да, так что нахожусь несколько в удрученном настроении, вдобавок оглох изрядно. Жена и девочка моя процветают, крестницы своей теперь не узнаешь — белая, розовая, большая, плотная, вертится, хохочет своим беззубым ртом, славная девочка, я ею доволен. Буду жене писать, передам ей поклон и от тебя. Она будет рада очень.

Как-то ты поживаешь, а? Тоскуешь, я думаю, по своим. Елизавета Григорьевна с девочками. Вока уже уехал, едет в Питер повидать Сергея, который едет на службу в Варшаву. Да ты, вероятно, знаешь уже об этом. Елизаветы Григорьевны я не видел с отъездом в Кострому — очень хочется ее повидать. Что же ты в Киеве делаешь, работаешь в храме? Или пока в ожидании генерала пишешь церкви с натуры? А меня ты, Дрюша, в Киев не зови. Ехать туда трудно очень. Одному ехать туда на месяц, а то вернее, на два. Такое житье немножко надоело, пора нам жить, как говорится, своим домком. Устраивать этот домок на время в Киеве, чтобы потом перебираться опять сюда — право, нет резону. Да, наконец, и заплатят тебе там 800 р., из которых 300 уйдет на краски (как это случилось с нашей картиной в Костроме). Да мне за портрет столько платят. Положим, не в этом дело. Будь я один, я бы, вероятно, приехал. Кстати, ты показывал мою спешную, несчастную кальку с эскиза Виктору Михайловичу? Каковое есть его на то мнение?

Надеюсь, что ты уже сказал, что от этой работы я отказываюсь.

Ну, до свидания, дорогой, буду очень рад, если будешь писать мне...

Виктору Михайловичу поклон.

Антон.

В Костроме Серов и К. А. Коровин исполнили огромную картину размером 8 ½ на 10 ½ аршин —«Хождение по водам», заказанную для церкви заведующим фабрикой Третьяковых. Только материальная нужда могла заставить молодых художников взяться за работу, которая никак не могла быть им по душе. Упоминаемые в письме: Виктор Михайлович — Васнецов, Е. М. Степанов — московский врач. Андрей Мамонтов принимал участие в орнаментальной росписи Владимирского собора в Киеве.

В нашу эпоху имя Серова овеяно всенародной любовью. И невозможно представить себе хотя бы одного из миллиона трехсот тысяч зрителей, ежегодно посещающих Третьяковскую галерею, который не стремился бы побывать в серовских залах, не полюбоваться «Девочкой с персиками» — Верушкой Мамонтовой, дочерью Елизаветы Григорьевны и сестрой Андрея Мамонтова. Этот чудесный портрет — олицетворение самой жизни в ее самом поэтическом проявлении. А ведь Серову было 22 года, когда он создал этот шедевр, занявший почетное место в истории мировой живописи.

Всего сорок шесть лет прожил Серов. Он осуществил лишь небольшую часть своих замыслов. И все же у Валерия Брюсова были все основания сказать: «Со смертью В. А. Серова перестал жить, быть может, величайший русский художник наших дней».

Даже теперь, спустя полвека после кончины Серова, эти слова поэта сохраняют свое значение.

Леон ЛЕРМАН

ЧЕЛОВЕЧЬЯ ДОЛЯ

Судьбы наши — песни...
Это точно!
А еще точней источник песен.
Зачерпнешь — узнаешь, что источник
сладостен и горек,
но не пресен.

Там, где Север солнце сжал тисками,
мы звенели песнями в округе,
шпалы просмоленные таская,
песней
рот мы затыкали вьюге.
Меж стволов сосновых
цвета меди,
в сумрачной, таежной, свежей бездне,
словно между дремлющих медведей,
колыбель моей судьбы
и песни.

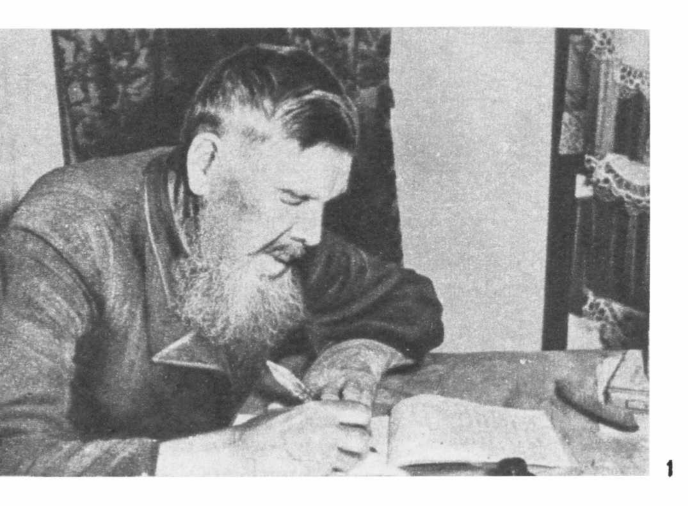
Мне тайга вдогонку не смеялась
в час, когда я шел рассветом синим...
Будто перед ставшим
старше
сыном,
матерью счастливою
смирялась.

В говоре костров, в беседе листьев
слышу песню я,
как шум прибоя...
Песня!
Я хочу без позы лишней
словом перекинуться с тобою.

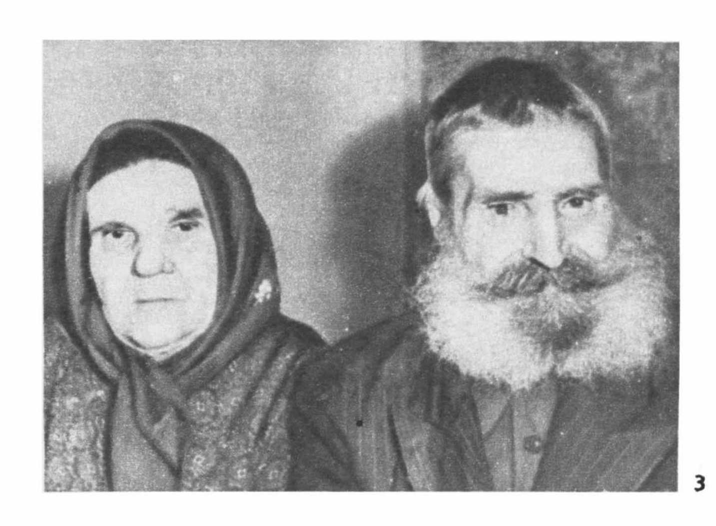
Невозможно, чтоб навек, надолго
горло соловьиное заткнули...
Песня, песня, человечья доля,
разве можно, чтоб тебя замкнули?!.

Только песня над землей взовьется —
зацветает мир
и оживает...
Знаю,
как судьба моя
зовется:
Песнею
ее я называю!

Перевел с еврейского
Бор. РАХМАНИН.

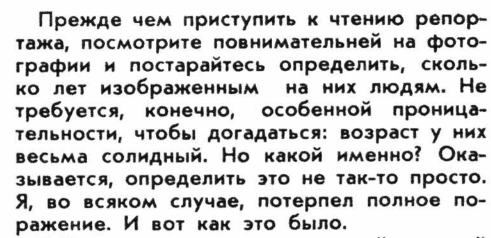

1


2


3

Златые г

Я. МИЛЕЦКИЙ



Прежде чем приступить к чтению репортажа, посмотрите повнимательней на фотографии и постарайтесь определить, сколько лет изображенным на них людям. Не требуется, конечно, особенной проницательности, чтобы догадаться: возраст у них весьма солидный. Но какой именно? Оказывается, определить это не так-то просто. Я, во всяком случае, потерпел полное поражение. И вот как это было.

В Киеве есть широко известный в нашей стране и за рубежом Институт геронтологии Академии медицинских наук СССР. Он занимается важными проблемами долголетия и изучением болезней пожилых и старых людей. Но тут нужно сделать отступление: что такое геронтология? Ответил мне на этот вопрос директор института, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, заслуженный деятель науки Украинской ССР профессор Дмитрий Федорович Чеботарев, и я точно записал его слова:

«Геронтология — наука о причинах и механизмах естественного и преждевременного старения организма. Наука же о заболеваниях у пожилых и старых людей, которой тоже занимается наш институт, называется гериатрией».



И вот в клинике этого института, где ведется наблюдение и лечение людей почтенного возраста, мне учинили экзамен, на котором я и провалился.

В это время в институте проходил Всесоюзный симпозиум по геронтологии, на котором присутствовали специалисты со всех концов страны: Ленинграда, Москвы, Средней Азии и Якутии. И тут у меня произошла вторая размолвка с врачами: по неосторожности я назвал всех людей пенсионного возраста стариками. А мне отвечают:

— Какие они старики?! Наука делит людей по возрастным группам совсем иначе. Международный семинар в Киеве установил такую классификацию возрастных групп: лица в возрасте 60—74 лет считаются пожилыми, лишь затем наступает старческий возраст, а уж тех, кому за девяносто, называют долгожителями



Однако расскажем все по порядку.

Еще великий И. И. Мечников считал, что смерть, наступающая ранее 100—125 лет, преждевременна и является результатом нарушения образа жизни и перенесенных болезней. Почему же ученые пришли к такому выводу? Оказывается, продолжительность жизни связана с длительностью периода роста организма. Так, например, известный французский исследователь Жорж Луи Леклерк Бюффон утверждал, что продолжительность жизни животного и человека должна в пять — семь раз превышать длительность периода его роста. Лошадь, чей период роста равен пяти годам, живет 20—30 лет. Собака растет два года и живет обычно 12—15 лет. Кошка растет и того меньше — всего полтора года, и отсюда срок ее жизни равен 8—10 годам.

Как известно, рост человека прекращается между 21 и 25 годами. Отсюда и делается вывод о том, что полтораста лет являются тем сроком, которым должна ограничиваться человеческая жизнь.

На киевском симпозиуме ученые приводили удивительно интересные факты и наблюдения, доказывающие, что продолжительность жизни зависит от ряда социальных факторов: от условий, в которых работают и живут люди, от уровня медицинской науки и здравоохранения. Например, в царской России срок жизни был очень короток даже по сравнению с другими странами того времени. По переписи 1897 года известно, что в России средняя продолжительность жизни составляла всего 32 года.

Изменение социальных условий в нашей стране сказалось и на средней продолжительности жизни: в 1926 году — 44 года, а сейчас — 70 лет (для мужчин 65 лет, а для женщин 73 года). Женщины хотя и считаются слабым полом, на самом деле живучее мужчин.

Так социализм прибавил советским людям почти четыре десятилетия жизни!

А вы знаете, в каких республиках нашей страны самая большая средняя продолжительность жизни? В Дагестане, Азербайджане и где еще?

На симпозиуме выступил приехавший с далекого Севера доцент Якутского университета, заслуженный врач РСФСР и Якутской АССР Лев Афанасьевич Львов. Он сообщил, что в Якутии сейчас на полмиллиона населения более 31 тысячи лиц старше 60 лет и 4 424 человека перешагнули восьмидесятилетний рубеж, а 126 человек старше ста лет.

Вот и получилось, что Якутия по долголетию занимает третье место в стране, непосредственно после Дагестана и Азербайджана.

Лев Афанасьевич по национальности якут, прекрасно знает, в каких невероятно тяжелых условиях жило население этой отсталой окраины России до революции. Так жил и он сам в детстве. В его роду не было долголетних, да и не могло быть. Люди умирали от болезней, холода. Он говорил мне:

— Советская власть дала людям златые годы жизни. Так называют старость в нашей республике.

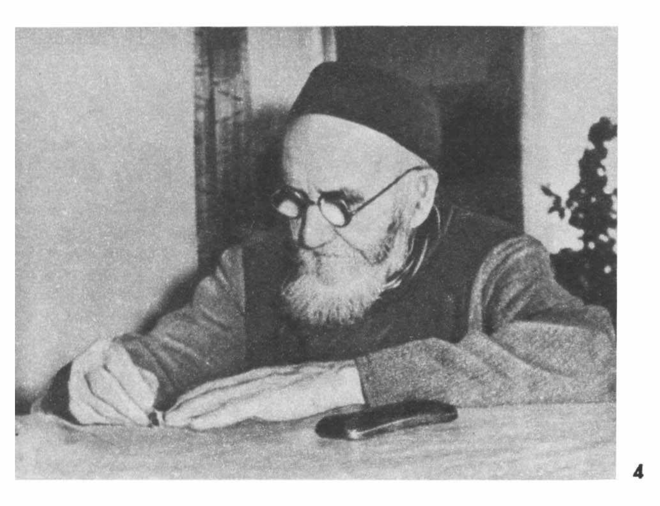
Незадолго до отъезда на симпозиум Лев Афанасьевич побывал в семье долгожителей.

— По нашим масштабам это недалеко от Якутска, всего каких-нибудь пятьсот километров,— рассказывает он.— На берегу озера, в лесу, живет семья Ивановых. Главе ее Андрею Ивановичу 105 лет, его сестре Марии Ивановне 104 года. Племянника Никиту, которому минул 84-й год, они называют мальчиком. Живет с ними и племянница — той только 66.

На симпозиуме был представлен материал, полученный Институтом геронтологии при обследовании более 40 тысяч лиц в возрасте 80 лет и старше. Сведения обрабатывались в счетных машинах, целая фабрика механизированного учета долгое время сводила их воедино.

Вот первые данные, представляющие большой интерес.

Оказывается, что все, кто достиг почтенного возраста, работают без устали с ранних лет, и в подавляющем большинстве они всю жизнь верны одной выбранной ими профессии. Из 40 тысяч обследованных больше половины прекратили трудиться в возрасте старше 70 лет и четвертая часть — старше 80. Физический труд, как установлено учеными, способствует активному долголетию в большей степени, чем умственный. Ничего не поделаешь, а факт остается фактом: представители физического труда вдвое чаще достигают девяностолетия, чем те, кто занимается умственным трудом.



4

ОДЫ



5

И еще один весьма ценный вывод: обжор среди мужчин и женщин, достигших почтенного возраста, нет и в помине. Они худощавы, а полные и тем более толстые — редкое исключение. Недаром на симпозиуме приводилась поговорка: обжора роет себе могилу зубами.

А теперь вернемся к фотографиям, с которых мы начали свой рассказ. На симпозиум их привезла алма-атинский врач Лидия Павловна Леонтьева. Уже больше пяти лет она занимается геронтологией и вместе со своим сыном Анатолием, студентом университета, объездила многие районы Казахстана в поисках долгожителей. Она побывала в целинных совхозах, обследовала вдоль и поперек Караганду, посетила Кзыл-Орду, словом, исколесила тысячи километров, забираясь нередко в медвежью глушь.

Итогом этой работы явилась книга «Старость отступает».

Итак **первая** фотография.

Перед вами житель Алма-Аты Иван Димович Мазов. Не думаю, чтобы вы догадались, что ему 102 года. Это подтверждается паспортом, что особенно важно: сплошь и рядом долгожители склонны прибавить себе лета, то ли по забывчивости, то ли из желания прихвастнуть — этого чувства и они не лишены. К Мазову не относится ни то, ни другое. На своем веку он вначале крестьянствовал, а затем занялся плотницким ремеслом, которое не оставляет и по сю пору.

Доктор Леонтьева застала Ивана Димовича за верстаком.

— Трудитесь? — спросила она.

— Разве это труд? — ответил он вопросом на вопрос.— Так, баловство. Табуретку или столик смастерю, а то и домик подправлю — так это все к здоровью. Вроде как физкультура по-теперешнему.

В тот день Мазов был огорчен: у него накануне выпал первый зуб...

Потом он сел за стол, взял ручку и твердой еще рукой написал несколько строк вроде как бы в назидание молодежи:

«Мазов Иван Димович. Мне больше ста лет. Надо работать, не быть злым, тогда тоже будете жить сто лет».

На **второй** фотографии Улдан Тлеуова, ровесница Ивана Димовича Мазова.

У нее 11 детей, 52 внука. Трудными были годы ее жизни: восемь детей и одиннадцать внуков умерли в раннем возрасте от болезней, косивших и детей и взрослых на дальней царской окраине.

Пришла Советская власть, и стали дети Улдан выходить в люди. Ее сын Смет Кенесбаевич Кенесбаев — академик, имя его известно далеко за пределами республики. С ним и живет старая Улдан, наслаждаясь сыновней заботой, радуясь внукам.

А вот на **третьем** фото чета долгожителей: Ивану Максимовичу Логвинову 105 лет, супруга его Мария Никитична годом моложе. Вряд ли можно дать им такие годы.

— Иван Максимович человек властный,— рассказывает мне доктор Леонтьева.— Он с хитрецой и не лишен чувства юмора. Любит посмеяться, пошутить. Всего пять лет назад оставил работу сторожа и скучает по делу. Домашние заботы делит с Марией Никитичной пополам: кому сегодня печку топить, кому за водой сходить, а кому и обед готовить. Живут они дружно, уважают друг друга.

Доктор Леонтьева привезла в Киев фотокопию письма, написанного замысловатой арабской вязью, и фотографию его автора, 94-летнего жителя Кзыл-Орды Сибгата Хабибуллина. Кзыл-Орда занимает в Казахстане первое место по долголетию.

Вот перевод с арабского:

«Я, Хабибуллин Сибгат, 94 лет, проживаю в г. Кзыл-Орда. Чувствую себя хорошо, потому что характер у меня спокойный. Всю жизнь честно трудился и сейчас все время работаю: ухаживаю за садом, выращиваю цветы, постоянно в движении».

Строки эти написаны 9 марта 1964 года, когда Хабибуллина посетила доктор Леонтьева (**четвертое** фото).

— Он совершенно здоров и никогда ничем не болел,— рассказывает Лидия Павловна.— Хабибуллин особенно подчеркивал, что секрет его долголетия в том, что он постоянно двигается, работает.

На **пятой** фотографии отец и сын Литвиновы: Дмитрий Александрович и Павел Дмитриевич. Оба они кузнецы, отец трудится вместе с сыном. В этом нет ничего удивительного. Но отцу пошел 84-й год, а сыну перевалило за шестьдесят. Вот это удивительно!



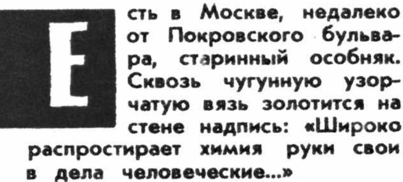




Творящий вторую природу

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Л. Шерстенникова.



Есть в Москве, недалеко от Покровского бульвара, старинный особняк. Сквозь чугунную узорчатую вязь золотится на стене надпись: «Широко распростирает химия руки свои в дела человеческие...»

Сорок лет назад переступил Валентин Алексеевич Каргин порог этого особняка и предстал перед первым директором Научно-исследовательского института имени Карпова, академиком А. Н. Бахом. Из-под нависших клочковатых бровей Алексей Николаевич благожелательно оглядывал подростка с едва пробивающимся пушком над верхней губой. Он слышал о нем и знал, что привела его сюда любовь к химии.

Старый революционер, выдающийся ученый, по природе своей человек добрый, он становился железным, когда речь заходила о науке.

— Что ж, приступайте, молодой человек, но пока без жалованья,— сказал он.— Проявитесь — тогда поговорим.

Шестнадцатилетнему юноше пришлось трудно. В Москве он один и должен сам заботиться о себе, о крове и хлебе своем насущном. Жестокое условие не остановило Каргина. Он готов принять его. Утром и днем — неоплачиваемая работа в лаборатории аналитической, а позже — коллоидной химии, которую возглавлял член-корреспондент Академии наук А. И. Рабинович, вечером — университет, поздним вечером и часто ночью — служба за «пятаки». Десятки, сотни анализов проделывает он то для «Рудметаллторга», то для «Русских самоцветов».

Может быть, именно тогда выработал он в себе те качества, которые окружающие по незнанию примут потом за педантизм: жизнь по часам, аккуратность до мелочей, всегда и везде, в любых обстоятельствах.

Сурова закалка — обильна жатва. Через двенадцать лет — ему в ту пору было двадцать девять — он доктор наук. Степень была присуждена без защиты диссертации: так многочисленны — свыше пятидесяти — и так значительны его труды. Известный своими исследованиями по коллоидам, он еще в то время — в 1936 году — занимался уже полимерами.

Полимеры... Синтетика... Капрон и нейлон, пластмассы и лавсан... Такие привычные нам ныне, такие обыденные, совсем как ситец и сталь, дерево и стекло, слова. Они вошли в нашу жизнь. А ведь когда Каргин начинал, этих слов и в помине не было. И даже Ожегов не смог бы им дать в ту пору толкование. Дело, конечно, не в терминологии, а в сущности процессов, но и слова, как мода на платье, подчеркивают разницу времен, разницу эпох...

Как же полимерное царство, однако, начиналось?

Нельзя сказать, что до Каргина у нас ничего не было. На маленькой подмосковной станции Мытищи дышал, двигался, поднимался Институт искусственного волокна. В Москве работал Кинофотоинститут, в Ленинграде в Военно-медицинской академии Сергей Васильевич Лебедев получил из дивинила двухкилограммовую, цвета липового меда, коврижку каучука. С. М. Киров подал руку помощи ученому — срочно создавался завод. Все это было до Каргина. Была вискоза. Была нитроцеллюлоза. Был каучук. Не было самого главного — единой теории. Теория безнадежно отставала от практики. Практика клиньями пробивалась вперед. Но всего лишь единичными клиньями, и они грозили притупиться, если их не отшлифует человеческая мысль.

...Первые десятилетия нашего века потрясли мир каскадом блестящих открытий по физике атомного ядра, затмивших собой все остальное. О химии тогда забыли. До обидного мало о ней писали. А именно в те же самые годы и в тех же самых странах — США, Японии, СССР, Франции, Германии, Италии — друг за другом, как по эстафете, передаваемой невидимыми ладонями, тоже следовали открытия. Открытия в области полимеров.

Герман Штаудингер, пристально вглядевшись в них, приходит к заключению, что полимеры — сложное переплетение очень длинных, как цепи, нитевидных молекул. Молекулярный вес одних составляет единицы, других — миллионы. Это сообщение, подобно взрыву бомбы, нарушает уютную тишину живописного Фрейбурга. В городок устремляются не туристы, а химики. Они хотят увидеть все своими глазами и не верят собственным глазам. Но вот и чикагский химик Карозерс приходит к такому же заключению. Австриец Герман Марк и швейцарец Фридрих Кун, не сговариваясь друг с другом, устанавливают еще одну особенность молекулы полимеров: она гибка, как лиана, и склонна сворачиваться.

Но никто еще, ни Штаудингер, ни Карозерс, ни Марк и ни Кун, ни слова не сказал о том, что же собой представляют растворы полимеров. Со времени англичанина Грема считалось, что и они обыкновенные клеи. И вот тут-то заго-



ворил Каргин. Ему, занимавшемуся коллоидными растворами, и карты в руки. Объект его исследований — нитроцеллюлоза, целлюлоза. Место исследований — нет, не только лаборатория на втором этаже старинного особняка. Опыты идут в Институте искусственного волокна в Мытищах и в Кинофотоинституте. Он научный консультант обоих.

Опыты идут. Каргин и сотрудники НИИ волокна С. П. Папков и З. А. Роговин исследуют поведение эфиров целлюлозы в различных растворителях.

— Сколь ни удивительно, но тут не коллоидный раствор,— заключает Каргин.— Полимеры не разновидность коллоидных растворов, они, стало быть, образуют истинные растворы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Нет, это не гипотеза, а стройная теория!

Потом разгорается спор из-за кинопленки. Почему пленка из нитроцеллюлозы, все равно как шерсть во время декатировки, садится? В чем тут дело?

Каргин изучает структуру пленки и, ко всеобщему недоумению, объявляет: «Нитроцеллюлоза совсем не кристаллическое, как все считают, а аморфное вещество». Вместе с П. В. Козловым и Н. В. Михайловым он показывает, что и целлюлоза состоит из больших молекул. Когда пленка формуется, молекулы вытягиваются в цепочки. Но оставаться в таком состоянии им неудобно. При малейшей возможности — подогрев, тепло — цепочки, подобно крохотным пружинкам, немедленно сворачиваются в шарики-глобулы. Такое их состояние — самое любимое, самое устойчивое. А результат — пленка сжимается, как Шагреневая кожа.

Все, кажется, предельно просто. Но многие химики категорически отказываются принять этот вывод. На долгие годы разгорается бурная дискуссия. А Каргин меж тем продолжает работать. Частный, казалось бы, вопрос превращается в мостик, по которому он и его соратники перейдут к тому, чего до них еще не было,— к теории получения прочных волокон, к фундаментальной теории деформации и упрочнения изделий из полимеров вообще. А в этом ведь сама судьба полимеров — их жизнестойкость, их долговечность. В орбиту исследований Каргин включает Институт пластмасс, а позднее — московские, ленинградские, рижские и другие научно-исследовательские центры страны. И когда в Президиуме Академии наук СССР встает вопрос, кому же после кончины академика А. В. Топчиева возглавить Совет по полимерам, называется имя академика Валентина Алексеевича Каргина.

* * *

Осенним утром 1954 года Каргин входит в новое здание Московского университета на Ленинских горах.

В МГУ нет кафедры высокомолекулярных соединений, и Каргин, только что избранный профессором университета, читает спецкурс о полимерах. Но разговоры о такой кафедре упорно идут — Виктор Кабанов, Николай Платэ сразу же побежали к нему, попросились на его будущую кафедру. Через несколько дней к ним присоединились еще двое — Николай Бакеев и Майя Константинопольская.

В мае во время консультации Каргин спросил:

— Когда начинается у вас производственный практикум? Через две недели? Прекрасно! Давайте встретимся через две недели в Дзержинске ровно в три часа дня.

Студенты переглянулись. Академик, вероятно, шутит? Решили, что он оригинальный человек, со странностями, как многие ученые, а сам через пять минут со свойственной профессорам рассеянностью забудет об этом.

В назначенный день они столпились в проходной.

Ровно в три часа дня подъехала машина. Из нее вышел — они не верили своим глазам — Каргин!

О, их профессор не был рассеянным! Он никогда ничего не забывал и никуда не опаздывал. Точности и аккуратности требовал он и от них, своих учеников. Лет так через десять он не постесняется с укоризной спросить у того же самого Кабанова: «Что с вами случилось, Витя?»— когда тот, примчавшись на такси из какого-то института, ввалится с толстым портфелем на коллоквиум на десять минут позже.

...Через два года оба Николая— Платэ и Бакеев — и Виктор Кабанов стали первыми сотрудниками кафедры высокомолекулярных соединений. Павел Васильевич Козлов, с которым Каргин укрощал когда-то кинопленку, и специалист по электролитам Софья Яковлевна Мирлина — единственные представители старшего поколения на кафедре.

Бакееву еще на пятом курсе было поручено изучать аморфные полимеры. Считалось, что они представляют систему крупных макромолекул, как попало перепутанных между собой, словом, настоящий войлок. Так ли это на самом деле? Николай похудел,

пока из скопища наблюдений, из груды снимков, сделанных под электронным микроскопом, отобрал самые характерные.

Что это за темные шарики?

Бакеев спешит к Валентину Алексеевичу. Каргин осторожно, двумя пальцами, берет стекло, рассматривает его на свет.

— Это же типичные фибриллы! Здорово! Вот вам и «войлок»... Не хаос, а строгий, прямо белковый порядок. Стало быть, из таких фибрилл должны образоваться более сложные упорядоченные конструкции, а из них складываются куски полимерного материала...

Как всегда, каргинский ум мгновенно проникает в глубину происходящего, он сопоставляет его с работами, совершенными ранее в карповском институте, заглядывает далеко вперед. Исследованиями по структуре и свойствам полимеров давно занимались доктора и кандидаты наук З. Я. Берестнева, Т. И. Соголова, П. И. Зубов, Г. Л. Слонимский, П. В. Козлов, Ю. С. Липатов. И вот сейчас эти бакеевские факты!..

Основываясь на всем собранном воедино, В. А. Каргин создает законченную, так называемую пачечную, теорию надмолекулярных структур.

В чем же ее сущность?

Хаоса в полимерах никогда не было и не может быть! Молекулы существуют либо в виде шариков-глобул, либо, если глобулы разворачиваются, образуются пачки выпрямленных цепей. Упаковка в пачки строга и иногда принимает геометрические формы, напоминающие огранку кристаллов. При определенных условиях пачки могут объединиться в еще более крупные образования —сферолиты, точно такие же радиально-лучистые шарики, как у горных пород.

Даже такой гибкоцепной полимер, как каучук, способен кристаллизоваться. В изломе он очень напоминал металл. К металлам — вот к чему пришел Каргин! Пришел, но не остановился.

Полимеры по тем или иным причинам, к сожалению, стареют. Этот процесс происходит быстро, как лавина. Надо узнать, чем он вызывается, и научиться преодолевать преждевременное одряхление полимеров.

В пропилен с характерными для него шариками Т. И. Соголова вводит ничтожное количество ализарина. На снимке вместо шариков — веточки папоротника или густое переплетение лент. В то же время образец становится значительно прочнее.

«Позвольте,— кто-нибудь может заметить,— ведь это же принцип получения легированных сталей?!»

Да, это так. Эксперимент снова привел к металлам, к металлургии, и не случайно. Из одних и тех же полимеров, все равно как из элементов периодической системы, можно не по эмпирическому подбору, не по интуиции, а по установленным правилам создавать материалы с разными, заранее заданными физико-механическими свойствами. Именно материалы, такие, как сталь, цветные и другие сплавы, способные ответить на любой запрос техники. Каргин смело провозглашает это новое для химии понятие. Полимеры нового типа должны быть стойкими и крепкими, не зависеть от солнца и жары, от времени, нагрузки, удара или падения, они — наука это доказала — могут быть вечными!

Промышленность пока не располагает синтетическими материалами такого типа. Но они появятся, скоро появятся!

* * *

— Что, не получается? — поймав где-нибудь в уголке лаборатории или в коридоре огорченного сотрудника, осведомляется Каргин.— Вот и хорошо, что не сразу получается: зацепили что-то новое.

А Каргину уже настойчиво напоминают о себе два высоких чернобровых и черноволосых, очень похожих друг на друга молодых человека — Виктор Кабанов и Виталий Зубов. С обеих сторон атаковали они академика, и у того выхода нет: садись и слушай. Каргин возвращается к себе, садится в кресло у стола и слушает. Виталий заговорщически извлекает из внутреннего кармана пиджака тонкую запаянную пробирку с прозрачно-янтарной жидкостью, а Виктор не менее таинственно раскрывает пузатый портфель и достает из него широкую и длинную общую тетрадь в толстом переплете.

О чем, однако, идет речь?

Первые университетские питомцы Каргина — Кабанов, Платэ и Бакеев — давно защитили диссертации, читают студентам лекции и имеют собственных аспирантов и даже кандидатов наук. Зубов — кабановский кандидат.

Первенцы четко проявились каждый в своей области и ведут сильные поисковые группы в академическом институте нефтехимического синтеза. Николай Платэ — специалист по прививкам. В его группе, используя общеизвестный ботанический прием, прививают, например, полиэтилен к нейлону и получают новое полимерное растение — полипропилен, такой же эластичный, как и каучук.

Группу Кабанова Каргин нацелил на изыскания принципиально новых физико-химических способов получения полимеров. Академик остался верен себе: предложил заниматься теми веществами, которых никто и никогда не полимеризовал. Вот и сейчас очередной поиск ведет Зубов. Он уже на пороге получения нового важного полимера. Еще нужно сделать шаг, несколько шагов.

— Попробуйте-ка, Виталий, пойти вот так,— советует Каргин.

...Ушли оба. И только Каргин собрался подняться — приглашали его в СЭВ, звонили из какого-то машиностроительного комитета и из Академии медицинских наук,— как из-за шкафа робко выдвинулись двое незнакомцев. Подошли. Разложили сверточки со смешными серенькими червячками.

— Что такое?

Оказывается, это рыбоводы из-под Дмитрова. Кормят они своих карпов такими вот колбасками из жмыха. Но вот беда: растворяются они в воде прежде, чем рыба проглотит их. Нельзя ли обволакивать червячки тонюсенькой синтетической пленкой? Что посоветует академик?

Академик улыбается: ведь он же заядлый рыболов и редкое воскресенье не сидит с удочкой где-нибудь на Большой Волге или на Угре. Знали, видимо, хитрые ходоки, к кому шли...

* * *

...Тридцать лет назад, начиная заниматься высокомолекулярными соединениями, тогда еще совсем молодой Каргин исходил из имеющегося; был каучук и были волокна. Не было теории. Он начал ее создавать. Наконец теория совершила мощный скачок и, как ей полагается, опередила практику. Человек, овладевая законами природы, постигает искусство управления ею. Человек, создавая законы второй природы, им сотворенной, становится полновластным ее владыкой.

Об этих законах шла, в частности, речь на симпозиуме в Фрейбурге. Заседания проходили в здании Института макромолекулярной химии, созданном лауреатом Нобелевской премии Германом Штаудингером. Самого Штаудингера здесь уже не было. Ученый ушел от дел, доверив их своей ученице, ныне директору института доктору Хуземан. Но встреча с ним все же состоялась.

Валентин Алексеевич счел своим долгом нанести ему визит. Вместе с Н. В. Михайловым и М. С. Акутиным подъехал он к тихому дому, окруженному садом. Жена Штаудингера строго предупредила: «Только пять минут».

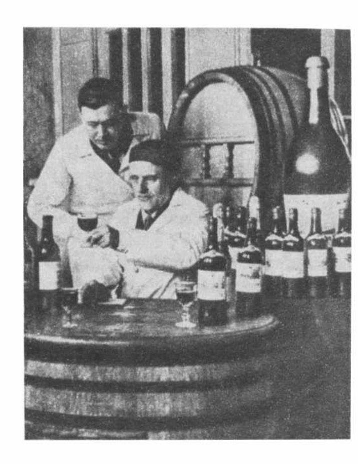
В гостиную медленно вошел очень старый человек. Несколько мгновений они молча стояли друг против друга — немецкий ученый, разглядевший в полимерах молекулы, и советский ученый, основатель теории надмолекулярных структур, овладевший тайнами управления огромным миром полимеров.

После обычных приветствий завязывается разговор.

— Вам хорошо сейчас: вас миллионы,—тихо сказал, садясь в кресло, Штаудингер — он к старости совсем оглох. И, помолчав, с грустью добавил:— А тогда, в начале века, я был один... Совсем один...

Каргин посмотрел на часы. Время истекло. Он мог бы возразить Штаудингеру по поводу миллионов. Он считает, что в период бурной химизации народного хозяйства страны полимерщиков мало. Еще убийственно мало. Что на факультете всего лишь группа, а нужен поток, целый поток. Что пора таким потокам открывать русла и в других университетах...

ПОЭЗИЯ РУБИНОВОГО НЕКТАРА



Дегустацию ведут А. А. Егоров и старший винодел А. А. Новичков.

Отшумел на винодельнях веселый грохот давильных машин. Янтарные, малахитовые и черные виноградные гроздья превращены в разноцветные соки. Теперь надобно назвать их собственными именами, оценить качество, решить их судьбу. Это сделают дегустаторы.

Церемония современной дегустации предельно торжественна. Вокруг овальной формы стола наподобие тысячелитрового дубового бута, на стульях в виде полубочат восседает коллегия виноделов-диагностиков.

Дегустация закрытая — тайная. Объявляется только номер пробы. Все остальное должен сказать дегустатор: год рождения, сорт, кондиции, оценка зрением, на запах и вкус и даже на слух. Тщательно взвешивается каждая десятая доля винных достоинств. Вино играет в бокале. Оно многое говорит специалисту своим блеском, окраской и прозрачностью, сахаристостью и кислотностью. Руки согревают тонкий хрусталь — аромат сорта усиливается, раскрывается едва уловимый эфирный букет, составляющий особую прелесть напитка.

И всем этим тайнодействием бессменно руководит верховный дегустатор.

Речь идет о поэте вина, о старейшем специалисте комбината «Массандра» Александре Егорове. Ученик Тимирязева и Сеченова, он сумел постигнуть самые сокровенные детали формирования благородных напитков. Напитков, которые вместо опьянения несут человеку — при нормальном употреблении — радостные и бодрые чувства, приток энергии. Доброе вино всегда было неизменным спутником всяких торжеств, счастливых событий.

...Старейший винодел поднимает тюльпанообразный бокал с золотой наемочкой, наполненный сверкающим рубиновым соком. Сегодня он встречает приход нового, девяносто первого года своей жизни. Из них почти семьдесят лет отдано созданию вина.

— Вы хотите знать, каковы особенности восприятий опытного дегустатора? — улыбается Егоров.— Позвольте привести пример из истории. Однажды виноделы Л. Голицын и О. Бьянки, пробуя вино, уловили в нем посторонние вкусы и запахи. Один уверял, что он чувствует присутствие сыромятной кожи. Другой доказывал, что слышит вкус железа. Немного погодя бочку опорожнили. На дне ее лежал каким-то чудом попавший туда железный ключ на кожаном ремне.

Виноделие — сложная наука. И создателю новых сортов приходится вести кропотливую исследовательскую работу. Самому Егорову пришлось затратить десятилетия, чтобы изучить многообразие виноградных лоз Закавказья и Крыма. Он размежевал плантации на уникальные макро- и микрорайоны. Вслед за этим появились великолепные марки столовых и десертных напитков, превзошедшие своим качеством продукцию Испании и Португалии, Франции и Италии.

С. МИХАЙЛОВ

Крым, Массандра.

МОЯ БИОГРАФИЯ

Чарли ЧАПЛИН

Я кончил работу над «Огнями рампы»[1], последним фильмом, сделанным мною в Америке. На этот раз я меньше беспокоился о судьбе картины, чем обычно. На просмотре в кругу друзей все были в восторге. Мы с Уной стали готовиться к поездке в Европу: ей очень хотелось, чтобы дети начали учиться в школе там, подальше от влияния Голливуда...

Еще за три месяца до этого я послал просьбу о выдаче мне разрешения на обратный въезд в США, но недели шли, а ответа все не было... Я вторично обратился в Вашингтон и снова, не дождавшись ответа, написал, что, если это следует рассматривать как отказ, я все равно поеду в Европу.

Через неделю позвонили из Управления иммиграции и сказали, что желают задать мне несколько вопросов. Могут ли они прийти и сделать это у меня на дому? «Разумеется»,— ответил я.

Явились трое мужчин и одна женщина. Она несла машинку для стенографирования, ее спутники — небольшие портфели, очевидно, со звукозаписывающими аппаратами.

Старший в группе был высокий, сухощавый мужчина, лет сорока, представительный, с проницательным взглядом. Я подумал было, что их четверо против одного и мне не мешало бы позвать своего адвоката; но мне нечего было скрывать, и я отказался от этой мысли.

Я провел их на летнюю террасу. Женщина поставила свою машинку на маленький столик. Мужчины уселись на кушетку, держа портфели на коленях. Старший достал папку толщиной в фут и аккуратно положил ее на стол. Я устроился напротив. Он принялся просматривать папку, страница за страницей.

— Чарльз Чаплин — это ваше настоящее имя?

— Да.

— Некоторые утверждают, что вас зовут иначе (он привел какую-то иностранную фамилию) и что вы родом из Галиции.

— Нет. Меня, как и моего отца, зовут Чарльз Чаплин, и родился я в Лондоне, в Англии.

— Вы утверждали, что никогда не были коммунистом?

— Никогда. В жизни не принадлежал ни к какой политической партии.

— Вы выступали с речью, в которой сказали «товарищи»! Что вы имели в виду?

— Именно это. Посмотрите в словаре. У коммунистов нет монополии на это слово.

Он продолжал в том же духе, потом внезапно спросил:

— Совершали вы когда-либо прелюбодеяние?

— Послушайте,— сказал я,— если вы ищете формальный повод для того, чтобы выслать меня из страны, скажите это прямо, и я буду готовиться, приведу в порядок мои здешние дела. Я не желаю быть «персона нон грата» где бы то ни было!

— О нет,— ответил высокий.— Это обычный вопрос, когда речь идет о разрешении на обратный въезд.

— Что же разумеется под словом «прелюбодеяние»? — спросил я.

Мы вместе заглянули в словарь. Он предложил:

— Давайте скажем так: «интимная связь с женой другого лица».

Я подумал несколько мгновений, потом сказал:

— Не знаю такого случая.

— Если бы произошло военное вторжение, вы сражались бы, чтобы отстоять Соединенные Штаты?

— Разумеется. Я люблю Америку, это мой дом, я живу здесь сорок лет.

— Но вы не приняли американского гражданства.

— Это не запрещается законом. Во всяком случае, я плачу налоги здесь.

— Но почему вы следуете партийной линии?

— Если вы мне сообщите, что такое «партийная линия», я вам отвечу.

Меня допрашивали три часа. Через неделю снова раздался телефонный звонок: меня пригласили в Управление иммиграции. Мой адвокат настоял, чтобы я взял его с собой.

— На случай, если они вздумают снова задавать вопросы,— сказал он.

Когда мы явились в управление, нас встретили как нельзя более сердечно. Шеф управления, добродушный человек средних лет, сказал почти отеческим тоном:

— Сожалею, что мы затянули с этим делом, мистер Чаплин... Остается всего один вопрос: долго ли вы будете отсутствовать?

— Не более шести месяцев,— ответил я.— Мы просто едем в Европу отдохнуть.

— Если вы останетесь дольше, вам придется просить о продлении разрешения.

Он положил на стол какой-то документ. Мой адвокат быстро пробежал глазами бумагу.

— То, что требуется,— сказал он.— Разрешение!

— Будьте любезны расписаться вот здесь,— сказал шеф, и, когда я сделал это, он похлопал меня по спине.— Желаю приятного отдыха, Чарли, и поскорее возвращайтесь домой!..

Была суббота, уезжали мы из Лос-Анжелоса в Нью-Йорк утренним поездом в воскресенье. Я уже давно собирался дать Уне доверенность на право распоряжаться содержимым моего сейфа в банке, если со мной что-либо случится; там хранилось почти все мое состояние. Но Уна все откладывала эту процедуру. Теперь мы уезжали, а банк должен был закрыться через десять минут.

— У нас ровно десять минут, надо поторопиться,— сказал я.

Но Уна, которая всегда медлительна в подобных делах, возразила:

— А почему бы нам не подписать эти бумаги после возвращения из Европы?

Я настоял на своем. И хорошо сделал: иначе мы бы наверняка потратили остаток своих дней на бесконечную тяжбу, пытаясь вызволить наши деньги.

Поездка через весь континент была для меня подлинным отдыхом. В Нью-Йорке мы решили остановиться на неделю. Я уже готовился как можно приятнее провести это время, когда позвонил мой адвокат Чарльз Шварц. Он сообщил, что какой-то бывший работник «Юнайтед артистс» предъявил компании иск в несколько миллионов долларов.

— Это всего лишь подвох, чтобы насолить вам, Чарли; но я советую сделать так, чтобы они не могли вручить вам повестку в суд, иначе придется вам отложить свой отдых!..

Пришлось на четыре оставшиеся дня добровольно заточить себя в комнате отеля и отказаться от прогулок по Нью-Йорку с Уной и детьми. Но я все-таки решил показать прессе «Огни рампы», будь что будет!

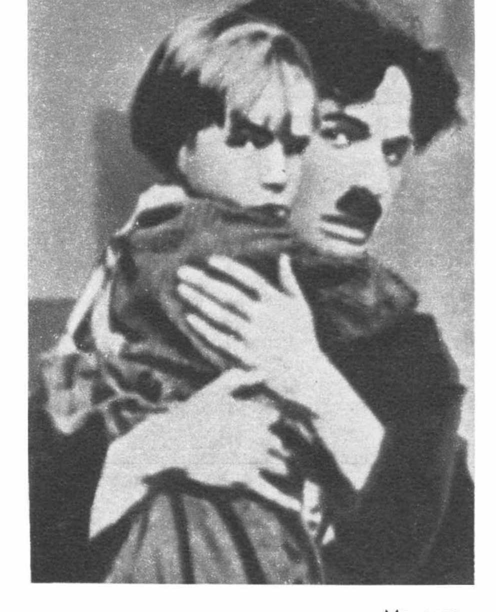
Мой сотрудник по связи с прессой Крокер устроил завтрак для сотрудников журналов «Тайм» и «Лайф»... Помещение редакции с голыми оштукатуренными стенами очень гармонировало с ледяной атмосферой, царившей на завтраке. Я сидел и в поте лица старался быть любезным и остроумным, а передо мной была шеренга важничающих, твердолобых, копеечных репортеров. Угощение тоже было под стать атмосфере: безвкусные холодные цыплята под каким-то бледным крахмалистым соусом. Ни мое личное

Продолжение. См. «Огонек» №№ 50—52, 1964 г., № 1, 1965 г.

[1] 1952 год.









КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМОВ ЧАРЛИ ЧАПЛИНА: «Солнечная сторона».



«Малыш».



«Праздный класс».

присутствие, ни попытки мои быть обаятельным — ничего не помогло. «Тайм» и «Лайф» безжалостно разругали «Огни рампы».

Такая же недоброжелательность явно чувствовалась и в кинотеатре на предварительном показе фильма для прессы. Но потом я был приятно удивлен: крупнейшие газеты поместили довольно объективные рецензии.

* * *

Я поднялся на борт «Куин Элизабет» в пять утра, в романтичный час. Но для этого была довольно пошлая причина: мне надо было уехать как можно незаметнее, уклонившись от вручения злополучной повестки. Мой адвокат прямо посоветовал: тайком пробраться на пароход, запереться в каюте и не появляться на палубе, пока лоцман не покинет судна. Научившись за последние десять лет ожидать худшего, я повиновался.

Накануне я предвкушал, как поднимусь на верхнюю палубу с семьей, как буду наслаждаться волнующими минутами выхода корабля в открытое море — в новую жизнь! Вместо этого я позорно сижу взаперти в каюте и украдкой выглядываю в иллюминатор.

Стук в дверь.

— Это я! — говорит Уна.

Я отворил ей.

— Джим Эйги приехал проводить нас. Он стоит на пирсе. Я крикнула ему, что ты прячешься и помашешь ему из иллюминатора.

Я увидел Джима. Он стоял в стороне от толпы, освещенный ярким солнцем. Я просунул руку в иллюминатор и стал махать шляпой.

— Нет, он не видит тебя,— сказала Уна.

Джим больше никогда меня не увидел... Спустя два года он скончался от сердечного приступа.

Наконец лоцман покинул судно. Я отпер дверь и вышел на палубу — вышел с ощущением свободы.

Я смотрел на раскинувшиеся во весь горизонт, освещенные солнцем громады нью-йоркских небоскребов, сейчас уже далеких и безобидных; они уходили все дальше и с каждой минутой становились более легкими, воздушными и красивыми... По мере того, как все это отступало, меня охватывало странное чувство: словно весь огромный континент тает в туманной дымке...

...Я чувствовал себя совершенно другим человеком. Я уже не был ни легендарным героем мира кино, ни мишенью для злобных нападок, а просто отцом семейства, едущим отдыхать вместе с женой и детьми. На верхней палубе дети увлеченно играли, а мы с Уной сидели в плетеных креслах. И на меня снизошло ощущение подлинного счастья, слегка окрашенного печалью...

Наутро за завтраком в ресторане царило веселье. Среди наших гостей был пианист Артур Рубинштейн. Но в самый разгар дружеской беседы моему помощнику Гарри Крокеру подали каблограмму. Он уже собирался, не читая, сунуть ее в карман, но принесший ее человек сказал:

— От вас ждут ответа по радио.

Крокер пробежал глазами текст, и лицо его омрачилось. Он извинился и вышел.

После завтрака он позвал меня в каюту и прочел каблограмму. Она гласила, что мне собираются запретить обратный въезд в Америку; чтобы вернуться туда, я должен буду держать ответ перед следственным отделом Управления иммиграции, которое намерено обвинить меня в политической неблагонадежности и моральной нечистоплотности. Передавшее эти сведения агентство Юнайтед Пресс тут же запрашивало, каковы будут мои комментарии.

Каждый нерв во мне был напряжен до предела. Вернусь я или не вернусь в эту злополучную страну — не в этом было для меня главное. Мне хотелось ответить им: чем скорее я избавлюсь от вашей пропитанной ненавистью атмосферы, тем лучше; я по горло сыт истинно американскими издевательствами и вашей «моральной» напыщенностью; и вообще все это мне чертовски надоело!

Однако в Соединенных Штатах находилось все мое состояние, и я опасался, что там найдут повод, чтобы его конфисковать,— теперь я вполне мог ожидать, что там не будут слишком разборчивы в средствах... И вот вместо того, что мне действительно хотелось сказать им, я составил пышное заявление в том смысле, что я вернусь и отвечу на все обвинения, что имеющееся у меня разрешение на обратный въезд — не клочок бумаги, а документ, выданный мне правительством США, и прочее, и прочее в том же духе...

Ни о каком отдыхе не приходилось уже и думать. Радиограммы от газет всего мира требовали от меня все новых заявлений. В Шербурге, первой нашей остановке перед Саутхэмптоном, больше сотни европейских газетчиков сели на пароход и осаждали меня расспросами. Мы устроили для них беседу после завтрака в буфете. Они отнеслись ко мне с сочувствием; но все-таки это было тяжелым испытанием, оно нагнало на меня еще бóльшую тоску и окончательно измучило...

* * *

Снова Лондон. Снова вокзал Ватерлоо... И опять толпы почитателей, таких же преданных и восторженных, как всегда. Они машут руками, аплодируют. «Задай им жару, Чарли!» — кричит кто-то. Этот сердечный прием нас очень ободрил...

Когда у нас с Уной выдался наконец час, свободный от посетителей, мы подошли к окну одной из наших комнат на пятом этаже отеля «Савой»... Я незаметно наблюдал за Уной, которая вся погрузилась в созерцание Лондона. Лицо у нее было напряженное, взволнованное, она выглядела моложе своих двадцати семи лет. С тех пор как мы поженились, она вместе со мной прошла через многие испытания. И вот теперь, когда она, не сводя глаз, смотрела на Лондон, освещенный лучами солнца, я впервые увидел в ее черных волосах несколько серебристых нитей. Но я не произнес ни слова.

— Мне нравится Лондон,— услышал я ее спокойный голос.

В эту минуту я почувствовал себя рабски преданным ей...

Перед нами возникло много сложных вопросов, и первый из них — как извлечь наши деньги, находящиеся в Соединенных Штатах. Видимо, Уне надо было лететь в Калифорнию и забрать все, что лежало в моем сейфе в банке. Поездка ее заняла десять дней. Вернувшись, она подробно обо всем мне рассказала. В банке служащий пристально изучал ее подпись, вглядывался в лицо, потом вышел и долго совещался с кем-то, должно быть, с директором. Уна немало переволновалась, пока они наконец не открыли наш сейф...

Друзья не раз спрашивали меня, чем я вызвал такое враждебное отношение к себе в Америке. Видимо, самым страшным грехом моим было — и остается до сих пор — то, что я человек, не склонный следовать предписаниям. Хотя сам я не коммунист, я всегда отказывался участвовать в разжигании ненависти к коммунистам. Это именно и задело там многих, в том числе Американский легион... Когда члены этой организации переступают за рамки предоставленных им прав и начинают под маской патриотизма пускать в ход силу и топтать права других, они разрушают основы собственного государственного устройства. Такие «сверхпатриоты» могут стать зародышем превращения Америки в фашистское государство.

Во-вторых, я отрицательно относился к комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Начать с того, что «антиамериканская деятельность» — бесчестная формула, достаточно гибкая для того, чтобы накинуть петлю на шею любого американского гражданина и заставить его замолчать, если его частное мнение расходится с официальным.

В-третьих, живя в Америке, я не делал попыток стать американским гражданином. Но ведь много американцев живет в Англии, они зарабатывают себе здесь на жизнь, даже не думая стать британскими подданными, и англичан это нисколько не волнует...

Я даю эти объяснения вовсе не потому, что собираюсь в чем-то оправдываться. Когда я начинал писать эту книгу, я задавал себе вопрос: что побудило меня к этому? Причин много, но они ничего общего не имеют с желанием в чем-то оправдаться. Обдумывая положение, в котором я очутился в Америке, я определил бы его так: в политической обстановке, создаваемой мощными кли-

ками и «невидимыми правительствами», я стал объектом недоброжелательства для многих и в результате, что особенно прискорбно, потерял любовь американской публики...

* * *

Премьера «Огней рампы» была назначена в театре «Одеон» на Лестер-сквер. Меня беспокоило, как примут картину: ведь она не была обычной «чаплинской комедией»... Время отдалило меня от нее, и я уже мог относиться к ней объективно. Но, должен признаться, фильм растрогал меня. Нет, это не самовлюбленность: я способен восхищаться одними эпизодами в моих фильмах и не любить другие. Как бы то ни было, я не плакал, хотя один бесцеремонный репортер утверждал обратное. Но даже если я и плакал, что из того? Если автор сам не воспринимает своего творения чувством, может ли он ожидать этого от публики? Откровенно говоря, я люблю мои комедии больше, чем зрители...

Хотя отклики в печати на премьеру были прохладными, а в Америке фильму был объявлен бойкот, «Огни рампы» прошли хорошо и дали более высокие сборы, чем любая моя картина.

Перед отъездом из Лондона в Париж мы с Уной были приглашены лордом Стрэболджи на обед, устроенный в палате лордов. Я сидел рядом с Гербертом Моррисоном и удивился, услышав, что он, лейбористский лидер, поддерживает политику атомного вооружения. Я сказал ему, что, сколько бы мы ни увеличивали наши запасы атомного оружия, Англия всегда останется уязвимой мишенью; она маленький остров, и возмездие будет слабым утешением после того, как мы превратимся в пепел. Я выразил убеждение, что единственной трезвой стратегией обороны Англии был бы ее абсолютный нейтралитет. Но мои взгляды никак не устраивали мистера Моррисона.

Меня вообще удивило, как много интеллигентных людей высказывалось за атомное вооружение. В другом месте я встретился с лордом Солсбэри; он держался того же мнения, что и Моррисон. Я и ему заявил, что испытываю отвращение к атомному оружию, и увидел, что мои слова не понравились его светлости...

Карлейль говорил, что спасение миру принесут мыслящие люди. Теперь человечество расщепило атом, но оказалось припертым к стене. Это вынуждает людей серьезно задуматься над тем, что остались только две возможности: либо самоуничтожение, либо самообуздание. Стремительный бег науки торопит этот выбор. Такова реальность, и я верю, что в конце концов любовь к людям одержит верх и добрая воля человечества восторжествует...

* * *

За короткое время, которое прошло после отъезда из Америки, наша жизнь стала совсем иной. В Париже и в Риме меня встречали чуть ли не как героя-победителя... В столице Франции премьера «Огней рампы» собрала отборную аудиторию. В театре «Комеди Франсэз» в честь мою и Уны был дан торжественный спектакль — «Дон Жуан» Мольера. Играли самые выдающиеся актеры Франции. В этот вечер в Пале-Рояль были пущены и освещены фонтаны, нас с Уной встречали студенты театральной школы при «Комеди Франсэз» в костюмах XVIII века, с канделябрами в руках...

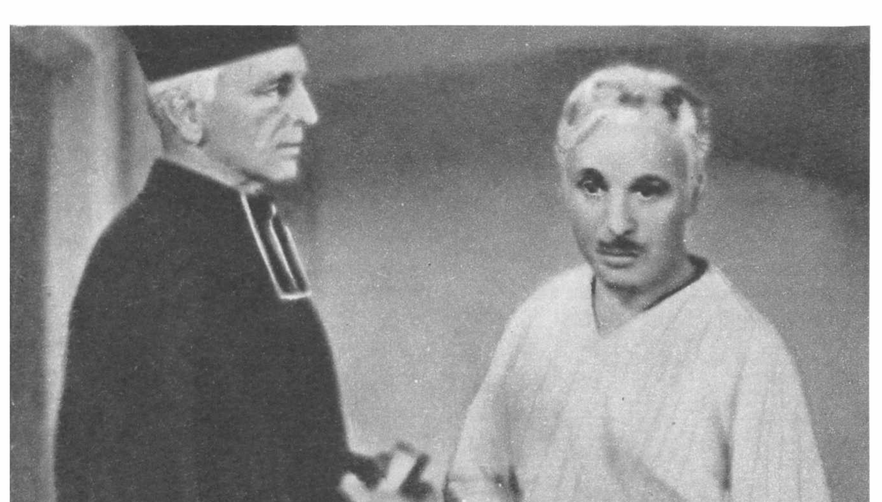
В Риме нам был оказан такой же прием... Но во время просмотра «Огней рампы» произошел забавный инцидент. Министр изящных искусств предложил мне пройти в театр через служебный вход, чтобы избежать встречи с толпой, заполнившей улицу. Предложение министра показалось мне странным, и я ответил, что если люди терпеливо ждут возле театра, желая меня увидеть, мне следует выразить свою признательность тем, что я пройду через главный вход и по крайней мере покажусь им.

Когда мы подъехали в закрытой машине, толпа оказалась оцепленной на дальнем конце улицы — слишком далеко, на мой взгляд. Я вышел из машины и, приняв как можно более изящный и обаятельный вид, двинулся в ярком свете прожекторов по середине улицы в сторону толпы, широко улыбаясь и воздевая вверх руки на манер генерала де Голля. И вдруг... шквал кочанов капусты и помидоров пронесся мимо меня. Я не мог понять, что это означает, пока не услышал стон шедшего вслед за мной итальянского друга и переводчика.

— Подумать только, что такое может произойти в Италии! — воскликнул он.

В меня ничего не попало, и мы поспешно прошли в театр. Комизм положения настолько поразил меня, что я долго хохотал. Смеялись вместе со мной и мои итальянские друзья.

«Мсье Верду».



Потом мы узнали, что все это проделали молодые неофашисты. Должен сказать, что во всем этом не чувствовалось накала, просто этим молодчикам хотелось показать себя. Четверо из них были арестованы; они оказались подростками от четырнадцати до шестнадцати лет...

* * *

Еще до нашего отъезда из Парижа в Рим мне позвонил Луи Арагон, поэт и редактор «Леттр Франсэз», и спросил, не может ли он вместе с Пикассо и Сартром повидаться со мной. Я пригласил их пообедать. Так как они предпочитали встретиться в спокойной обстановке, мы обедали в моем номере в гостинице.

Когда о предстоящем обеде стало известно моему пресс-атташе Гарри Крокеру, его чуть не хватил удар.

— Эта встреча перечеркнет все то положительное, чего мы достигли после отъезда из Штатов! — неистовствовал он.

— Но послушайте, Гарри,— возразил я,— здесь не Соединенные Штаты; к тому же эти три человека — выдающиеся мастера литературы и искусства, с мировыми именами.

Я поостерегся сказать Гарри и не говорил вообще никому, что у меня уже созрело решение не возвращаться в Америку... Гарри стал уверять меня, что встреча с Арагоном, Пикассо и Сартром равносильна чуть ли не заговору с целью свержения западной демократии. Впрочем, несмотря на то, что все это его очень расстроило, Гарри приготовил свой альбом автографов с тем, чтобы улучить момент и попросить гостей запечатлеть в нем свои имена. Я его не пригласил на обед. Я сказал ему с самым серьезным видом, что попозже придет еще Сталин и какой бы то ни было шум в печати абсолютно нежелателен.

Я не очень был уверен, что наш вечер пройдет хорошо. Один Арагон говорил по-английски, а разговор через переводчика — это нечто вроде стрельбы по далекой мишени, когда ждешь без конца сообщения о попадании.

Арагон красив, у него правильные черты лица. У Пикассо чудаковатый, забавный вид, он скорее мог бы сойти за акробата или клоуна, чем за художника. Внешность Сартра описать труднее, но его округлое лицо оставляет впечатление одухотворенности и чувствительности. По лицу его трудно догадаться, о чем он думает в данную минуту.

Позднее, когда наша вечеринка кончилась, Пикассо повел нас на левый берег Сены, в мастерскую, которой он еще пользовался. Когда мы вскарабкались вверх по лестнице, мы увидели надпись, видимо, вывешенную жильцами квартиры, расположенной ниже: «Здесь не студия Пикассо, выше этажом, пожалуйста!»

Мастерская, куда мы вошли, оказалась убогим чердаком, похожим на сарай,— даже Чаттертону[1] не понравилось бы умирать там. С гвоздя, вбитого в стропило, свешивалась электрическая лампа, бросавшая яркий свет на старую, расшатанную железную



«Великий диктатор».

кровать и полуразвалившуюся печь. На полу, прислоненные к стене, стояли запыленные картины. Пикассо вытащил одну — это оказался великолепный Сезанн. Он брал одно полотно за другим. Мы просмотрели, наверно, не меньше пятидесяти шедевров. У меня было искушение предложить круглую сумму за все — просто чтобы избавить его от «хлама».

Это горьковское «дно» оказалось воистину «золотым дном».

Окончание следует.

---

[1] Чаттертон Томас (1752—1770) — английский поэт, известный своеобразными стилизациями под средневековую поэзию; покончил с собой в крайней нищете.— **Прим. переводчика.**

Галина ШЕРГОВА

Твист со Стивом-Троглодитом

День за днем перед нашими глазами возникали цветные картины ливийских красочных пейзажей: желтый до горизонта размыв песков, над которыми, точно изнемогая от жары, стоят эвкалипты, сбрасывающие одежду коры; потом сероватая глинобитная деревня, а за ней пушистые, как сибирские коты, деревья; потом стога травы, плывущие на женских головах.

Поэтому, когда, сев в Триполи у телевизора, я почувствовала себя перемещенной в какой-то американский город, у меня мелькнула дать «местную Америку», как говорится, в быту.

Кроме, впрочем, одного вечера, когда мы с приятелем, гуляя по «американской» части Триполи, зашли в тамошний ресторанчик.

Найдя свободный столик, мы сели, рассматривая меню. В этот момент над залом прокатилось раскатистое «О-о-оу!» — и сидящие, как по команде, повернули головы к входной двери, где возникла статная фигура американского летчика. Надо сказать, зрелище было довольно живописное: высокий, великолепно сложенный блондин, он стоял, воздев руки, как бы для общего приветствия, и улыбался. За такую улыбку любая фирма, рекламирующая зубную пасту, могла бы дорого заплатить.

Задержавшись на минуту у входа, блондин двинулся по залу в ритме исполняемого джазом твиста, выделывая при этом коленями виртуозные пируэты. Еще минута — и танцующие остановились, расчистив место для этого своеобразного соло.

Эти идиоты зовут меня «Стив-Троглодит».

— Троглодит? — переспросила я извиняющимся голосом.

— Да! Это тут модно. Тут полным-полно троглодитов. В Ливии, я имею в виду. Такие симпатяги-троглодитики. Роют норку в земле и живут-поживают.

Стив не сообщил нам новости. Мы уже были поражены в свое время, когда прочли в проспекте осмотра страны: «Посещение пещер троглодитов и знакомство с их жизнью».

В соответствии с моими познаниями, почерпнутыми из учебников древнейшей истории, я знала, что троглодиты — это первобытные люди, пещерные жители. Поэтому знакомство с троглодитами в середине XX века было событием противоестественным.

Да, на ливийской земле века как бы сошлись в непостижимом единении. Здесь очаги доисторических времен соседствуют с телевизорными антеннами и «крайслерами» последних моделей, а арабвотных и набивали порой кладовые припасами на зиму.

Это наше путешествие сквозь время, когда, казалось, мы миновали пограничные кордоны цивилизации, снова всплыло в памяти во время разговора со Стивом. Но что общего было между этим командиром реактивной техники и теми, кто еще не дошел до изобретения алфавита? Почему «Стив-Троглодит»?

Через полчаса разговора мы установили, что дело было вовсе не в первобытной дремучести стивовского интеллекта. Отнюдь нет. Стив знал по именам всех звезд американского и европейского кинематографа, отлично ориентировался в достижениях современной техники и — более того! — даже читал хемингуэевское «И восходит солнце...». Словом, был парень как парень, такой «симпатяга-троглодитик»... И весь открытый для собеседника.

В Ливии Стив жил прекрасно — у себя в Нью-Джерси ему бы сроду так не жить. Во-первых, оклад



мысль: уж не мираж ли это или не следствие ли ливийской жары? Дело в том, что передачи вела студия американской военно-воздушной базы Уилус-филд и делала это так, будто Ливия была каким-то окраинным гектаром заокеанского государства.

Уилус-филд располагался в 20 километрах от Триполи. Эта тренировочная база, самая крупная в Африке, была своего рода государством в государстве. 14 тысяч американских военных, городок, магазины, спортивные комплексы, бары и все прочее. Да и сам триполийский порт порой выглядел пересаженным на Атлантику: он разворачивался мерцающим полукругом набережной, и сквозь вспышки малиноватых цветов олеандров проглядывали архитектурные нагромождения почти американского города. Гуляющие американские летчики дополняли впечатление. Однако въезд на базу Уилус-филд был строго запрещен, и мы, естественно, не могли повиПарень окончил танец под аплодисменты присутствующих и с поднятой рукой спортсмена-победителя совершил перед оркестровой площадкой «круг почета». От столиков, где сидели другие американские военные, понеслись крики:

— Браво, Трог! Давай, Трог!

Трог поискал глазами место и, подойдя к нашему столику, попросил разрешения сесть.

— Меня зовут Стив, — запросто представился он, улыбнувшись с подкупающей доверчивостью.

— Место свободно, прошу вас, мистер Трог, — сказал мой спутник.

В ответ на это компания за соседним столиком грохнула от смеха, а сам Стив расхохотался громче всех.

Заметив наше смущение, Стив дружелюбно тронул за рукав моего приятеля.

— Вы знаете, почему они заливаются? Это из-за «Трога». «Трог» — вовсе не моя фамилия.

ские деревни, сохранившие средневековый уклад жизни, лепятся рядом с мраморными колоннадами замерших городов времен римского владычества. История, гнавшая волны пришельцев по африканской земле, оставила на ней причудливые и порой трагические шрамы. И не только древняя история. Развалины итальянских солдатских казарм не менее красноречивы, чем руины древних поселений завоевателей: византийцев, вандалов или турков...

Однако вернемся к троглодитам. Красно-рыжие чаши ям были вырыты в земле, а туда вел длинный, похожий на траншею ход. В центре ямы в углублении поблескивало тусклое зеркальце воды — здесь обитатели пещер собирали дождевую влагу, а по влажным отвесам ямы, как мрачные глаза циклопов на лежбище, чернели круглые дыры. Это были ходы в пещеры. В каждой селилось по семье троглодитов. Там люди спали, ели, там держали житут — не то что дома. А потом — смотрите! — на базу Уилус-филд товары из Штатов поступают без пошлины. Для ливийцев — пошлина, а для американцев — ничего. Раньше Стив торговал сигаретами и всякой ерундой — покупал на базе и продавал на сторону, ливийцам, им это было все равно дешевле, чем в магазинах. А теперь наловчился и даже американские автомобили спускал богатым арабам. Стив работал в поте лица и все «тянул в норку». Он так и сказал — «в норку, как троглодиты». При этом Стив подмигнул и, ткнув большим пальцем в сторону соседнего столика, добавил:

— Поэтому они и присобачили мне этого «Трога». — И вдруг его лицо стало серьезным, даже, пожалуй, презрительным. — А кто тут из наших не троглодит? Одни тащат в норку нефтяные промыслы, другие — пачку сигарет, а какая разница...

Ну, положительно, он мне нравился, этот Трог. Он просто все

отлично понимал и, видимо, размышлял над тем, что происходило в Ливии.

Выше я уже говорила о том, что история этого государства Северной Африки — история чужеземных нашествий. Поэтому понятна та жажда развития экономической самостоятельности, которую испытывает Ливия после получения политической независимости. Отличной базой для развития национальной экономики могли стать огромные запасы нефти, открытые в ливийской пустыне. Но годы колониализма сделали свое дело: Ливия не обладала собственными специалистами, у нее не было и достаточного технического оборудования. И, пользуясь этим, на ливийскую нефть кинулись западные компании. Очень скоро младших партнеров отпихнули могучими плечами рокфеллеровская «Стандард ойл», «Оазис» и другие американские монополии. Американцы стали диктаторами на нефтяных промыслах и продиктовали ливийцам свои условия, по которым главные доходы потекли в банки Соединенных Штатов. И вот «Нью-Йорк таймс» ликующе известила американских подписчиков: «Доходы от нефти больше не являются сверкающим миражем пустыни!»

Сколько раз на желтых бескрайних плато, где свиваются в черный клубок асфальты, мы встречали в Ливии автоэшелоны с американским нефтеоборудованием. Тогда на коротких привалах нам довелось несколько раз поговорить с американскими нефтяниками, которые, зло проклиная пустыню, все твердили одно и то же: «Черт с ней, с Ливией, с этим пеклом,— перемучаемся несколько лет, зато заработаем на жизнь дома». Иногда они прибавляли: «У себя в Штатах я был бы таким же безработным, как тут какой-нибудь последний араб». Впрочем, все арабы были для новых пришельцев «последними». Им и платили меньше, чем американцам, если коголибо брали на черную работу.

Зато местные газеты, особенно те, где были влиятельны нефтяные компании, систематически печатали литературные портреты заокеанских повелителей буровых пустыни под пышным аншлагом: «Кто, где, когда, почему в ливийской нефтяной промышленности...».

И ни разу не было сказано, что где-нибудь, когда-нибудь, кто-нибудь из ливийцев удостоился подобной чести воспевания. А главное, не сообщалось, почему.

Однако этот вопрос не переставал занимать африканскую страну, и Ливия не прекращала упорной и напряженной борьбы за свои права: за повышение цен на нефть, за увеличение своей доли в доходах, за образование национальных компаний.

Впрочем, видимо, наш Стив-Троглодит не остался безучастен к сложным борениям страны, где жил так припеваючи. Стоило посмотреть на брезгливое выражение его лица, когда он бросил: «Все наши тут — троглодиты».

— А как вы думаете, почему это происходит?— осторожно спросил Стива мой спутник.

Стив откинулся на спинку стула, и глаза его, широко открытые и блестящие, как голубые эмалевые шарики, сверкнули весело и задорно.

— Думаю? Я думаю, как заработать. Думать о прочем я контракта не подписывал.

Потом он вдруг сделал жест, будто сгребал обеими руками что-то невидимое к центру стола. Мы нагнулись, и Стив заговорщицки прошептал:

— Тут у всех начинается клептомания. В Ливии это спокон веков было. Климат, что ли, такой. У них тут даже есть древний город— называется Клептомания. Видал, какое дело!

Сначала мы не поняли, о чем идет речь, но потом сообразили: Стив имел в виду развалины древнего города времен римских завоеваний — Лептис Магну или Лептис Манию, как произносят некоторые.

Этот город открылся мне в час заката, когда багровый шар солнца над морем точно изнутри высветил желтые камни развалин, сделав их живыми и розоватыми, как юное человеческое тело.

Странное ощущение порождал в пришельце этот город первых веков нашей эры. Он не был похож на музейные экспонаты, вроде Колизея в сегодняшнем Риме, где, кажется, на каждой колонне должен болтаться инвентарный номер. Лептис Магна с ее залами Форума, где на стенах искаженные человеческими страстями — враждой, ужасом, презрением, ликованием — лица мраморных медуз пристально следят за приходящими сюда, Лептис Магна, где розовые ступени бассейнов точно еще влажны от ступней патрицианок,— этот город рождает чувство живого, только что покинутого обиталища. Особенно неотступно ты думаешь об этом в порту — ведь там о гранитные причалы бьется то же самое море, тот же прибой, что и столетия назад.

Город еще не весь раскопан археологами — он проступает из-под песка сквозь травы, и пальмы, как античные колонны, сторожат его сон. Сейчас в Лептис Магне селится единственный горожанин — тишина...

Наедине с ней ты раздумываешь о бренности бытия и о медленном движении веков. Так было и со мной. И вдруг эту просторную, распростертую на камнях тишину разрезал исступленный вой: над Лептис Магной, над спящими веками проходил американский реактивный истребитель.

И вместе с этим ревом ворвались мысли о гибели, разрушении, о трагичности войн, которые превратили в развалины этот цветущий некогда город. И мне почему-то представилось, что и в Триполи вдруг может когда-нибудь прийти мертвая тишина забвения.

Кто знает, может быть, тот истребитель пилотировался самим Стивом-Троглодитом, который, конечно, и тогда не размышлял над тем, какую судьбу готовило его командование чужой арабской стране, превращая ее в стартовую площадку. Трога не занимала судьба всей Ливии, так же как и судьба маленькой ливийской деревушки, на которую рухнул во время учебных полетов американский самолет. И когда мы заговорили об этом инциденте, Стив хихикнул:

— А все равно они (он имел в виду арабов) загнутся с голоду. Вот пилота жаль — парень налетал только несколько сот долларов. Потанцуем?— кинул он без перехода.

Он выхватил какую-то девушку из соседней компании и пустился в пляс.

Украли Гойю



Жертвы сенсационных краж: работы Лукаса Кранаха-старшего, Гойи, Леже, Ван-Гога.

Недавно в одном из парижских научно-исследовательских институтов был большой день. Группа инженеров, специалистов по электронике, закончила работу над сложной системой, которую они назвали «Ловушка для воров». Система предназначена не для банков и не для ювелирных магазинов. Она будет установлена в крупнейших музеях и картинных галереях Франции. Впрочем, не только во Франции. Заявки поступили из многих стран Запада, где, словно эпидемия, распространяются кражи произведений искусства.

Вот краткая хроника лишь некоторых из преступлений. Из Лондонской национальной галереи был похищен знаменитый портрет герцога Веллингтонского работы Франсиско Гойи. Воры назначили цену: четыреста тысяч долларов. Скотланд-Ярд был поднят на ноги. Тщетно. В один из дней в полиции раздался звонок: неизвестный человек предлагал полицейским пойти на лондонский вокзал Виктории и получить там в камере хранения сданную им бумажную коробку. «Вы не хотели заплатить, возвращаю вам остатки портрета». Когда полицейские открыли коробку, в ней оказался пепел. Однако химический анализ показал, что сожгли не холст, а старую бумагу. Где находится знаменитая работа Гойи? Цела она или уничтожена? Это никому не известно.

Из частного музея парижского торговца произведениями искусства Эме Маэта было украдено шесть полотен. В их числе «Акробаты с колесом» Фернана Леже и «Греческая головка» Жоржа Брака. Похитители потребовали 50 тысяч долларов. «Это не составляет и половины стоимости картин,— рассказывал Маэт журналистам. — Но я вынужден был отказаться от сделки, так как страховое общество полностью возместило мне потери. Я посоветовал ворам позвонить в общество». Они сделали это. Но там тоже ответили: «Нет». Дело в том, что директор общества быстро скалькулировал: приобретение картин у похитителей подлежало обложению налогом на очень высокую сумму, и общество не получало никакой прибыли. «Через несколько дней,— сообщил Маэт,— мне снова позвонил незнакомец и сказал: «Сожалею, но я должен был сжечь картины».

Из городского музея искусств во Франкфурте-на-Майне украдено полотно Лукаса Кранаха-старшего «Венера». В одном из парижских музеев пропали шесть картин Сезанна. В Миланской картинной галерее исчезла картина работы неизвестного художника XVII столетия — жемчужина собрания. Ее вырезали из рамы бритвой. В числе картин, украденных из музеев и галерей Запада, работы Веронезе и Ван-Гога, Утрилло и Ренуара, старинные гравюры, статуэтки. Как сообщает западногерманский журнал «Дер шпигель», в списках полиции ФРГ свыше 10 тысяч похищенных произведений искусства. И эти списки каждую неделю пополняются. Как предполагают криминалисты, произведения, украденные из музеев, поступают в частные подпольные собрания.

Парижские инженеры разработали, как они считают, чрезвычайно эффективную систему охраны картин. Стоит только дотронуться до рамы, как вмонтированный в нее крошечный передатчик дает сигналы и включает телевизионную камеру. Охранник в своей комнате видит на экране телевизора, какая картина находится в опасности. Одновременно камера фотографирует вора, и при первом сигнале передатчика автоматически закрываются все двери.

Поможет это? Вероятно, да. Но, во-первых, изобретение парижан доступно не для всех музеев, а во-вторых, как показывает история ограбления крупнейших западных банков, ни одна из систем защиты не может считаться абсолютно надежной.

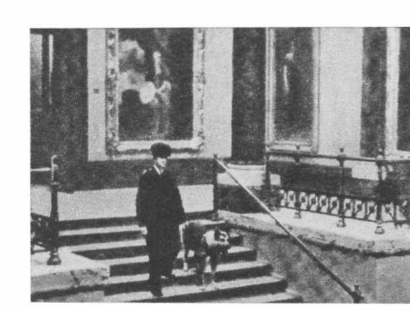
Философы и публицисты Запада видят во все учащающихся кражах произведений искусства одно из проявлений кризиса современной цивилизации. Писатель Эгон Ларсен, анализируя эту проблему, восклицает: «Сумасшедший мир, где кусок полотна внезапно получает миллионную стоимость и где искусство не является частью человеческой культуры, а становится предметом спекуляции и снобизма!»

Г. АНДРЕЕВ

«Монну Лизу» уже похищали. Чтобы этого не повторилось, во время демонстрации картины в Нью-Йорке ее охраняли солдаты с оружием в руках и детективы.



Охранник с ищейкой в Лондонской национальной галерее.



Алексей МЕДВЕДЕВ,
заслуженный тренер СССР

ДЕТАЛИ ВЕЛИКОГО СПОРА

Два чемпиона двух последних олимпиад — Юрий Власов и Леонид Жаботинский — на помосте в Токио.

Фото Л. Бородулина.

На XVIII Олимпийских играх не было недостатка в острых, волнующих поединках. Но я не ошибусь, пожалуй, если скажу, что даже среди них дуэль двух советских богатырей — Юрия Власова и Леонида Жаботинского — заняла совершенно исключительное место.

Если бы до старта кто-нибудь взял на себя труд опросить знатоков и любителей тяжелой атлетики, с тем чтобы выяснить, кому отдается предпочтение в предстоящем испытании силы и воли, не сомневаюсь, что Власов получил бы не менее семидесяти — восьмидесяти процентов голосов. Сенсационность победы Жаботинского подтверждает и тот факт, что сейчас повсюду только и слышишь: как это произошло? Как это могло случиться? А в самом деле, как? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте совершим путешествие в недалекое прошлое.

12 апреля 1958 года. В шахтерском городе Донецке открывается очередной чемпионат страны по штанге. В тяжелой весовой категории общее внимание приковано к тройке Медведев — Новиков — Власов. Два первых уже носят чуть грустное, попахивающее финишем слово «ветеран». Юрий молод, полон сил и желания победить.

Да, многим памятен мне тот чемпионат. Во-первых, я приехал в Донецк после Тегерана, где глубокой осенью 1957 года впервые завоевал звание чемпиона мира и первым из советских спортсменов набрал в сумме классического троеборья 500 килограммов. Во-вторых, вновь победил шедших у меня по пятам Власова и Новикова, попутно показав свой лучший результат — 505! А в-третьих, увидел Леонида...

Увидел на параде участников, а потом и на помосте. Он сразу произвел впечатление, и, оставшись наедине со своим личным дневником, я сделал запись, которую сейчас перечитываю не без удовольствия: «Очень понравился мне харьковчанин Леонид Жаботинский. Ему всего двадцать лет, он строен, высок — 189 сантиметров, весит 120 кг. Сегодня выполнил впервые норму мастера спорта. Конечно, четыреста сорок по нынешним временам немного, но если парень будет работать, то пойдет далеко».

Весной пятьдесят девятого я поближе познакомился с Леонидом. Это произошло на спартаковской базе в Тарасовке, где сборная страны вела подготовку к традиционным состязаниям на приз Москвы. Леня хотел попробовать установить новый всесоюзный рекорд в рывке, я в этом же движении собирался бить мировой, принадлежавший американцу Норберту Шеманскому. (Этот замысел мне удался.)

— Что ж, я тогда, пожалуй, обожду,— сказал он застенчиво.— Мне еще ждать можно.

В Тарасовке мы много беседовали, делились своими тайнами. Там я узнал, как пришел Жаботинский в спорт. Первыми соревнованиями, в которых он принял участие, было первенство харьковского областного совета общества «Торпедо». Они состоялись 18 декабря 1953 года. Тогда он выжал 50 килограммов, вырвал 50 и толкнул 70. Итого в сумме 170 килограммов. Правда, и собственный вес его был куда меньше, чем сейчас,— всего 82,6 килограмма.

В то время юноша большое внимание уделял общефизической подготовке. Его первый тренер Михаил Светличный умело включал в занятия бег, прыжки, метания, а зимой — лыжные прогулки. Много упражнялся Жаботинский с легкой штангой, причем главное внимание обращал на точность выполнения классических движений. Такая методика позволила ему стать отличным «технарем» и, несомненно, явилась фундаментом для будущих успехов.

Результаты Леонида росли медленно, даже очень медленно. А между тем стараниями замечательного советского штангиста Юрия Власова в тяжелой атлетике совершалась подлинная революция. В 1958 году Юрий набирает в сумме 500 килограммов; в 1960-м, в Риме, выигрывает золотую олимпийскую медаль с суммой 537,5 килограмма, а через год, на первенстве страны в Днепропетровске, добивается фантастического по тому времени результата — 550!

Цифра «550» гипнотизировала, привлекала к себе. И, естественно, никто тогда не обратил внимания, что Леонид Жаботинский, солдат из города Запорожья, третьим в стране набрал в сумме 500 килограммов.

Следующее наше свидание с Жаботинским произошло на чемпионате 1962 года в Тбилиси. Я еще был в числе участников, но мысли мои уже были целиком поглощены аспирантурой и работой над кандидатской диссертацией о современной тренировке. Разговорился с Леонидом, стал расспрашивать его о методе работы. И убедился, что он этот метод сам толком не представляет, ибо не имел никакой системы занятий, не вел учета нагрузкам. Я посоветовал ему прежде всего завести дневник и скрупулезно отмечать в нем каждый свой шаг. С этого разговора, по существу, и началось наше творческое содружество.

Через несколько месяцев мы встретились вновь. Теперь у него уже были записи, но, честно говоря, они только расстроили меня. Достаточно было даже беглого взгляда на них, чтобы определить: Леонид работает мало и, что особенно опасно, нерегулярно.

Конечно, ему, привыкшему заниматься только по настроению, было нелегко ломать себя. Но он ломал. Работал все упорней, все строже следил за собой.

В конце 1962 года он впервые выехал со сборной на чемпионат мира в Будапешт. Как это помогло ему! Хотя сам Леонид был запасным, он понюхал порох настоящего сражения. И когда мы возвращались домой, в самолете, перекрывая шум двигателей, он сказал мне:

— Да, Алексей Сидорович, надо трудиться серьезно.

И мы продолжали трудиться. Я уже говорил, что техникой он овладел с первых шагов, и теперь главное состояло в безусловном познании особенностей его организма, в правильной дозировке нагрузок. Тут и пригодились его дневники, которые со времени нашего первого разговора он вел безупречно. Дневники помогли нам увидеть хорошее, выбросить плохое и найти правильный путь вперед.

В 1963 году Власов и Жаботинский встречались дважды. На Спартакиаде народов СССР Леонид набрал в сумме 530 килограммов против 545 у Юрия, к тому же впервые за свою жизнь Леонид стал обладателем мирового рекорда в рывке — 165 килограммов. Прежнее достижение Норберта Шеманского было превышено на килограмм.

Через несколько месяцев предстоял очередной чемпионат мира, и мы уже стали питать, честно говоря, надежды на успех. Но Стокгольм не принес Леониду радости: он проиграл и Власову (557,5 килограмма) и Шеманскому (537,5 килограмма), оставшись на третьем месте (527,5 килограмма). Правда, и здесь он поднял потолок мирового рекорда в рывке до 167 килограммов, но сделал это в дополнительном подходе, и результат, конечно, не попал в сумму.

Вернувшись домой, мы стали анализировать причину неудачи. Конечно, много значило, что Леонид дебютировал на международной арене и, естественно, очень волновался. Это было первое, но далеко не главное объяснение. Главная ошибка заключалась в том, что, готовясь к Стокгольму, он настраивался на первое место, а не на результат. Увлекшись внешней стороной борьбы, Леонид лишился нужной сосредоточенности, стал допускать ошибки в технике.

Итак, Стокгольм не принес нам радостей, но, несомненно, стал прекрасной школой, помог увидеть себя. Недаром на банкете в честь закрытия чемпионата Леонид шепнул мне:

— Алексей Сидорович, ведь Стокгольм не единственный город на свете. Есть еще и Токио.

Признаться, эта шутка меня обрадовала. Я понял, что здесь, на чемпионате, Леонид впервые в своей жизни понял, что может достичь таких же вершин, как Власов.

И, вернувшись на родину, Жаботинский немедленно начал готовиться, а в марте 1964 года страну и мир облетело сенсационное сообщение: Леонид Жаботинский отнял у Власова мировой рекорд, набрав еще невиданную сумму — 560!

Но это достижение продержалось недолго. Юрий Власов на первенстве Европы в июне возвращает рекорд себе — 562,5 килограмма. На этом соревновании Жаботинский не выступал. Выбор пал на Юрия Власова как чемпиона СССР и мира.

Обстановка накалялась. Все ждали очной встречи двух богатырей на предстоящем чемпионате страны. Но Юрий Власов не приехал в Киев. Что ж, его можно было понять: москвич устал, участвуя в двух крупнейших соревнованиях — первенстве Европы и турне по Франции, и в его отсут-



ствие Жаботинский впервые завоевал золотую медаль, набрав в сумме всего лишь 535 килограммов.

Газеты холодно прокомментировали этот результат. По тону выступлений печати чувствовалось: общее мнение таково, что шансы запорожца падают. Но мы с Жаботинским знали истинную цену происходящему. Во-первых, Леонид полтора месяца был занят сдачей экзаменов на пятом курсе пединститута. Во-вторых, в отсутствие главного соперника мы решили (на это никто не обратил внимания) попытаться вновь перекрыть рекорды Власова и опробовать те веса, которые необходимо будет штурмовать в Токио. И хотя в итоге нам не поддался ни один из рекордов, все же Леонид ощутил по-настоящему их тяжесть.

Теперь впереди было только Токио. Мы проанализировали нагрузки, предшествовавшие удачным и менее удачным соревнованиям. Повысили объем работы. Если, например, нагрузку, принятую Жаботинским за девять месяцев до Стокгольма, принять за сто процентов, то к Токио за этот же период она возросла до ста пятидесяти.

К Олимпийским играм мы нацелились на определенный результат — 575, рассчитывая к мартовскому рекорду Леонида прибавить полтора десятка килограммов. Это был смелый расчет, но мы верили в его реальность. И мысль о первом месте тоже выглядела реальной. Но только до тех пор, пока из Подольска не пришло сообщение, что Власов сделал 580!

Я никогда не забуду этот день, и Леонид, конечно, не забудет. Как спортсмены, мы были рады блестящему достижению товарища. Но в то же время, не станем скрывать, эта сумма нас потрясла. Ведь потолок мирового рекорда, и без того достаточно высокий, был сразу поднят на 17,5 килограмма.

Отчетливо помню: в ту ночь мы долго не могли уснуть. В темноте лагерной палатки (мы тогда отдыхали на Хортице) нет-нет да и раздавался тяжелый вздох Жаботинского и его искренне восхищенный голос:

— Вот это результат!

Таким образом, сумма Власова, огромная сама по себе, явилась еще и сильнейшим психологическим ударом. Она будоражила. И уже на следующее утро Леонид сам предложил мне:

— Давай-ка посмотрим, что мы еще можем выжать из меня.

Создавшееся положение казалось очень тяжелым. Власов побил все рекорды Жаботинского, теперь ни в одном движении у нас не было ощутимого преимущества. И это тоже ложилось тяжелым психологическим грузом на плечи спортсмена и его тренера...

А на земле Японии нас ждал еще один удар: 8 октября, ровно за десять дней до выступления, во время тренировки Жаботинский, выполняя рывок с небольшим весом, получил травму плеча. Теперь уже и победа над Норбертом Шеманским ставилась под сомнение, хотя никто об этом не говорил вслух.

Наконец наступил день соревнований. Едва проснувшись, Леонид сказал:

— Что же будет сегодня?

— Все нормально,—ответил я.— Наша бригада (кроме Жаботинского, я готовил к соревнованиям Вахонина и Плюкфельдера) пока целиком золотая, и ты не нарушишь этой традиции.

Взвешивание было назначено на три часа, обед — на половину первого. Без четверти двенадцать я посоветовал Лене отдохнуть. Он приклеил на дверь своей комнаты объявление: «Внимание, не входить, готовлюсь к бою!»,— лег на правый бок и, как он потом рассказывал, провалился. Через полтора часа, когда я вошел в комнату, он все еще безмятежно спал на том же боку. «Нервы, как у космонавта»,— подумал я, и настроение вдруг резко поднялось.

Закончилось взвешивание: Жаботинский — 155 килограммов, Власов — 135, Шеманский — 120. Значит, у наших соперников важное преимущество: в случае равенства результата победа, как известно, присуждается более легкому.

Зал переполнен. Но теперь уже нас интересовала только штанга, только цифры, только борьба.

Жим. Сразу не ладится дело у Шеманского. Он начал со ста восьмидесяти, но взял вес только с третьей попытки. Леонид заканчивает на 187,5. Власов с него начинает, потом фиксирует 192,5 и просит установить на штангу 197,5. Это новый мировой рекорд! Юрий в отличном стиле фиксирует вес. Да, трудное начало для Жаботинского. Проиграть на старте 10 килограммов Власову — это могло бы вывести из равновесия любого. Но Леонид спокоен. Удивительно спокоен.

Начинается рывок. Как будет вести себя плечо?..

Леня начал со 160 и отлично вырвал вес. Заказывает вес Власов — 162,5. Тут следует сказать, что после Стокгольма Юрий Власов перешел на новый, более экономичный стиль — разножку — и очень волновался, как справится с ним. Волновался не зря: два подхода оказались бесплодными. В воздухе запахло нулем, опасным срывом. И тогда к своему грозному сопернику подошел Жаботинский, безупречно владеющий техникой разножки.

— Юра,— сказал он,— сначала протяни вес повыше, а потом уже «уходи» вниз под штангу... Не торопись...

Леонид идет на 167,5. Есть! Еще один подход — 172,5. Если до этого удавалось страховать плечо, то теперь нужно действовать смелее. Я говорю ему об этом. Жаботинский отлично вытягивает вес, сильно работает спиной и заводит штангу за голову несколько дальше, чем в первых подходах. И сразу чувствует резкую боль в плече, бросает снаряд за себя.

Итак, подводим итог: отыграно всего 5 килограммов. Но, как говорится, и на том спасибо.

Мы уходили в разминочную, и вдруг диктор объявляет, что Власов сделает дополнительный подход на побитие мирового рекорда. Я возвращаюсь на помост и вижу, как он отлично фиксирует 172,5. Власову в сумме это ничего не давало, он предпринял свой шаг как еще одну психологическую атаку. Он показал, что ведет решительную борьбу и не хочет уступать ни в одном движении, хочет, чтобы последнее слово оставалось за ним... Психолог победил в нем мудрого тактика. Во всяком случае, я считаю, что четвертый подход в рывке в данной ситуации был совершенно не нужен: слишком много физических и душевных сил отобрал он.

Начинался третий акт величественной эпопеи, разыгравшейся на токийском помосте. Зал притих. Всюду подсчитывают: Жаботинскому для победы надо отыграть 7,5 килограмма. Сможет ли он? Какой вес будет поднят в толчке?

Первый подход Леонида — 200 килограммов. Ровным светом загораются судейские лампочки. Отличная работа! Власов прекрасно толкает 205. Мы заказываем 212,5. Но перед нами Юрий в блестящем стиле, под гром аплодисментов выталкивает 210. Этот результат сразу же заставляет нас перестроиться. 212,5 уже ничего нам не дают, заказываем 217,5.

— На сколько пойдет Власов?— спрашивает секретарь соревнований. Тренер Юрия Сурен Петрович Багдасаров оставляет это в тайне.

Идут переговоры, идет время. Леня в коридоре подогревает себя ходьбой и легкими гимнастическими упражнениями. Этого недостаточно, конечно, для того, чтобы оставаться горячим в течение двадцати минут. Но разминочный зал далеко, и идти туда тоже нет смысла.

Наконец вызывают. Леня вышел к весу 217,5 недостаточно собранным, и старт оказался неудачным. Вытянув штангу выше колен, Жаботинский решил бросить ее, чтобы не терять лишних сил и сохранить себя для третьей попытки.

Этот неудачный подход многие восприняли как хитроумный тактический замысел, целью которого было усыпить бдительность Власова. Это не так. Надо быть слишком самонадеянным, если не безумцем, чтобы лишать себя попытки и оставлять для победы только один подход.

Ждем. И вдруг объявляют, что Юрий тоже идет на этот вес. И это было второй серьезной тактической ошибкой. Пойди Юрий на 215 — на тот вес, который он уже фиксировал,— и нам бы пришлось заказывать 222,5. Часто спрашивают: смог бы Леонид осилить его? Ход борьбы, как известно, не заставил нас отвечать на этот вопрос. Власов не взял 217,5, а Жаботинский легко толкнул его, и гром аплодисментов приветствовал рождение нового олимпийского чемпиона.

Победу Жаботинского иногда называют случайной. Нельзя победить случайно Власова, нельзя случайно набрать 572,5 килограмма. Огромный труд, воля, абсолютное уважение к сопернику и точное знание своих сил и сил противника привели Леонида Жаботинского к заслуженному успеху.

Меня часто спрашивают: что же будет дальше? Еще каких-нибудь десять лет тому назад даже 500 килограммов казались нам, советским спортсменам, далекой мечтой. А теперь мы говорим о том, что на повестку дня поставлен новый рубеж — 600! Причем это не теоретическое рассуждение. Мы знаем, что в мире есть два человека, два атлета, которые уже подошли к этому рубежу и не сегодня-завтра возьмут его штурмом. Два этих человека — замечательные советские богатыри, чемпион XVII Олимпийских игр Юрий Власов и чемпион XVIII олимпиады Леонид Жаботинский.



Ярослав **ГАШЕК**

Публикуемая юмореска входит в готовящийся к печати в Издательстве политической литературы сборник атеистических рассказов Ярослава Гашека «Страшная клятва».

Рассказ «Крестины» был напечатан в газете «Народни листы», 1903, № 303, 6. XI.

На русском языке рассказ публикуется впервые.

Крестины



Рисунки Е. Ведерникова.

Халупа Гробека стоит на отшибе. Растущие вокруг старые хмурые деревья как будто с состраданием поглядывают на нее, на деревянный загон, где летом содержатся овцы, и на притулившийся неподалеку полуразвалившийся хлев для зимовки скота. Смотрят деревья, размахивают своими ветвями, словно хотят сказать: «Когда же наконец ветер сметет все это и вместе со всеми обитателями? Смел бы по крайней мере хоть гробековских ребятишек, чтобы не кидали в нас камнями!»

Примерно так думал и Гробек, когда у него родился седьмой ребенок.

— Опять на одного больше... А халупа того и гляди развалится, хлев вот-вот рассыплется,— рассуждал он сам с собой, стоя перед своим жилищем.— Теперь-то уж все это рухнет. Новый хлопец тому поможет. Здоровый будет парень...

Где взять крестного?— размышлял он дальше, глядя с откоса вниз на рассыпанные по долине избы подлехничан.— Ну кто ко мне пойдет? Небось, каждый смотрит на меня как на вора. Что правда, то правда: овец ворую. Но ведь столько ребят... Чем больше ребят, тем больше нужно овец. Это уж такое дело.

Пойду я, например, к Ворецу, а он скажет: «Куда дел барана, что у меня украл?» Пойду, скажем, к Палеку — этот схватится за кнут: «Отдай моих овец, негодяй!» А если пойти к Ренчану?.. Тяжко, братцы! Я у него... Э, да чего там говорить! Лучше всего обратиться к Лунеку. Он тоже поворовывает, живет, как и я. Помоги, господи! Чего-нибудь уж принесет младенцу. Как же, иначе нельзя: крестный отец — почетный отец.

Приняв решение, Гробек подпоясался и спустился со склона вниз, к долине.

Вскоре он был уже в Подлехницах. Лунека нашел в корчме. Выпил с ним там несколько стопок водки, прослезился и, расстроенный, сообщил приятелю:

— Лунек, друг, народился у меня хлопец.

Затем, встав с грубой деревянной, кое-как сколоченной скамьи, обнял Лунека и, всхлипывая, прошептал ему на ухо:

— Дружище, прошу тебя быть крестным.

Удивленный Лунек выдавил из себя:

— Ладно.

И Гробек облобызал его:

— Крестный отец — почетный отец!

После этого водка лилась уже сама собой, и замызганная краснощекая корчмарка еле успевала ставить на стол все новые и новые склянки.

Расходясь поздно ночью, оба были так растроганы, что разрыдались в ночной тишине, не будучи в состоянии решить, кто к кому должен идти за крестного: Гробек к Лунеку или Лунек к Гробеку.

Тяжко было Гробеку добираться до своей хаты. Ежеминутно запутывался он в сети трав; спотыкаясь, брел через просеку, натыкался на сосны, падал на кусты ежевики, но домой все-таки попал. Привычка есть привычка.

Дома в свете тлеющих в жаровне углей он вдруг увидел вместо одного новорожденного целых пять. В ужасе выбежал он вон и начал кричать в темноту, что, когда вечером выходил из дому, у него был всего один новорожденный, а сейчас их пятеро.

Гробек громко вопил и причитал. Вернувшись в избу, он обнаружил уже... шестерых.

Наутро все село умирало со смеху. Староста божился всеми святыми, что около полуночи он вдруг услышал странные звуки, доносящиеся от халупы Гробека, как будто кто-то рыдает, и что он явственно разобрал, как Гробек сначала кричал, что приключилось диво-дивное: у него родилось сразу пять новых ребят, а через минуту раздался еще более отчаянный вопль. Это Гробек причитал уже над тремя парами младенцев.

И глядите-ка: Гробек и сам тут как тут, на майдане. Идет, кожух на плечах, расстроенный, вздыхает.

— Что там у тебя случилось?— спросил староста, моющийся по случаю воскресного дня в ручейке, который низвергался в долину с гор и пробегал через всю деревню.

— Староста, несу злую весть: кто-то украл у меня ночью лучшего барана. Он был весь черный, как земля вокруг костра, чернехонький, только на шее белое пятнышко. Король баран! Я его недавно...— Гробек прикусил язык.— Я его недавно... купил на базаре в Кежмароке. Дорога была долгая, тяжкая. Купил и вчера еще думаю себе: «Вишь, какие дела, старый Юро, у тебя теперь новый парень и новый баран. Парень вырастет — и баран вырастет. Барана парень сможет продать, коли понадобится. А пока что он нам послужит. Себя оправдает. Все на одного больше».

А баран-то нынче и пропал! Иду это я утром в хлев, а там одни только белые шубы.

Гробек вытер глаза засаленным рукавом своего кожуха.

Староста усмехнулся.

— Видишь, Гробек, и ты чужих потаскиваешь! А сейчас у тебя самого утащили. Вор у вора дубинку украл!

Староста умылся и зашагал к дому. Гробек поплелся к корчме, не переставая дорогой причитать.

* * *

Прошло несколько дней. Фарарж[1] окрестил гробековского младенца. Крещение обошлось без каких бы то ни было неприятных происшествий. Только празднично разодетый крестный Лунек целых семь раз погружал молодого Гробека в огромную купель, так что младенец в знак протеста начал даже брызгаться, чем доставил немалое удовольствие присутствующим подлехничанам; в тишине костела раздались их одобрительные восклицания.

— Вот это да! Это будет парень! Гляди, как трепыхается! Чертенок маленький!

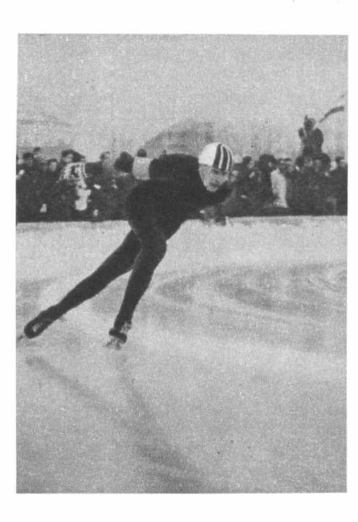
Когда Лунек надумал повторить эту процедуру восьмой раз, пан фарарж дал ему по уху.

На этом крещение было закончено, и началось празднование.

При крестинах, как и при свадьбах, в Подлехницах обычно стреляют из старых пистолетов. На этот раз стреляли по направлению

[1] Фарарж — приходский священник.

БЫСТРОГО ВАМ ЛЬДА,



Пятнадцать лет назад наши скороходы-многоборцы мечтали о том, чтобы разменять 200 очков. Для этого надо было показать высокие результаты на всех четырех дистанциях, образующих многоборье. Но в то время у нас еще не было конькобежцев, способных одинаково уверенно чувствовать себя в беге на 500 и 5 000, 1 500 и 10 000 метров.

Теперь у нас около трехсот скороходов набирают меньше 200 очков. Сейчас речь идет о том, чтобы добиваться в многоборье меньше 180 очков. И, стремясь к этой фантастической цели, скандинавы, наши главные соперники, резко изменили систему тренировок, стремительно двинулись вперед. Для нас этот рывок вперед был полнейшей неожиданностью. На чемпионате мира 1963 года в японском городе Каруидзаве советские скороходы потерпели фиаско — сильнейшему из них пришлось утешиться одиннадцатым местом,— зато норвежцы в списке десяти лучших мира заняли восемь мест. К тому же была нарушена странная игра в чет и нечет, которая процветала последние десять лет. Игра эта с удивительной последовательностью выдвигала вперед наших скороходов лишь в четные годы. Судите сами:

1954 год. Саппоро — Б. Шилков. СССР. 1955 год. Москва — С. Эрикссон. Швеция. 1956 год. Осло — О. Гончаренко. СССР. 1957 год. Эстерсунд — К. Юханнесен. Норвегия. 1958 год. Хельсинки — О. Гончаренко. СССР. 1959 год. Осло — Ю. Ярвинен. Финляндия. 1960 год. Давос — Б. Стенин. СССР. 1961 год. Гетеборг — Х. ван дер Грифт. Голландия. 1962 год. Москва — В. Косичкин. СССР. 1963 год. Каруидзава — Й. Нильссон. Швеция.

Но прошлой зимой произошла осечка: несмотря на четный год, мировое первенство завоевал норвежец К. Юханнесен, хотя неоспоримые шансы занять первое место имел таллинский студент Антс Антсон. Увы, на полукилометровой дистанции он упал и занял пятнадцатое место.

Зато по итогам всего прошлого сезона в списке десяти лучших мира оказались пять советских спортсменов, причем Антсону принадлежит лучший результат — 180,842 очка.

Да, 1964 год по сравнению с предыдущим принес нашим скороходам обнадеживающие перемены: не только пять мест в списках десяти лучших, но и золотая и серебряная медали на чемпионате Европы. И все же для ликования не было никаких оснований. Все дело в том, что вместо четырех медалей на Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо и трех наград в Скво Вэлли мы на IX Белой олимпиаде в Инсбруке завоевали всего лишь одну медаль (Антс Антсон — 1 500 метров). И вот едва в конце марта растаяли ледяные дорожки, как тренеры кликнули клич: «На старт нового сезона становись!»

Весной и летом конькобежцы пе-

к гробековской халупе, перед которой красовался бочонок водки.

Распознав его, гости запели:

— Дай мне бог здоровья, воззри отчим глазом,
стопочки четыре опрокину разом.
Горилочка — уйу! — в животе играет.
Если я помру, кто меня вспомянет?

Положенный на траву младенец кричал изо всех сил. Кругом все пили. Каждый подходил к новорожденному со стопкой и, наклонясь над ним, шептал: «Благослови, господи, благослови, господи»,— затем одним духом опоражнивал склянку, и снова раздавалось пение:

— Умру, умру, не буду жить,
кто ж горилку будет пить?
Есть девчонка у меня,
пьет горилочку, как я.

Старая Вавруша хриплым голосом засипела:

— Девчоночка, девчоночка,
моей будешь, моей...

Некоторые гости, что постарше, уже спали, истомленные питьем, когда упившийся крестный Лунек прошептал Гробеку:

— Пойду, братец, за подарком!

Ушел... Прошло немало времени, прежде чем на откосе снова раздался его голос, оповещающий о прибытии. Он тащил за собой что-то черное. Это «что-то» неистово упиралось.

Несколько раз споткнувшись, Лунек приблизился наконец к собравшимся горцам. Тут вдруг Гробек завопил:

— Лунек! Ты вор, негодяй!

И уж Лунек лежит на земле, а на нем восседает Гробек, вцепившись ему одной рукой в горло, а другой удерживая поводок, обвязанный вокруг шеи приведенного Лунеком животного.

Это черное животное и был тот самый гробековский баран, на пропажу которого Гробек сетовал старосте. Весь черный, а на шее белое пятнышко.

Крестный Лунек был нещадно бит...

Наутро, когда староста допрашивал его, как он мог так ошибиться, Лунек, пригорюнившись, ответил:

— Так их у меня много, черныхто баранов! Кто их там разберет!

Воистину: «Крестный отец — почетный отец!»

Перевела с чешского
С. ВОСТОКОВА.



ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

СЛЕДУЮЩАЯ МОДА?

«Романтично и очень женственно. Большая шляпа живописно подчеркивает линии лица»,— так специалисты по вопросам моды отзываются о туалетах, специально созданных для киноактрисы Одри Хэпберн, снявшейся в фильме «Моя прекрасная леди». Многие считают, что костюмы из этого фильма зададут направление моде следующих сезонов.

СУДНО НА ВОЛОСКЕ

В Венесуэле второй по величине порт носит название Пуэрто Кавельо, что означает в переводе «Волосяная гавань». Такое название этой пристани дали мореплаватели. В этой части Карибского моря вода так спокойна, что, как уверяют, судно можно удержать у причала, привязав его обычным волосом.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ПОЕСТЬ



В США продаются пояса, к которым прикреплено около двадцати звонков. Когда обладатель такого пояса съест больше обычного и пояс затянется, звонки начинают напоминать хозяину, что пора умерить аппетит.

КАТАЛОГ СЫЩИКОВ



Недавно в Нью-Йорке Майкл Ли издал книгу «Именной список сыщиков», в которой собраны фотографии шести тысяч полицейских и сыщиков с их подробными биографиями. Особое внимание в книге уделено образу жизни полицейских, их умственному развитию, величине заработной платы и их слабостям. Книга эта имела исключительный успех. Она была сразу же распродана.

СПАТЬ, СПАТЬ, СПАТЬ...



Японская радиотехническая промышленность выбросила на мировой рынок еще одну новинку. Как утверждает реклама, «машина для сна», созданная фирмой «Мадзима», — лучшее средство против бессонницы. Воспроизводя шум падающих капель дождя, новый аппарат убаюкивает страдающего бессонницей человека за несколько минут.

СКОРОХОДЫ!

ревоплощались то в велосипедистов, то в штангистов, то в пловцов, то в волейболистов, то в гребцов. Теперь они снова на ледяной дорожке. Еще в декабре состоялись первые международные соревнования, и Антс Антсон, выступив в Осло, признан норвежцами лучшим скороходом 1964 года, что и подтверждено присужденным ему призом имени Оскара Матисена. А на первых соревнованиях в Свердловске лучших результатов добился Эдуард Матусевич, оставив Антсона на втором месте.

Но как же развернутся события в наступившем 1965 году? Кто имеет шансы стать чемпионом мира и Европы? Будут ли свергнуты мировые рекорды? Как будет выглядеть сборная команда СССР? Где состоятся наиболее ответственные соревнования?

Местом встречи скороходов Европы выбран Гетеборг (январь). Чемпионат мира среди женщин пройдет в феврале в финском городе Оулу и среди мужчин — в Осло. После этого в марте в Горьком соберутся все наши сильнейшие мастера. Здесь предстоит чемпионат СССР. Перечислять другие встречи нет нужды. Замечу лишь, что их будет достаточно.

Больше всего надежд связано у нас с именами студента из Таллина Антса Антсона и инженера из Минска абсолютного чемпиона СССР Эдуарда Матусевича. Попрежнему грозную силу представляет лучший стайер страны чемпион VIII Олимпийских игр москвич Виктор Косичкин. Наделен всеми задатками первоклассного скорохода и его земляк Валерий Каплан, но ему еще не хватает выдержки, тактической зрелости.

Пополнилась сборная СССР молодыми спортсменами. Валерий Волчков из Новосибирска уже известен как стайер. Но вот имена 19-летнего курсанта Архангельского мореходного училища Олега Семакова, 18-летнего слесаря из Омска Александра Керченко, 20-летнего студента из Свердловска Виктора Кузовкова пока известны только узкому кругу специалистов.

Мы еще не располагаем сколько-нибудь основательными сведениями о готовности наших традиционных соперников: норвежцев, голландцев, финнов, шведов. Не нужно быть особенно проницательным, чтобы понять: зарубежные скороходы, и прежде всего норвежцы, настойчиво продолжали искать путь к новым вершинам спортивного мастерства. Так, например, недавно норвежец Пер-Ивар Му пробежал 5 000 метров за 8 минут 1,8 секунды — хороший результат для начала сезона!

Кто придет на смену Юханнесену? То ли Пер-Ивар Му, то ли Фред Майер, а возможно, сверкнет и новый талант, которыми так богата конькобежная Норвегия. Голландец Руди Либрехтс собирается всерьез поспорить за чемпионские титулы, и к этому у него есть основания. Полон желания вернуть себе звание чемпиона мира швед Йонни Нильссон.

Но и наши лучшие скороходы, несмотря на то, что год будет нечетным, полны решимости завоевать мировое первенство. Шансы на это у них достаточно велики, что и было доказано на соревнованиях в норвежском городе Гьевик. Там Эдуард Матусевич выиграл три дистанции и улучшил мировые достижения для равнинных катков на дистанции 1 500 метров — 2 минуты 7,3 секунды и в многоборье — 179,193 очка. И снова вторым был Антс Антсон.

Я ничего не сказал о женщинах-конькобежцах. На протяжении долгих лет наши спортсменки на чемпионатах мира не уступали ни одного призового места. В шутку говорят, что «распределение» медалей на чемпионатах мира — «внутреннее дело Советского Союза». И все же женская конькобежная команда СССР слабо пополняется молодыми — неприятный симптом.

Позади первые встречи. Пусть же ледяные дорожки на стадионах Оулу, Осло, Гетеборга станут для наших конькобежцев, как никогда, быстрыми.

Еф. РУБИН



ПЕС-ШУТНИК

Пес по кличке Леси, «звезда» многих голливудских фильмов, не лишен чувства юмора. Однажды Леси снимался со змеей в зубах. Когда съемка сцены была закончена, Леси незаметно подкрался к одной женщине и опустил змею к ней на колени. Леси во время предыдущих съемок заметил, что эта дама, помощник режиссера, страшно боится змей.



ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ НАЛОГ

В американском городе Де-Мойне одна хозяйка бара получила от финансового управления требование заплатить дополнительный налог в сумме 300 долларов. В решении о налоге сказано: «Ваш способ переноски стаканов и вообще обслуживания гостей является аттракционом и значительно увеличивает оборот кафе, где вы работаете. Поэтому мы вас причислили к категории артистов, а те платят более высокий налог».



ЧТО СКАЖЕТ ПОКОЙНИК?

Умерший в прошлом году владелец ночного ресторана в Сан-Франциско Суппль принадлежал одновременно к двум религиозным сектам. В оставленном завещании он распорядился отдать свое состояние той секте, которая обеспечит ему лучшее пребывание на том свете. Перед судом стоит нелегкая задача — связаться с покойным, чтобы получить от него соответствующую информацию. Процесс до сих пор не закончен.



МУЗЕЙ ПЕРЬЕВ

Датский фермер Хансен долгие годы занимался разведением домашней птицы. Его сын с пятилетнего возраста начал собирать птичьи перья и классифицировать их по цвету и величине. Со временем он стал известным экспертом в этой области и основал музей, в котором сейчас более 10 миллионов перьев птиц со всего мира.

ДИРИЖИРОВАНИЕ БРОВЯМИ

Известный американский дирижер Дин Диксон во время репетиции повредил правое плечо и руку. Дирижер с успехом провел весь третий концерт Бетховена, давая знаки бровями и глазами. После окончания концерта музыканты заявили, что вполне точно воспринимали гримасы дирижера.



РЕКОРД ДЕТСКОГО ШАРА

Девятилетняя итальянская девочка Марина Гранда из Милана запустила детский воздушный шарик, прикрепив к нему свой адрес. Недавно она получила письмо на польском языке из одного села близ Варшавы. Шар, запущенный Мариной, пролетел более 1 200 километров.

СОВРЕМЕННЫМ ВЗГЛЯДОМ

Недалеко от мастерской художницы-керамиста Олиты Аболинь находится детский сад. Работая, она часто наблюдает, как ребята совершают прогулку, держась за веревочку. Эту живую сценку и решила воплотить Олита Аболинь.

На выставке работ латышских керамистов «Прогулка» вызвала всеобщее восхищение.

Рига.

Г. КАРКЛИНЬ
Фото Я. Глейзд.

ТВОРЧЕСКИЙ КЛУБ ОГОНЕК

У НАС В ГОСТЯХ ПЕСНЯ



Н. Ушаков.

В конференц-зале «Огонька» звучали страстные мелодии Африки и печальные напевы негров Северной Америки, озорные частушки и шуточные солдатские припевки, песенки, которые поют геологи в походах и альпинисты на привалах. Последние заседания творческого клуба «На огонек» были посвящены песне.

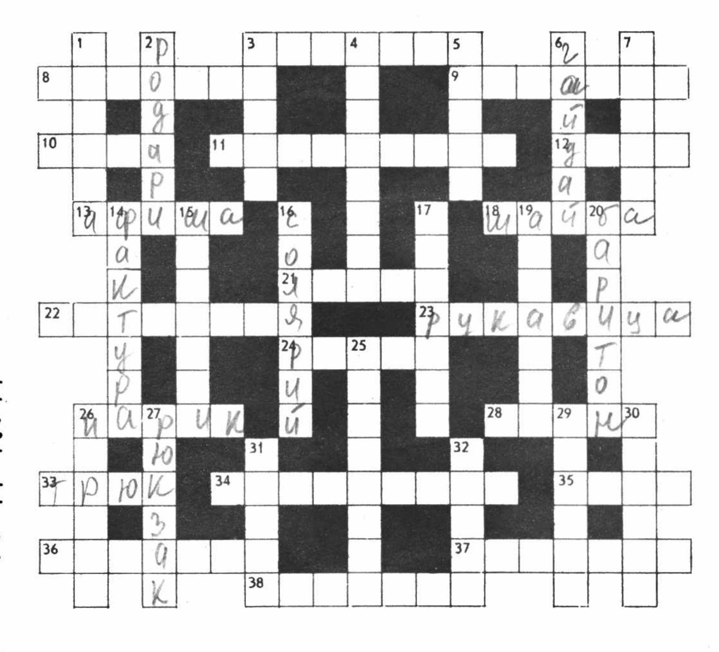
Молодой солист Большого театра Николай Ушаков исполнил новые произведения композитора Александра Аверкина, который давно дружит с «Огоньком».

Гость нашей редакции Юрий Визбор — корреспондент «Кругозора». Однако его журналистские орудия не только вечное перо и фотоаппарат, но еще и гитара и магнитофон. На заседании клуба Визбор познакомил огоньковцев со своими песнями.

В канун Нового года к нам в редакцию приехали Дмитрий Згерский, Владимир Макаренко, Игорь Щеулов — студенты Института восточных языков при МГУ. В исполнении дружного студенческого трио прозвучали песни народов мира.



Ю. Визбор. Д. Згерский, В. Макаренко, И. Щеулов.



КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Русский композитор, автор романса «Тройка». 8. Сорт яблок. 9. Трагедия М. Ю. Лермонтова. 10. Время года. 11. Снаряжение охотника. 12. Советский график-карикатурист. 13. Объявление о спектакле. 18. Диск для игры в хоккей. 21. Созвучное окончание стихотворных строк. 22. Народный танец. 23. Варежка. 24. Цилиндрический сверток. 26. Накладные волосы. 28. Автор романа «Остров пингвинов». 33. Ловкий прием акробата. 34. Комическое театральное представление. 35. Рассказ А. П. Чехова. 36. Комнатный фейерверк. 37. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 38. Кресло на изогнутых полозьях.

По вертикали:

1. Пушной зверь. 2. Итальянский детский писатель. 3. Торг. 4. Собственноручная подпись. 5. Поворот. 6. Советская певица, народная артистка СССР. 7. Небольшое драматическое произведение. 14. Счет на товар. 15. Польский юмористический журнал. 16. Терраса для воздушных ванн. 17. Музыкант оркестра. 19. Город в Целинном крае. 20. Мужской голос. 25. Быстролетающая птица. 26. Единица расстояний в астрономии. 27. Заплечный вещевой мешок. 29. Русский шахматист, чемпион мира. 30. Часть круга. 31. Заяц. 32. Река в Якутии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

5. Танеев. 6. Блузка. 7. Чернышевский. 11. Клюшка. 15. Кашемир. 17. Баженов. 18. Фирс. 19. «Снегурочка». 20. Озон. 21. Анапест. 23. Линейка. 25. Ангара. 27. Энциклопедия. 28. Флейта. 29. Идиома.

По вертикали:

1. Конфетти. 2. Орешник. 3. «Коляска». 4. Лезгинка. 8. Прессшпан. 9. Анемометр. 10. Вариант. 12. Леггорн. 13. Косогор. 14. «Холопка». 16. Ранет. 17. Бокал. 22. Спаниель. 24. Иллинойс. 25. Ариетта. 26. Абердин.

На первой странице обложки: Чемпион XVIII Олимпийских игр Леонид Жаботинский в гостях у киевских школьников.

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Абсолютный чемпион СССР Эдуард Матусевич.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусства — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67, Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00825. Подписано к печати 6/I 1965 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 934 000. Изд. № 3. Заказ № 3515.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Мех

Женщина даже растерялась. 120 рублей стоит такая шуба? Продавщица меховой секции ГУМа с удовольствием повторила цену. Видно, и ей было приятно называть цифру 120, вместо привычных 800—900. А шуба красивая: черная, блестящая, мех переливается, словно муаровая ткань, и сшита хорошо, элегантно... Может быть, это синтетика? Нет, мех — лапки каракуля. А рядом другая шуба — немного подороже, завиток покруче, поплотнее. Это уже мерлушка. И тоже сшита куда как красиво. Не бесформенный, громоздкий балахон, напоминающий одеяние ночного сторожа в зимнюю вьюжную ночь, а пальтишко строгой формы, которая хорошо подчеркивает и линии фигуры и особенность меха.

Конечно, мы не будем утверждать, что такими пальто завалены магазины, что каждый из нас в свободную минуту забежит в меховой салон и тут же купит шубку за наличные или, того лучше, в кредит. Но хорошо, что они уже есть, пусть еще в недостаточном количестве, но есть. Красивое и недорогое всегда нарасхват, покупатели понимают, «что такое хорошо и что такое плохо». Но покупатели понимали это и раньше, а вот те, кто это изготовляет и поставляет, видно, поняли только теперь. И то благо. Тем более, что поняли это и те, кто занимается массовой продукцией — фабрики, магазины и работники ателье.

Мы побывали в довольно невзрачном на вид ателье № 19, приютившемся в старом доме на старом Арбате. Какие же хорошие здесь шьют пальто! Конечно, и тут вы увидите больше пальто из каракуля, чем из его лапок, из цигейки, чем из мерлушки, но ведь и их-то заказали тоже трудящиеся, а не жена и дочь мистера Твистера. И очень хорошо, что и они сшиты по-современному — просто и элегантно.

Но с каждым днем синтетика, искусственные меха, современные формы все больше вытесняют из обихода громоздкие дохи, массивные, тяжелые шубы, замысловатые манто, неуместные при нашем стремительном жизненном ритме... На их место приходят элегантные, простые, скромные, удобные, а главное, недорогие меховые шубки. Вот вроде тех, что вам предлагает здесь художница Н. ГОЛИКОВА.

И. СЕМЕНОВА

